ИЗВѢСТІЯ

ИМПЕРАТОРСКОЙ

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОММИССІИ.

Выпускъ 24.

Съ 18-ю таблицами и 50-ю чертежами.

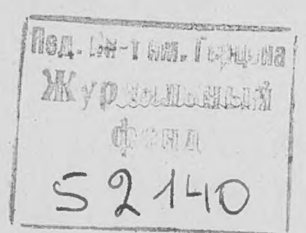

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховая, 40.
1907.

ИЗВѢСТІЯ

ИМПЕРАТОРСКОЙ

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОММИССІИ.

Выпускъ 24.

Съ 18-ю таблицами и 50-ю чертежами.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховая, 40
1907.

Печатано по распоряженію Императорской Археологической Коммиссіи.

Н. В. Султановъ.

ОСТАТКИ

ЯКУТСКАГО ОСТРОГА

и

НѢКОТОРЫЕ ДРУГІЕ ПАМЯТНИКИ

ДЕРЕВЯННАГО ЗОДЧЕСТВА ВЪ СИБИРИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховая, 40.
1907.

Bulletin de la Commission Impériale Archéologique.

24-ème livraison.

N. Soultanoff. Les ruines de la forteresse de Yakoutsk et quelques autres monuments de l'architecture en bois en Sibérie (av. 18 planches et 50 figures).

Остатки Якутскаго острога
и
нѣкоторыхъ другихъ памятниковъ деревяннаго зодчества
въ Сибири.

(По архивнымъ даннымъ).

Источники:

1. Архивное дѣло Техническаго Строительнаго Комитета Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, въ 3-томахъ, № 287, 1869 года.
2. Архивное дѣло бывшаго Хозяйственнаго Департамента Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, № 607 и № 105, 1877—1879 гг.
3. Дѣло Императорской Археологической Коммиссіи № 246, 1900 года и другая переписка той же Коммиссіи.

„Корыстолюбивое невѣжество не уважаетъ остатковъ старины! Острожки и городки въ Сибири постепенно уничтожаются. Вѣроятно, придетъ время, когда мы тщетно будемъ искать слѣдовъ военной архитектуры нашихъ казаковъ завоевателей“. (Н. Щукинъ. „Поѣздка въ Якутскъ“. Спб. 1844 г.).

„Строжайше воспрещается разрушать остатки древнихъ замковъ, крѣпостей, памятниковъ и другихъ зданій древности, подъ отвѣтственностью за нарушеніе сего Губернаторовъ и мѣстной полиціи“. (Уставъ Строительный, ст. 76).

I.

Въ 1683-мъ году, при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ, былъ поставленъ въ городѣ Якутскѣ новый острогъ.

Остатки этого укрѣпленія существуютъ и въ настоящее время и состоятъ изъ четырехъ деревянныхъ башенъ и двухъ пряселъ такой-же стѣны (табл. V, VI, VII, VIII и IX). Они представляютъ собою едва-ли не *единственный* во всей Русской Имперіи образецъ нашего древняго деревяннаго

крѣпостного зодчества, ведущаго свое начало, по лѣтописнымъ даннымъ, отъ временъ Игоря и Ольги, а въ дѣйствительности—отъ временъ гораздо болѣе отдаленныхъ.

Не взирая на бури и на «сибирскія» непогоды, цѣлыхъ двѣсти двадцать лѣтъ простояли эти почтенные остатки древне-русской твердыни; и, быть можетъ, простояли-бы еще очень долго, если-бъ не появился новый врагъ, гораздо болѣе страшный, чѣмъ бури и непогоды.

Начиная съ 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія, мѣстныя власти, во имя ложно понимаемаго городскаго «благообразія», начинаютъ дѣлать неоднократныя и весьма настойчивыя представленія о сломкѣ этихъ остатковъ. Императорская Археологическая Коммисія до сихъ поръ довольно успѣшно сопротивлялась подобному вандализму, но что будетъ дальше,—сказать трудно.

Поэтому, помня приведенныя въ эпиграфѣ слова Щукина, мы рѣшились закрѣпить память объ остаткахъ Якутскаго острога, хотя-бы въ археологической литературѣ.

Но, прежде чѣмъ разбирать самый памятникъ, мы считаемъ нужнымъ сдѣлать краткій историческій обзоръ тѣхъ обстоятельствъ, которыя обусловливали его сооруженіе, и вмѣстѣ съ тѣмъ прослѣдить его дальнѣйшую судьбу.

Еще задолго до Ермака русскіе были хорошо знакомы съ сѣверо-западною частью Сибири [1]).

Затѣмъ въ 1557-мъ году Иванъ Грозный послалъ двухъ атамановъ, Ивана Петрова и Бурнаша Ялычева за Сибирь, на югъ, и снабдилъ ихъ дружественными грамотами къ государямъ тѣхъ народовъ, которыхъ имъ придется встрѣтить [2]). Эти смѣльчаки прошли всю Сибирь и Монголію, проникли за Китайскую стѣну и добрались до Пекина, откуда не только благополучно возвратились назадъ, но даже подали «доѣздъ по наказу своему» [3]), т. е., иными словами, докладъ о своемъ путешествіи. Такимъ образомъ уже въ половинѣ XVI-го вѣка русскіе имѣли письменныя свѣдѣнія о пути черезъ всю Сибирь до Пекина. Затѣмъ въ концѣ XVI вѣка Ермакъ покоряетъ часть Западной Сибири. Съ этихъ поръ русскіе съ неудержимою силою стре-

---

[1]) Собственно впервые русскіе познакомились съ Сибирью въ 1245—1247 г. во время путешествія на Амуръ къ великому хану Октаю князя Константина, сына великаго князя Ярослава II Всеволодовича, которому потомъ самому пришлось ѣхать туда-же на поклонъ къ новому хану Гаюку. Но мы знаемъ объ этомъ лишь какъ о голыхъ лѣтописныхъ фактахъ, и никакихъ записей о пройденномъ пути до насъ не дошло.

[2]) См. у Карамзина т. IX, гл. VI.

[3]) См. „Приложеніе къ Чертежной книгѣ Сибири“. Спб., 1882 г., стр. 3.

мятся впередъ и въ теченіе полутораста лѣтъ захватываютъ ее всю: только океанъ полагаетъ преграду этому стихійному движенію.

Начатое при Грозномъ завоеваніе продолжалось и при его преемникахъ, но особенно много сдѣлалъ для Сибири Годуновъ.

Черт. 1. Городъ Пелымъ на Тавдѣ.
(По „Чертежной книгѣ Сибири" Семена Ремезова, 1701 года).

«Мы, сыны Сибири, говоритъ Словцовъ—одинъ изъ основательнѣйшихъ историковъ Сибири,—должны въ лицѣ Бориса Ѳеодоровича Годунова чтить искуснаго хозяина, разумно и дѣятельно принявшагося за дѣло нашей родины, не смотря на худую славу, какую онъ наслѣдовалъ за изуродованіе Архангельской промышленности, при царственномъ зятѣ, чрезъ непомѣрное угожденіе вольностямъ Англійскаго торга [1]). Устроитель Сибири, сперва въ

[1]) Грамота 29 марта 1588 объ исключеніи англичанъ изъ таможенныхъ сборовъ въ Архангельскѣ. Акты Арх. Экспед., томъ I. (Ссылка Словцова).

качествѣ ближайшаго сановника, потомъ въ санѣ Государя, дабы безвозвратно связать Сибирь съ Россіею, развилъ въ теченіе 20-ти лѣтъ, отъ подошвы Урала къ Енисею, непрерывную прогрессію силъ, рядъ замковъ и городовъ, взаимно себѣ помогавшихъ, какъ рядъ редутовъ, надвое разрѣзавшихъ племена подозрительной вѣрности. Къ сѣверу очутились отдѣленными Вогулы, Остяки, частію Татары, Самоѣды, Тунгусы—племена въ идеѣ подданства движимыя, какъ ихъ стрѣлы, и также виляющія послѣ минуты направленія. Параллельная сѣверная линія, разъединивъ въ свою очередь однородцевъ и надзирая за ихъ расположеніями, совершенно съ сѣвера обезопасила главную просѣку водвореній».

«Съ картою въ рукѣ не лучше можно бы распорядиться. Укрѣпленія въ Обдорскѣ и на Тазѣ, заставы на западномъ берегу Оби со стороны Обдорска и другія заставы къ Енисею, по правилу подражанія позднѣе брошенныя, представляютъ въ Борисѣ Государя, умѣющаго раскидывать сѣть таможенную; въ самомъ дѣлѣ, если уже рѣшено, что между Сибирью и Россіею всѣ привозы и вывозы подлежатъ въ Верхотурьѣ пошлинѣ, то нѣтъ и побочныхъ дорогъ, кромѣ указной» [1]).

Черт. 2.
Кетскій острогъ на Кетѣ.
(По Ремезову).

И дѣйствительно мы видимъ, что въ короткій промежутокъ времени, съ 1585-го по 1601 г., т. е. въ періодъ властвованія Годунова, вся западная Сибирь покрывается сѣтью русскихъ остроговъ и крѣпостей. За это время были основаны Бѣлгородскій острогъ на Оби, Тюмень на Турѣ, Тобольскъ на Иртышѣ, Тавда на Лозвѣ, Березовъ на Сосвѣ, Пелымъ на Тавдѣ (черт. 1), Тара на Иртышѣ, Сургутъ на Оби, Обдорскъ на Полуи, Нарымъ на устьѣ Кета, Кетскій острогъ на Кетѣ (черт. 2), Верхотурье и Туринскъ на Турѣ, Мангазея между устьями Оби и Енисея, и наконецъ самымъ послѣднимъ Томскъ на Томи въ 1601-мъ году.

Мы не знаемъ плана, по которому дѣйствовало московское правительство въ это время, но во всякомъ случаѣ ясно, что оно дѣйствовало не наобумъ, что и совершенно правильно отмѣчаетъ Словцовъ, и о чемъ мы можемъ заключать также по аналогіи съ дѣйствіями того-же московскаго правительства во второй половинѣ XVII вѣка, планъ которыхъ выясняется найденнымъ г. Оглоблинымъ «Чертежнымъ описаніемъ Сибири».

---

1) Словцовъ. „Историч. опис. Сибири", часть 1, стр. 20—21.

«Это чертежное описаніе, говоритъ онъ, представляетъ найденная мною «роспись противъ чертежу» 1668 г. [1]) Вотъ начало ея:

«Роспись противъ чертежу... Сибирскихъ земель городомъ и острогамъ и слободамъ, и гдѣ межъ слободъ Тобольскаго и Верхотурскаго уѣздовъ построить какія крѣпости, и рѣки, и озера, и сколько гдѣ крѣпостей, по высмотру стольника и воеводъ Петра Ивановича Годунова съ товарищи, посадить драгунъ, и къ Китайскому государству ходъ, и Китайскіе городы, и рубежъ, и азбука—почему знать городы и остроги и слободы» и проч., «за свидѣтельствомъ всякихъ чиновъ людей», которые въ тѣхъ краяхъ бывали и тѣ страны «знаютъ подлинно» и т. д.

«Итакъ, помимо цѣли общаго географическаго описанія Сибири, заключаетъ онъ, чертежъ 176 (1668) года былъ составленъ и по спеціальному поводу, именно для описанія тѣхъ мѣстностей, гдѣ слѣдуетъ «построить крѣпости» и «посадить драгунъ» въ Тобольскомъ и Верхотурскомъ уѣздахъ, для защиты ихъ «отъ прихода воинскихъ людей». Объ этихъ спеціальныхъ цѣляхъ составленія чертежа 176 г. говорятъ 4-я и 5-я статьи «росписи», которыя отмѣчаютъ тѣ мѣстности, гдѣ назначено «быть драгуномъ» и проч. [2]).

А отсюда ясно, что при основаніи остроговъ московское правительство руководствовалось военно-стратегическими цѣлями для объясачиванья инородцевъ и покоренія края.

Съ 1601 года наступаетъ нѣкоторый перерывъ въ русскомъ строительствѣ въ Сибири, вплоть до 1617 года, что, впрочемъ, вполнѣ понятно, такъ какъ во второй половинѣ своего царствованія Годуновъ заботился главнымъ образомъ о томъ, чтобы удержаться на престолѣ; затѣмъ появляется Самозванецъ и наступаетъ «московская разруха», когда и самое владычество русскихъ въ Сибири было поколеблено, ибо инородцы стали волноваться и мѣстами нападать на русскія поселенія, узнавъ, что въ Москвѣ нѣтъ Царя.

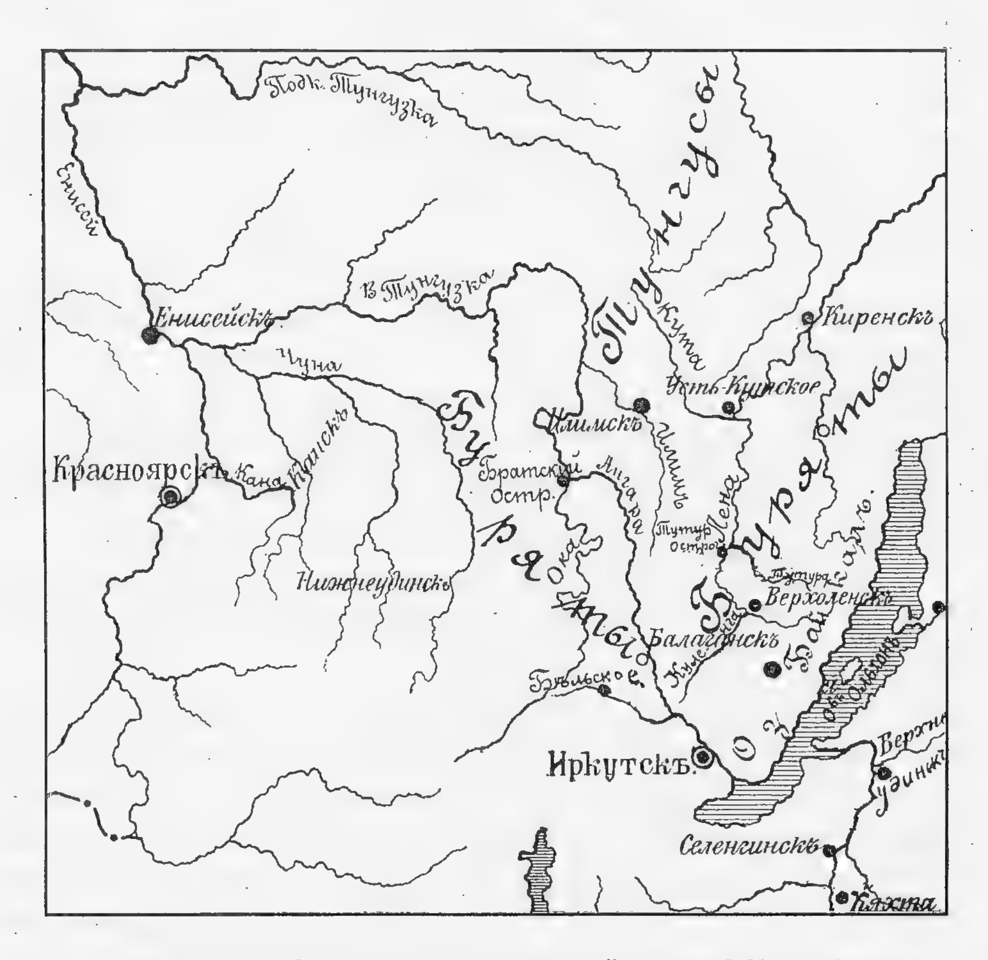
Но съ воцареніемъ Михаила Ѳеодоровича русскія дѣйствія въ Сибири принимаютъ прежній характеръ, хотя и не столь напряженный какъ раньше, ибо государство лишь медленно поправлялось отъ пережитаго погрома. Тѣмъ не менѣе, независимо отъ постройки дополнительныхъ остроговъ въ Западной Сибири, московское правительство продвигается понемногу впередъ и на востокъ и утверждаетъ свое господство въ верхнемъ концѣ средняго теченія Енисея.

---

[1]) Сибирск. приказа столбецъ № 867. (Ссылка г. Оглоблина).

[2]) См. Н. Оглоблинъ, Источники „Чертежной Книги Сибири“ Семена Ремезова (*Библіографъ* 1891 г., № 1).

Съ этою цѣлью оно основываетъ въ 1617 году Енисейскъ на Енисеѣ (черт. 3), два года спустя Маконскій острогъ на Кетѣ, правомъ притокѣ Оби, почти на параллели Енисейска, и затѣмъ въ 1627-мъ году Красноярскъ на устьѣ Качи, впадающей въ Енисей, подвигаясь, слѣдовательно, къ верховьямъ послѣд-

Черт. 3. Карта Бурятскаго края во второй половинѣ XVII вѣка.

няго, который такимъ образомъ становится въ концѣ 30-хъ годовъ XVII-го столѣтія русскою границею.

Но, конечно, Енисей не могъ удержать поступательнаго движенія русскихъ, и дѣйствительно мы видимъ, что уже въ слѣдующемъ году послѣ основанія Красноярска русскіе переходятъ Енисей и основываютъ Канскій острогъ, почти на параллели Красноярска, на р. Канѣ, правомъ притокѣ Енисея (черт. 3).

Такъ какъ все дальнѣйшее движеніе русскихъ совершается отдѣльными мелкими походами, направляемыми почти исключительно по теченіямъ рѣкъ,

а власть ихъ закрѣпляется съ помощью основанія въ покоренныхъ земляхъ крѣпостей, или по тогдашнему «остроговъ», то для болѣе яснаго уразумѣнія событій необходимо слѣдить за ними по картѣ, которую мы здѣсь и прилагаемъ (табл. I).

По отстройкѣ Енисейска начинается цѣлый рядъ походовъ на востокъ, которые однако не даютъ особенно ощутительныхъ итоговъ, ибо русскіе встрѣтили очень сильное сопротивленіе со стороны бурятъ. Тѣмъ не менѣе атаманъ Максимъ Перфильевъ основываетъ въ 1631-мъ году на правомъ берегу Ангары, противъ устья ея лѣваго притока Оки, Братскій острогъ [1]), отъ котораго до Лены было, по сибирски, что называется, рукой подать (черт. 3) [2]).

Оставляя въ сторонѣ мелкіе казацкіе набѣги, заканчивавшіеся лишь сборомъ ясака, мы перейдемъ теперь къ завоеванію бассейна Лены, которое началось съ похода атамана Галкина, посланнаго въ 1630-мъ году изъ Енисейска. Галкинъ пошелъ по Верхней Тунгускѣ въ ея лѣвый притокъ Илимъ и, поднявшись по немъ, перешелъ волокомъ въ р. Куту, лѣвый притокъ Лены. Здѣсь на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ надо было переволакиваться съ Илима на Куту, онъ построилъ зимовье, которое переименовано было въ 1649-мъ году въ г. Илимскъ (черт. 3) [3]), и отправилъ своихъ людей для развѣдокъ и за ясакомъ вверхъ и внизъ по Ленѣ. Въ слѣдующемъ году онъ спустился по р. Куту и при устьѣ ея основалъ другое зимовье, которое послужило ядромъ будущаго Усть-Кутскаго острога [4]). На смѣну Галкина былъ присланъ въ 1632 г. боярскій сынъ сотникъ Бекетовъ, который поднялся сперва вверхъ по Ленѣ, но послѣ неудачной встрѣчи съ бурятами долженъ былъ вернуться назадъ и заложилъ Тутурскій острогъ [5]) при устьѣ Тутурки, праваго притока Лены. Послѣ этого онъ спустился далеко внизъ по Ленѣ и въ томъже 1632-мъ году заложилъ Якутскій острогъ (табл. I и черт. 4), который явился въ это время самымъ передовымъ мѣстомъ русскихъ поселеній на дальнемъ Сѣверо-востокѣ и сдѣлался тѣмъ средоточіемъ, изъ котораго распространилось русское владычество въ восточной Сибири.

По основаніи Якутска московское правительство, повидимому, долго не давало себѣ яснаго отчета объ его географическомъ положеніи, потому что

---

1) Нынѣ село Братское, въ Нижнеудинскомъ округѣ.
2) Обо всемъ этомъ подробно см. у Фишера и у В. К. Андріевича.
3) Теперь заштатный городъ Илимскъ.
4) Теперь Усть-Кутское село Киренскаго округа.
5) Теперь Тутурская слобода.

на первой общей картѣ Сибири, составленной въ 1668 году подъ наблюденіемъ стольника и Тобольскаго воеводы Петра Ивановича Годунова [1]), онъ показанъ близъ устьевъ Лены, т. е. почти у Ледовитаго океана (черт. 5).

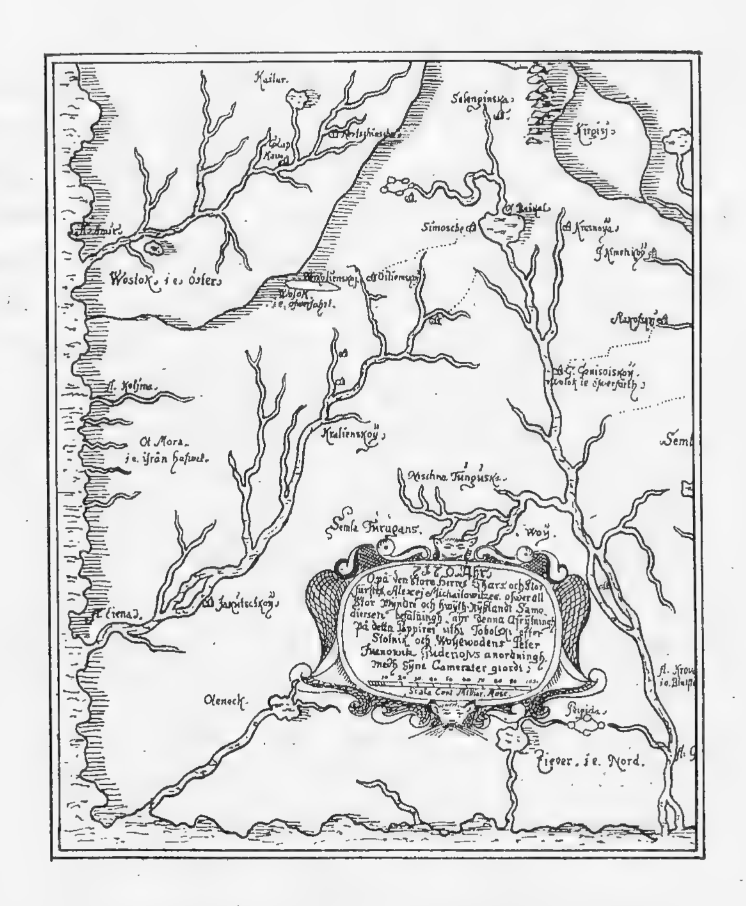
Черт. 4. Г. Якутскъ въ самомъ концѣ XVII вѣка.
(По Семену Ремезову).

Въ картѣ этой съ перваго взгляда разобраться довольно трудно, затѣмъ, при внимательномъ разсмотрѣніи, вопросъ разъясняется. Прежде всего мы

---

[1]) Карта Годунова въ подлинникѣ намъ неизвѣстна и дошла до насъ только въ копіи шведскаго „кондуктора фортификаціи" Іогансена Прютца, который скопировалъ ее въ 1669 году въ Москвѣ, въ свою бытность тамъ въ составѣ шведскаго посольства (См. у Кордта, „Матеріалы по русской картографіи", вторая серія, вып. 1, стр. 25). Эта карта была сперва напечатана А. А. Титовымъ въ 1890 г. (См. его „Сибирь въ XVII вѣкѣ"), а потомъ В. Кордтомъ въ 1906 г.

замѣчаемъ внизу, направо надпись Ziever. j e. Nord, т. е. «Сѣверъ или Нордъ», а затѣмъ вверху чертежа въ верховьяхъ рѣки показано справа озеро, съ надписью «os. Baikal». Итакъ, если сѣверъ внизу, а Байкалъ наверху, то карта оказывается перевернутой низомъ вверхъ по сравненію съ

Черт. 5. Карта Восточной Сибири П. И. Годунова.
(По В. Кордту).

современной оріентировкой, въ чемъ, впрочемъ, страннаго ничего нѣтъ и что мы замѣчаемъ даже на многихъ старинныхъ европейскихъ картахъ, какъ напр. на картѣ Украйны Боплана 1650 г. [1]) и др. Тотъ-же пріемъ, какъ мы увидимъ далѣе, встрѣчается и гораздо позже, въ 1701-мъ году, въ «Чертежной картѣ Сибири» Тобольскаго сына боярскаго Семена Ремезова.

[1]) Есть въ изданіи Кордта,—вып. 1, табл. XXXII.

Въ предисловіи къ изданію этой книги, сдѣланномъ Императорской Археографической Коммиссіей [1]), совершенно справедливо замѣчено по этому поводу слѣдующее: «Сѣверъ полагается не по греческому обычаю, усвоенному нынѣ въ видѣ общаго правила, а по хранившемуся до XVI вѣка арабскому, внизу листа, или даже его положеніе измѣняется по произволу».

Переходя затѣмъ къ очертаніямъ морей на картѣ Годунова, мы видимъ, что истинный ихъ видъ былъ совершенно неизвѣстенъ ея составителямъ, вслѣдствіе чего они обозначали ихъ по предположенію и наивно располагали берега параллельно рамкѣ чертежа, причемъ Лена оказалась впадающей въ лѣвое море, т. е. въ Ламу или Охотское море, а не въ Ледовитый океанъ. А что слѣва предполагалось Охотское море, лучшимъ доказательствомъ служитъ то, что на берегу его написано: «Wostok j. e. Osters», и что въ него же показанъ впадающимъ Амуръ. Что-же касается до Якутска, то онъ помѣщенъ на чертежѣ налѣво отъ картуши съ надписью, недалеко отъ устьевъ Лены, гдѣ изображены два домика и написано: «Iakutscskoy».

Затѣмъ эта ошибка, очевидно, выясняется, ибо уже въ «Спискѣ съ чертежа Сибирскія земли 1672 года» мы читаемъ слѣдующее: «А отъ Якутскаго острогу, по Лѣнѣ рѣкѣ, внизъ до моря ходу три недѣли» [2]).

Поселившіеся въ Якутскѣ казаки получили въ 1635 году названіе «Якутскихъ» и съ этого времени стали предпринимать походы во всѣ стороны. Въ томъ-же году сотникъ Бекетовъ заложилъ Олекминскій острогъ на лѣвомъ берегу Лены, немного выше ея праваго притока Олекмы, примѣрно, верстахъ въ 500-хъ выше Якутска. Такимъ образомъ захвачено было все верхнее и среднее теченіе Лены, гдѣ было расположено пять остроговъ: Верхоленскій [3]), Усть-Кутскій, Киренскій [4]), Олекминскій и Якутскій (черт. 3 и табл. I). Но первоначально дѣла шли неудачно въ виду соперничества съ казаками другихъ остроговъ, напр. съ мангазейцами. Эти неурядицы не могли укрыться отъ зоркаго глаза московскаго правительства и побудили его образовать въ 1638-мъ году самостоятельное «Якутское воеводство», первыми воеводами котораго были стольники Петръ Головинъ и Матвѣй Глѣбовъ; они прибыли въ Якутскъ въ 1641 году и скоро водворили тамъ

---

[1]) Въ 1882-мъ году, иждивеніемъ П. И. Лихачева.

[2]) См. у Г. И. Спасскаго: „Списокъ съ чертежа Сибирскія земли 1672 году“. („*Временникъ Имп. Моск. О-ва Ист. и Др. Росс.*“, книга 3-я, 1849 г.).

[3]) Заложенъ въ 1641 г.

[4]) Заложенъ въ 1630 году; переименованъ въ острогъ въ 1665 году.

должный порядокъ. Въ составъ ихъ воеводства вошло все верхнее теченіе Лены и земли по рѣкамъ Илиму, Вилюю и Алдану (табл. I).

Прибытіе воеводъ благопріятно отразилось не только на упорядоченіи мѣстныхъ дѣлъ, но и на изученіи края и ознакомленіи съ нимъ московскаго правительства. Они не только составили подробный маршрутъ своего пути, но тотчасъ-же по прибытіи на мѣсто занялись изученіемъ страны.

Любопытныя свѣдѣнія мы находимъ въ этомъ отношеніи у Е. Е. Замысловскаго: «Въ 1640—1641 гг., говоритъ онъ, были составлены слѣдующія росписи: 1) «роспись противъ чертежю рѣкамъ и порогамъ отъ Енисейскаго острогу вверхъ до Лѣнскаго волоку, по которымъ шли на государеву службу на великую рѣку Лену въ Якутцкой острогъ изъ Енисейскаго острогу столники и воеводы Петръ Головинъ, Матвѣй Глѣбовъ, дьякъ Еуѳимей Филатовъ, во 148 году, и сколько до которой рѣки судового ходу, и стороннимъ рѣкамъ, которые пали въ Тунгуску и въ Илимъ рѣку». 2) «Роспись противъ чертежу отъ Куты рѣки вверхъ по Лѣнѣ рѣкѣ и до вершины, и стороннимъ рѣкамъ, которые впали въ Лѣну рѣку, и сколько отъ рѣки до рѣки судового ходу, и пашеннымъ мѣстамъ и роспросные рѣчи тунгускаго князя Можеулка про Брацкихъ людей и про Тунгускихъ и про Ламу, и про иные рѣки».

Но этими росписями они не удовольствовались и въ томъ же 1641-мъ году тѣ же Ленскіе воеводы доносили царю о пріискахъ служивыми людьми новыхъ земель и о томъ, что они послали на Витимъ рѣку письменнаго голову Еналея Бахтеряева для ясачнаго сбору и пріиску новыхъ землицъ, для серебряной, мѣдной и свинцовой руды и хлѣбной пашни. «Да ему жъ, государь, Еналею, велѣли мы, холопи твои, Витиму рѣкѣ и падучимъ въ нее стороннимъ рѣкамъ и Чибиру озеру и Шилкѣ рѣкѣ до устья, и какіе люди по тѣмъ рѣкамъ живутъ, и много ли ихъ, и серебряной рудѣ, и мѣдной, и свинцовой, въ которыхъ мѣстѣхъ тѣ руды есть, и проходъ въ Китайское государство, по распросу иноземцевъ, велѣли сдѣлать чертежъ и роспись» [1]).

Съ своей стороны московское правительство живо интересовалось Якутскимъ краемъ, доказательства чему мы находимъ у того-же Е. Е. Замысловскаго.

---

[1]) Тамъ же № 96, стр. 261. Въ приложеніяхъ къ статьѣ А. А. Гоздаво-Голомбіевскаго: „Опись чертежей, хранившихся въ разрядѣ во 2-й половинѣ XVII вѣка", въ Описаніи документовъ и бумагъ, хранящихся въ Моск. арх. минист. юстиціи, кн. VI, 1889 г., напечатаны 3 наказныя памяти, относящіяся къ первому времени воеводства Головина (1640 г.); въ нихъ предписывается каждому изъ посланныхъ составить чертежъ, см. стр. 29—35. (Ссылка Е. Е. Замысловскаго).

«Въ наказѣ Ленскимъ или Якутскимъ воеводамъ Василію Пушкину и Кириллу Супоневу и дьяку Петру Стеншину, 1644 года февраля 10-го, говоритъ онъ, объ управленіи тамошнимъ краемъ находимъ слѣдующее любопытное извѣстіе: «Да о томъ о всемъ и про весь свой высмотръ, что на Лѣнѣ рѣкѣ учинятъ, велѣно имъ столнику и воеводѣ Петру Головину съ товарищи отписати, и Лѣнѣ, Алдону, и Чаю, и Вилюю, и инымъ рѣкамъ, и новымъ землицамъ, которые по тѣмъ рѣкамъ провѣдаютъ, да и Лѣнскому острогу, каковъ они поставятъ, и прежнимъ острожкамъ и дорогамъ, которыми они на Лѣну рѣку изъ Енисейскаго острогу пойдутъ, роспись и чертежъ прислать къ государю къ Москвѣ. И столники и воеводы Петръ Головинъ въ прошломъ во 150 году писали къ государю царю и великому князю Михаилу Ѳеодоровичу всея Русіи, и прислали великой рѣкѣ Лѣнѣ и инымъ стороннимъ рѣкамъ только одинъ чертежъ съ Лѣнскаго волоку» [1]).

Благое дѣло изученія края Якутское воеводство продолжаетъ и въ слѣдующіе года, уже въ царствованіе Тишайшаго Государя Алексѣя Михайловича, что видно изъ слѣдующихъ данныхъ:

«Въ наказѣ Якутскаго воеводы Димитрія Францбекова Ерофею Хабарову, 1649 года марта 6-го, о походѣ въ Даурскую землю говорится: и тобѣ Ерофейку, съ тою государевою ясачною и поминочною казною послать въ Якуцкой острогъ, сколько человѣкъ пригоже, и той государевѣ казнѣ ясачныя именныя книги и рѣкамъ чертежъ, и многоль по тѣмъ рѣкамъ людей живетъ, и какіе люди и о томъ отписать въ Якутцкой острогъ, въ съѣзжую избу къ воеводѣ Дмитрію Андреевичу Францбекову да къ дьяку Осипу Степанову».

Хабаровъ исполнилъ это порученіе, и въ отпискѣ къ царю Дмитрія Францбекова, 1650 года мая 26-го, находимъ слѣдующее извѣстіе: «А въ тѣхъ князь Лавкаевыхъ въ городахъ и въ улусѣхъ луги великіе и пашни есть, а лѣсы по той великой рѣкѣ Амурѣ темные большіе, соболя и всякаго звѣря много; и будетъ Богъ поручитъ твоимъ государскимъ счастіемъ аманатовъ, и тебѣ государю будетъ казна великая». «Да послали мы, холопи твои, ко государю его князь Лавкаевыхъ городовъ и земли чертежъ» [2]).

Отсюда ясно, что заброшенный на край свѣта *Якутскъ уже въ половинѣ XVII вѣка* несъ не одну ратную службу, но и другую великую службу, службу русскому просвѣщенію, и *вносилъ свои вклады* не только въ русскую,

[1]) См. Е. Е. Замысловскій, „Чертежи Сибирскихъ земель XVI—XVII вѣка", стр. 341—343. *Ж. М. Н. П.* ч. CCLXXV, 1891 г., іюль.

[2]) См. ibid.

но и въ европейскую науку. Ниже мы увидимъ, что составитель знаменитой «Чертежной книги Сибири» Тобольскій боярскій сынъ Семенъ Ремезовъ пользовался всѣми росписями и чертежами своихъ предшественниковъ, а его книгой въ свою очередь пользовался голландскій ученый Витзенъ, сочиненіе котораго «О странахъ сѣверной и восточной Азіи и Европы» современники ставили такъ высоко, что считали его автора «новымъ Колумбомъ» и «открывателемъ сѣверо-восточнаго Свѣта».

Такимъ образомъ Якутскъ сталъ той средой, изъ которой русская власть широкою волною разлилась на югъ, на сѣверъ и на востокъ.

При изложеніи этихъ событій можно держаться одного изъ двухъ путей: хронологическаго или географическаго. Но первый изъ нихъ, въ данномъ случаѣ, является неудовлетворительнымъ, ибо представляетъ собою, въ силу самаго характера русскихъ завоеваній въ восточной Сибири, такую пеструю смѣсь личныхъ и географическихъ именъ, мелкихъ и крупныхъ событій и ихъ хронологическихъ датъ, что разбираться въ ней очень трудно; въ особенности если принять во вниманіе, что многія событія совершались одновременно и притомъ нерѣдко въ противоположныхъ концахъ этого огромнѣйшаго края.

Поэтому мы остановимся на географическомъ способѣ изложенія, такъ какъ, во 1-хъ, онъ позволяетъ распредѣлить событія по опредѣленнымъ мѣстностямъ, а во 2-хъ, исключаетъ болѣе или менѣе одновременность событій и тѣмъ даетъ возможность изложить ихъ въ послѣдовательной связи.

Руководствуясь этимъ, мы можемъ раздѣлить всѣ дѣйствія Якутскаго воеводства на пять частей:

1) Завоеваніе странъ, прилегающихъ къ сѣверо-западнымъ берегамъ Байкала.

2) Попытки утвердиться на Амурѣ.

3) Покореніе береговъ Ледовитаго океана на востокъ отъ устьевъ Лены.

4) Покореніе западнаго берега Охотскаго моря

и 5) завоеваніе Камчатки.

Начнемъ съ борьбы на югѣ. Тутъ русскимъ пришлось встрѣтиться съ воинственнымъ племенемъ бурятъ, около Байкала, и даже съ войсками богдыхана на Амурѣ. Поэтому ихъ успѣхи были здѣсь совсѣмъ иные, нежели въ борьбѣ съ дикими и сравнительно мирными сѣверно-сибирскими инородцами.

Бурятъ русскіе покоряли лишь съ большимъ трудомъ, а овладѣть Амуромъ имъ не удалось совсѣмъ, несмотря на безумную отвагу казаковъ и многочисленныя попытки, повторявшіяся болѣе сорока лѣтъ (1643—1684 г.).

Въ виду всего этого мы оставимъ въ сторонѣ попытки утвердиться на Амурѣ и сдѣлаемъ лишь краткій обзоръ дѣйствій Якутскаго воеводства на верховьяхъ Лены, гдѣ жили тунгусы и буряты.

Енисейскіе воеводы неоднократно пытались ихъ объясачить, но это имъ не удавалось. Такъ какъ съ учрежденіемъ самостоятельнаго Якутскаго воеводства верховья Лены были къ нему приписаны, то вновь прибывшіе воеводы немедленно приняли мѣры къ его закрѣпленію за русскою властью. Съ этою цѣлью въ 1641-мъ году снаряженъ былъ походъ подъ начальствомъ сына боярскаго Василія Власова съ отборными людьми. Побѣды Власова надъ бурятами заставили ихъ смириться, и главный изъ князей ихъ, Куршумъ, даже явился въ русскій станъ для принятія подданства.

Но ограничиться этимъ набѣгомъ Якутское воеводство, конечно, не могло и не хотѣло. Чтобы стать твердою ногою въ этомъ краѣ, необходимо было прибѣгнуть къ старому и уже испытанному средству, т. е. поставить тамъ острогъ.

И дѣйствительно, мы видимъ, что въ томъ-же 1641-мъ году мѣра эта приводится въ исполненіе.

Пятидесятникъ Мартынъ Васильевъ съ товарищами, въ 1641 году мая 30-го, былъ посланъ ленскими воеводами Петромъ Головинымъ и Матвѣемъ Глѣбовымъ «на государеву службу вверхъ Лены рѣки и велѣно имъ въ Братской землѣ на устьѣ Куленги поставить острожекъ». Мартынъ Васильевъ съ товарищами исполнили порученіе и августа 29-го извѣстили ленскихъ воеводъ о походѣ къ верховьямъ Лены и основаніи острога [1]).

Верхоленскій острогъ (черт. 3) [2]) дѣйствительно послужилъ опорою въ борьбѣ русскихъ съ бурятами. Три года спустя послѣ его основанія управлявшій имъ пятидесятникъ Курбатъ Ивановъ внезапно напалъ на бурятъ за Ангарой, разбилъ ихъ и вернулся съ богатой добычей назадъ.

Наружно смирившіеся буряты вскорѣ обнаружили свое вѣроломство, возстали въ 1644 году и, подступивъ къ острогу, держали запершихся въ острогѣ казаковъ въ осадномъ положеніи, едва не уничтоживъ совершенно въ 1646 году посланное воеводами подъ начальствомъ Бедарева къ острогу подкрѣпленіе до 130 человѣкъ.

Въ 1648-мъ г. возстаніе верхоленскихъ бурятъ сдѣлалось общимъ; они

---

[1]) См. у Замысловскаго, „Чертежи Сибирскихъ земель“. *Ж. М. Н. П.*, іюнь 1891 г.

[2]) Теперь городъ Верхоленскъ Иркутской губ.

раззорили русскихъ поселенцевъ, поселившихся около острога, и намѣрены были двинуться къ Усть-Кутскому острогу, но 200 ч. промышленниковъ подъ началомъ московскаго дворянина Василія Нефедьева успѣли придти на помощь къ Верхоленскому острогу и, отразивъ бурятъ, положили конецъ возстанію.

Въ 1643-мъ году русскіе дошли до озера Байкала, а пятидесятникъ Курбатъ Ивановъ съ 75-ю промышленниками проникъ до острова Ольхона на оз. Байкалѣ [1]).

Такимъ путемъ шли завоеванія Якутскаго воеводства на югѣ, въ верховьяхъ Лены.

Теперь мы могли бы перейти къ его дѣйствіямъ на сѣверѣ, но предварительно должны сказать нѣсколько словъ о тѣхъ обстоятельствахъ, при которыхъ состоялось заложеніе Братскаго [2]) и Балаганскаго острогов [3]), потому что они находятся въ этомъ же краѣ и заключаютъ въ себѣ остатки древнихъ зданій, которые мы будемъ разсматривать ниже.

Среднее и верхнее теченіе Ангары уже издавна привлекало русскія силы, даже гораздо раньше основанія Якутска. Любопытный очеркъ этого движенія даетъ г. Ларіоновъ. Вотъ что онъ говоритъ по этому поводу: «Корыстные замыслы, слухи о богатыхъ серебряныхъ рудахъ на р. Ленѣ и вообще въ земляхъ бурятъ, богатый пушный ясакъ увлекали предпріимчивыхъ покорителей; и свѣдѣнія, имѣвшіяся о воинственности, большой военной силѣ, оружіи народовъ, обитавшихъ за рѣкою Енисеемъ, не удержали въ 1627 году Максима Перфильева рѣшиться съ 40 удалыми товарищами пуститься изъ Енисейска вверхъ по р. Верхней Тунгузкѣ (Ангарѣ) для объясаченія тамошнихъ народовъ. Попытка эта не обошлась ему дешево: хотя онъ и собралъ значительный ясакъ, но на обратномъ пути былъ настигнутъ тунгусами и въ сильной схваткѣ потерялъ много изъ своихъ товарищей ранеными и одного убитымъ, едва сохранивъ добычу».

«Затѣмъ въ 1629 г. воевода енисейскій Яковъ Хрипуновъ, уже по приказанію изъ Тобольска, самъ долженъ былъ отправиться для поисковъ серебряной руды въ земляхъ бурятъ. Поднявшись по Ангарѣ до устья р. Илима,

---

[1]) Записки и труды Иркутскаго Губернскаго Статистическаго Комитета, съ пятью литографированными картами округовъ Иркутской губерніи. Издано подъ редакціею члена-секретаря комитета Д. Д. Ларіонова. $18^{68}/_{69}$ г. Иркутскъ.

[2]) Братскій острогъ, теперь село Братское въ Нижнеудинскомъ округѣ, на Ангарѣ, при впаденіи въ нее слѣва р. Оки, примѣрно верстахъ въ 500-хъ на с.-з. отъ Иркутска.

[3]) Балаганскій острогъ, теперь гор. Балаганскъ въ Иркутской губ., на Ангарѣ, примѣрно верстахъ въ 200 на с.-з. отъ Иркутска (черт. 3).

отсюда Хрипуновъ пошелъ сухимъ путемъ вверхъ по Ангарѣ; но у устья р. Оки встрѣтилъ огромное скопище бурятъ, гдѣ, въ схваткѣ съ ними, хотя и остался побѣдителемъ, однако повернулъ назадъ, расположившись станомъ у устья Илима. Смерть Хрипунова разстроила предпріятіе и собранные люди спѣшили возвратиться по домамъ».

«Въ 1631 году Перфильевъ снова отправился по этому же пути, съ 2 пушечками и 80 казаками, для заложенія острога на этомъ пути. Доплывъ по р. Ангарѣ до Падунскаго порога, онъ остановился тутъ для постройки острога, не рѣшившись заложить его на устьѣ р. Оки, какъ было ему указано; и, построивъ острогъ нѣсколько ниже порога, назвалъ его «Братскимъ», который потомъ постепенно передвигали до самаго устья р. Оки (черт. 3)».

«Заложеніе Братскаго острога (1631 г.) есть краеугольный камень начала завладѣнія мѣстностью, занимаемой нынѣшней Иркутской губерніею».

«Подчиненіе же русскому владычеству племенъ, населявшихъ центръ этой губерніи и югъ, шло уже чрезъ Братскій острогъ. Въ 1654 году, по приказанію енисейскаго воеводы Пашкова, вышедшимъ изъ Братскаго острога сыномъ боярскимъ Дмитріемъ Фирсовымъ построенъ былъ въ самомъ центрѣ бурятскихъ стойбищъ на р. Ангарѣ «Балаганскій острогъ» (черт. 3). Подъ управленіемъ Фирсова, вліяніе Балаганскаго острога росло и распространялось между мѣстными племенами; и Фирсовъ началъ готовиться къ распространенію владычества русскихъ далѣе вверхъ по Ангарѣ; но поступившій на его мѣсто управитель Иванъ Похабовъ своимъ чрезмѣрнымъ корыстолюбіемъ и жестокостью довелъ покорныхъ бурятъ до того, что въ 1658 г. они возстали поголовно, убивъ собиравшихъ съ нихъ ясакъ, и бѣжали всѣ въ Монголію. Яковъ Тургеневъ, прибывшій на смѣну Похабова, не могъ уже поправить дѣла въ безлюдной странѣ и долженъ былъ только посылать розыскивать бѣглецовъ».

«Похабовъ же, отправленный за карауломъ въ Енисейскъ, бѣжалъ и явился въ Илимскій острогъ; снова вошелъ въ милость и въ 1661 году появился на берегахъ р. Иркута среди бурятъ, еще прежде имъ объясаченныхъ, и при впаденіи р. Иркута въ Ангару основалъ острогъ, назвавъ его «Иркутскимъ», на мѣстѣ котораго стоитъ въ настоящее время губернскій городъ Иркутскъ».

«Основаніемъ «Иркутскаго острога» разъ навсегда было закончено утвержденіе русской власти въ краѣ [1])».

[1]) Ibid. у Д. Д. Ларіонова.

Обратимся теперь къ завоеваніямъ на сѣверѣ [1]).

Первый походъ былъ предпринятъ въ 1632-мъ году, т. е. во время основанія Якутска, и направленъ на тунгусовъ Долгинскаго и Жиганскаго родовъ. Онъ очень удался, вслѣдствіе чего было устроено Жиганское зимовье на протокѣ Лены, теперь г. Жиганскъ, приблизительно въ 600 верстахъ ниже Якутска (табл. I).

Шесть лѣтъ спустя, т. е. въ 1638 году, сотникъ Ивановъ съ 50-ю енисейскими казаками пошелъ изъ Якутска разыскивать рѣку Яну, которая течетъ почти прямо на сѣверъ и впадаетъ въ Ледовитый океанъ верстахъ въ 300 (по прямой линіи) на востокъ отъ устьевъ Лены (табл. I). Онъ дошелъ до Верхоянскаго хребта, тянущагося справа отъ Лены, перешелъ его и открылъ верховья Яны. Вслѣдъ затѣмъ, верстахъ въ 500 восточнѣе, онъ открылъ также верховья Индигирки и объясачилъ жившихъ тамъ юкагировъ. Послѣ этого онъ самъ вернулся въ Якутскъ, а для укрѣпленія русской власти въ этихъ мѣстахъ оставилъ отрядъ въ 16 казаковъ.

Эти смѣльчаки не долго просидѣли на мѣстѣ и спустились въ 1640 г. внизъ по Индигиркѣ; когда-же въ слѣдующемъ году къ нимъ пришла помощь изъ Якутска, они направились далѣе на востокъ [2]). Но дѣйствія ихъ выходятъ уже изъ предѣловъ разсматриваемаго нами сѣвернаго направленія, а потому мы оставимъ ихъ пока въ сторонѣ и обратимся къ болѣе раннимъ предпріятіямъ Якутскаго воеводства, направленнымъ къ покоренію восточныхъ земель и землицъ.

До прибытія самостоятельныхъ воеводъ, Якутскъ зависѣлъ отъ Енисейска, а потому, страдая малолюдьемъ, обусловливаемымъ постоянной разсылкой людей въ дальніе походы, просилъ помощи у енисейскихъ воеводъ, а тѣ обратились въ свою очередь къ главной сибирской власти — къ Томску. Вслѣдствіе этого Томскіе воеводы послали въ 1636-мъ году казака Дмитрія

[1]) Кромѣ вышеуказанныхъ трудовъ Оглоблина, Спасскаго, Замысловскаго и Ларіонова послѣдующій историческій очеркъ дѣйствій Якутскаго воеводства во второй половинѣ XVII столѣтія составленъ нами по трудамъ Фишера „Сибирская Исторія", Словцова „Историческое обозрѣніе Сибири", Андріевича „Исторія Сибири", Титова „Сибирь въ XVII вѣкѣ", Маныкина-Невструева „Завоеватели Восточной Сибири Якутскіе казаки", Миллера „Описаніе путешествій по Ледовитому океану", Крашенинникова „Описаніе земли Камчатки", Берха „Хронологическая исторія всѣхъ путешествій въ полярныя страны", Врангеля „Путешествіе по Сибири и Ледовитому морю", Оглоблина „Семенъ Дежневъ" и мн. др.

[2]) См. у Маныкина-Невструева, стр. 23.

Копылова съ 50-ю товарищами, который въ слѣдующемъ-же году поднялся по р. Алдану, т. е. правому восточному притоку Лены. Онъ засталъ уже зимовья, основанныя раньше его на Усть-Алданѣ на Ленѣ, затѣмъ верстами 300 выше на Усть-Амгѣ, лѣвомъ притокѣ Алдана, и наконецъ на Усть-Маѣ, правомъ притокѣ Алдана, берущемъ свое начало изъ Джугджурскаго хребта, близъ Охотскаго моря. Но онъ ими не удовольствовался и отправилъ въ 1639 году на востокъ атамана Ивана Москвитина съ 30 человѣками казаковъ. Они поднялись вверхъ по Маѣ, перевалили черезъ Джугджурскій хребетъ, открыли верховья рѣки Ульи и спустились по ней къ Ламѣ или нынѣшнему Охотскому морю, которое казаки увидали здѣсь въ первый разъ. Рѣка Улья небольшая, длиной около 200 верстъ, течетъ на сѣверо-востокъ и впадаетъ въ море немного южнѣе нынѣшняго Охотска.

На устьѣ Ульи казаками было поставлено зимовье, изъ котораго они обслѣдовали въ 1640 году побережье Ламы на югъ до р. Уда, а на сѣверъ до Татуя, изъ коихъ первый впадаетъ въ Удскую губу на С.-З. отъ устья Амура, а второй въ море немного сѣвернѣе Охотска (табл. I).

Восемь лѣтъ спустя на р. Охотѣ, въ 3-хъ верстахъ выше ея устья, было основано казакомъ Семеномъ Шелковниковымъ зимовье, вмѣсто котораго годъ спустя, т. е. въ 1649 году, уже послѣ смерти Шелковникова, его спутники соорудили Косой острожекъ, давшій начало нынѣшнему Охотску, сыгравшему столь важную роль въ дѣлѣ покоренія Камчатки.

Такимъ образомъ русское владычество дошло до своего восточнаго предѣла и дальше ему итти здѣсь было некуда.

Почти одновременно съ дѣйствіями казаковъ на юго-востокѣ ихъ собратья на сѣверѣ также не дремали: казаки сотника Иванова, оставленные имъ на Индигиркѣ послѣ его отъѣзда въ Якутскъ, открыли въ 1638 году рѣку Колыму, бассейнъ которой былъ заселенъ юкагирами. Вслѣдствіе этого, нѣсколько лѣтъ спустя тамъ начинаетъ пускать корни русская власть, ибо уже въ 1644 году мы видимъ на Колымѣ три зимовья, изъ которыхъ Нижнеколымское было основано казакомъ Михаиломъ Стадухинымъ. Здѣсь русскіе узнали отъ юкагировъ о существованіи чукчей, съ которыми юкагиры были въ враждебныхъ отношеніяхъ. Стадухинъ отправился въ Якутскъ и сообщилъ тамъ впервые объ этомъ еще невѣдомомъ народѣ. Тогда Якутскіе воеводы послали его въ 1647 году обратно, давъ ему новый отрядъ. Цѣлью посылки было выясненіе земель на востокъ отъ Колымы и наложеніе ясака на народцевъ сѣвернаго побережья.

Черезъ два года Стадухинъ прибылъ къ мѣсту назначенія и спустился на двухъ кочахъ [1]) въ море; изъ нихъ одинъ разбило бурею, а на другомъ онъ пошелъ на востокъ и обогнулъ Шелагскій мысъ, но изъ-за голодовки долженъ былъ вернуться назадъ.

Почти одновременно съ этимъ является знаменитый походъ Дежнева для розысканія р. Анадыра, которая считалась золотымъ руномъ.

О морскомъ походѣ Дежнева мы имѣемъ свѣдѣнія главнымъ образомъ изъ двухъ источниковъ:

1) Изъ статьи извѣстнаго академика XVIII вѣка Гергарда Миллера «Описаніе морскихъ путешествій по Ледовитому и Восточному морю, съ Россійской стороны учиненныхъ», гдѣ онъ сообщаетъ первыя извѣстія о Дежневѣ, добытыя имъ въ Якутскомъ архивѣ и извлеченныя изъ собственныхъ «отписокъ» этого неутомимаго казацкаго морехода [2]).

2) Изъ челобитныхъ того-же Дежнева и отписокъ Якутскихъ воеводъ объ его службѣ, открытыхъ въ Московскомъ архивѣ м-ва юстиціи г. Н. Оглоблинымъ и опубликованныхъ имъ въ его любопытнѣйшемъ изслѣдованіи «Семенъ Дежневъ (1638—1671)» [3]).

Дѣлая краткую сводку всѣмъ этимъ извѣстіямъ, мы приходимъ къ тому заключенію, что морской походъ Дежнева сложился слѣдующимъ образомъ:

Въ 1648 году въ Нижнеколымскомъ острогѣ былъ задуманъ морской походъ съ промышленными цѣлями на р. Анадыръ, въ составъ участниковъ котораго входили промышленники и казаки. Во главѣ первыхъ стоялъ Ѳедотъ Алексѣевъ, приказчикъ московскаго купца Алексѣя Усова, а «начальными людьми» у казаковъ были устюжанинъ Семенъ Ивановъ Дежневъ и Герасимъ Анкудиновъ, причемъ первый еще въ предшествовавшемъ 1647 году былъ назначенъ правительственными властями Нижнеколымскаго острога для участія въ такомъ-же, впрочемъ, не удавшемся походѣ; при этомъ на него былъ возложенъ надзоръ за «государевой пользой» въ пути, въ виду чего онъ долженъ былъ собирать пошлину съ добычи и объясачивать инородцевъ. Очевидно, что и во второмъ походѣ его обязанности были тѣ же, и такимъ образомъ «служилое» значеніе дѣла Дежнева не подлежитъ никакому сомнѣнію; да и самъ онъ на него смотритъ такъ же, ибо проситъ потомъ въ Москвѣ у правительства жалованья за свою прошлую службу.

---

[1]) „Кочъ"—плоскодонное судно, около 12-ти саж. длиною, съ одной палубою; ходило на веслахъ и подъ парусами.

[2]) См. его „Сочиненія и переводы къ пользѣ и увеселенію служащіе." 1785 г.

[3]) *Журналъ М. Н. Пр.*, ноябрь 1890 г.

Въ іюнѣ 1648 года Алексѣевъ и Дежневъ вышли въ море на шести кочахъ, имѣя съ собою девяносто человѣкъ казаковъ и промышленниковъ, и направились на востокъ.

Вскорѣ отъ нихъ отдѣлились три коча, дальнѣйшая судьба которыхъ въ точности не извѣстна, хотя есть темныя указанія, что люди съ нихъ попали на сѣверную оконечность Америки. Алексѣевъ и Дежневъ смѣло продолжали путь на трехъ оставшихся въ ихъ распоряженіи кочахъ и достигли въ концѣ августа «Большого Каменнаго» или Чукотскаго носа, а въ началѣ сентября вступили въ нынѣшній, тогда еще никому неизвѣстный, Беринговъ проливъ. Но съ этого времени неудачи начинаютъ разстраивать походъ. Во первыхъ, у Большого Каменнаго носа разбило одинъ кочъ, причемъ люди съ него были сняты и посажены на уцѣлѣвшія суда, а Анкудиновъ перешелъ на кочъ Алексѣева. Послѣ этого, 20-го сентября, гдѣ-то немного южнѣе носа они высадились на берегъ, но подрались съ чукчами, при чемъ Алексѣевъ былъ раненъ и Дежневъ сталъ единственнымъ начальникомъ похода.

Въ концѣ сентября начались страшныя бури, которыя и разлучили оба коча, послѣ чего Дежневъ уже болѣе не встрѣчался се своими спутниками, изъ коихъ Анкудиновъ и Алексѣевъ умерли потомъ отъ цынги, а остальные частію бѣжали, а частію были перебиты инородцами.

По разлученіи кочей положеніе дѣла еще ухудшилось. Послѣ Покрова, т. е. послѣ 1-го октября, бури продолжали свирѣпствовать и утлое суденышко Дежнева было ихъ игрушкою, пока наконецъ его не выбросило на берегъ гдѣ-то за Анадыромъ, а гдѣ—неизвѣстно.

Тогда Дежневъ съ 24-ю оставшимися у него людьми сухимъ путемъ пошелъ къ устью Анадыра, куда и добрался черезъ десять недѣль съ невѣроятными трудностями, потерявъ дорогою 12 человѣкъ отъ голода и холода [1]).

Въ слѣдующемъ, т. е. 1649 году, Дежневъ заложилъ Анадырское зимовье на среднемъ теченіи Анадыра, превратившееся потомъ въ острогъ того-же имени. Поднявшись затѣмъ вверхъ по рѣкѣ, онъ объясачилъ прибрежныхъ жителей, имѣя въ своемъ распоряженіи, какъ мы только что указали, всего двѣнадцать человѣкъ. Къ счастью, подоспѣла помощь съ запада: казакъ Семенъ Мотора пришелъ къ нему съ отрядомъ казаковъ и промышленниковъ въ апрѣлѣ 1650 года съ верховьевъ рѣки Анюя, впадающей справа въ устье Колымы. Онъ присоединился къ Дежневу для совмѣстныхъ дѣйствій.

---

[1]) Обо всемъ этомъ см. подробно у г. Оглоблина, „Семенъ Дежневъ“, *Журн. М. Н. П.*, ноябрь 1890 г., стр. 249—258 и 270.

Вслѣдъ за Моторой двинулся казакъ Стадухинъ; но онъ дѣйствовалъ самостоятельно и, избравъ южное направленіе, достигъ верховьевъ р. Пенжины, а по ней добрался сухимъ путемъ до Пенжинской губы, омывающей съ запада сѣверную узкую часть Камчатки.

Въ 1652 году Дежневъ спустился къ устью Анадыра и нашелъ тамъ островъ со множествомъ моржей, гдѣ и запасся моржевымъ зубомъ. Послѣ этого онъ плавалъ по берегамъ Олюторовскаго моря и послалъ въ 1564 году въ Якутскъ подробную отписку о своемъ походѣ.

Таковы были подвиги Дежнева, по мнѣнію его перваго историка Миллера. То же самое думаютъ вмѣстѣ съ Миллеромъ и иные историки, какъ напр. Фишеръ, Соловьевъ, Андріевичъ и др. Если это такъ, то Дежневу дѣйствительно принадлежитъ великая честь открытія пролива, соединяющаго Ледовитый океанъ съ Тихимъ, который въ такомъ случаѣ совершенно неправильно называется Беринговымъ: его, по всей справедливости, слѣдовало-бы назвать Дежневскимъ.

Впрочемъ не всѣ историки раздѣляютъ мнѣніе Миллера. Особенно суровый приговоръ Дежневу мы находимъ у Словцова, который называетъ его Миллеровскимъ «выведенцемъ» и говоритъ, что ему «немудрено было въ отпискахъ бахвалить съ дерзостью» [1]).

Точно также открытіе Дежневымъ морского прохода между Азіей и Америкой отрицалъ въ XVIII вѣкѣ англичанинъ Борней [2]). Впрочемъ, въ противовѣсъ имъ можно поставить мнѣнія Ломоносова, Крашенинникова [3]), Берха [4]), Врангеля [5]) и другихъ, вполнѣ согласныхъ съ Миллеромъ. Наконецъ послѣднее изслѣдованіе г. Оглоблина вывело, повидимому, этотъ вопросъ изъ области сомнѣній и рѣшило его окончательно въ положительномъ смыслѣ.

Какъ-бы то ни было, но, принимая во вниманіе, что Дежневъ дошелъ до устья Анадыра, а Стадухинъ—до Пенжинской губы, надо придти къ тому заключенію, что *Якутское воеводство* покорило къ половинѣ XVII столѣтія, т. е. къ началу царствованія Алексѣя Михайловича, русской власти всю сѣверо-восточную Азію, кромѣ Камчатки.

Но мы уже видѣли, что только одно море могло остановить казаковъ въ ихъ неудержимомъ стремленіи на востокъ, а потому вопросъ покоренія

---

1) Словцовъ, „Ист. Обозр. Сибири", часть I, стр. 104.

2) См. Burney, „Russian discoveries".

3) „Описаніе Камчатки" (1786 г.).

4) „Хронол. ист. всѣхъ путешествій въ полярныя страны" (1821).

5) „Путешествія по Сибири и Ледовитому морю" (1841 г.).

Камчатки былъ только вопросомъ времени, особенно если принять во вниманіе весьма удачное выраженіе Словцова, что якутское начальство, «вѣрное ясаку, какъ магнитная стрѣлка полюсу», продолжало производить развѣдки, «нѣтъ-ли гдѣ еще человѣческихъ гнѣздъ не объясаченныхъ?».

И дѣйствительно, покореніе Камчатки началось въ концѣ двойственнаго царствованія Петра и Іоанна, когда въ Анадырскій острогъ былъ отправленъ въ 1695 году пятидесятникъ Владиміръ Атласовъ.

Онъ послалъ сперва на предварительныя развѣдки казака Морозко съ 16-ю товарищами, который, немного не доходя до р. Камчатки, т. е. до средины полуострова, объясачилъ коряковъ и вернулся съ этимъ ясакомъ къ Атласову.

Если внимательно присмотрѣться къ подобнымъ походамъ, то невольно придется уплатить нравственный «ясакъ удивленія» мужеству, смѣлости и выносливости казаковъ. Возьмемъ хоть-бы тотъ-же походъ Морозко, имя котораго неизвѣстно никому, кромѣ небольшой горсточки лицъ, интересующихся исторіей Сибири. Вѣдь, въ сущности, какой громадный подвигъ онъ совершаетъ: только съ 16-ю товарищами онъ смѣло пускается въ дальній путь, къ совершенно неизвѣстному народу, проходитъ по крайне суровой и негостепріимной странѣ около 1200 верстъ въ одинъ конецъ [1]) и возвращается назадъ, какъ ни въ чемъ не бывало, да еще съ богатымъ ясакомъ въ рукахъ. Это-ли не подвигъ!

По возвращеніи Морозко въ 1697 году Атласовъ самъ пошелъ съ нимъ на р. Камчатку, съ несравненно болѣе значительными силами: съ нимъ было 120 человѣкъ казаковъ и юкагировъ. Онъ спустился къ Пенжинской губѣ и пошелъ западнымъ берегомъ полуострова, а Морозко послалъ на востокъ. Они затѣмъ снова сошлись на западномъ берегу верстахъ въ 600 ниже устья Пенжины и достигли верховьевъ Камчатки, гдѣ Атласовъ заложилъ Верхнекамчатскій острогъ, чѣмъ было положено первое основаніе русской власти въ Камчаткѣ. Послѣ этого Атласовъ съ богатымъ ясакомъ отправился въ Якутскъ, оставивъ въ острогѣ небольшой отрядъ казаковъ. Изъ Якутска Атласовъ былъ отправленъ съ этими добрыми вѣстями въ Москву, а Тобольскіе воеводы, «князь Черкаскій съ товарищи», послали о немъ слѣдующую отписку въ Сибирскій Приказъ:

«16-го декабря 1700 года явился въ Приказной Палатѣ *Якутской* казачей пятидесятникъ Володимеръ Отласовъ, который *по посылкѣ изъ Якутцкаго* былъ для пріиску иныхъ землицъ иноземцевъ, которые Тебѣ,

[1]) Отъ устьевъ Анадыра до р. Камчатки по прямой линіи около 1200 в.

великому государю, ясака не платили, а живутъ по Камчаткѣ и по инымъ рѣкамъ, подлѣ Пенжинскаго и ЛютоDовскаго морь (т. е. морей) разные языки»[1].

Но само собою разумѣется, что устроеніе одного острога не могло упрочить тамъ русской власти. И дѣйствительно, мы видимъ, что вся первая четверть XVIII вѣка проходитъ въ постоянныхъ казацкихъ походахъ на Камчатку, въ возстаніяхъ туземцевъ противъ русскихъ, а казаковъ противъ своихъ начальниковъ, причемъ кровь льется широкою рѣкою. Дѣла улучшаются лишь послѣ того, какъ въ 1717 году былъ найденъ туда болѣе удобный и краткій морской путь, вмѣсто страшно отдаленнаго сухого пути на Анадырскій острогъ, послѣ чего Охотскъ превратился въ портовый городъ.

Въ всемъ этомъ завоевательномъ движеніи *Якутскъ* занимаетъ выдающееся мѣсто и всѣ походы, не исключая и морскихъ, *направляются изъ него*. Дѣло его кончается лишь въ 1733 году, когда Охотскъ былъ сдѣланъ портовымъ городомъ и главнымъ мѣстомъ Камчатскаго управленія. Кромѣ Камчатки, Охотску было подчинено тогда все побережье Ламы отъ самаго южнаго Удскаго острога и включая самый сѣверный—Анадырскій острогъ.

Такимъ образомъ уже въ XVIII-мъ вѣкѣ была намѣчена нынѣшняя Приморская область.

Съ этого времени историческая и завоевательная роль Якутска кончается: онъ вступаетъ въ ровное обычное существованіе русскихъ областныхъ городовъ и живетъ, такъ сказать, «по послужному списку», на что будетъ указано ниже.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о нѣкоторыхъ наиболѣе выдающихся личностяхъ, стоявшихъ во главѣ его управленія.

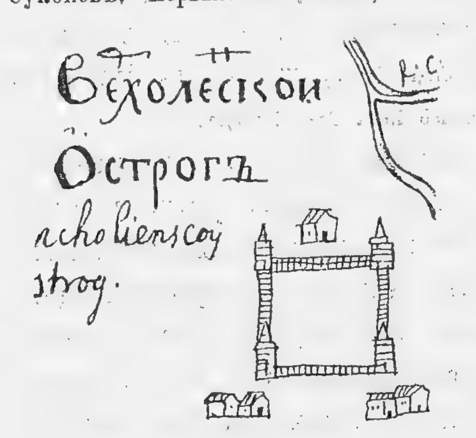
Несмотря на отдаленность Якутска отъ Москвы и крайне медленные способы сообщенія, зимой па саняхъ, а лѣтомъ на веслахъ по Ленѣ, его власти смѣнялись довольно часто. «Не считая управителей перваго 8-лѣтія, говоритъ Словцовъ, послѣ было воеводъ въ немъ 17 съ 1640 до 1717 г., начиная со стольника Головина до ландрата Ракитина. Послѣ Якутскъ поступилъ въ вѣдѣніе Иркутска». Это составитъ, замѣтимъ попутно отъ себя, въ среднемъ около 4½ лѣтъ на каждаго.

Изъ этихъ властей самыми замѣчательными были во 1-хъ основатель Якутска, умный и распорядительный стольникъ Бекетовъ, о которомъ Фишеръ говоритъ слѣдующее: «Бекетовъ прославился уже между бурятами у Ангары и

[1]) См. Н. Оглоблинъ, „Источники Чертежной Книги Сибири“ Семена Ремезова. *Библіографъ* 1891 г., № 1-й, стр. 8.

Оки и Россійскому государству оказалъ великія услуги также на Ленѣ и чрезъ хорошее свое поведеніе исполнялъ онъ возложенную на него надежду» [1]). Во 2-хъ первые воеводы Петръ Головинъ и Матвѣй Глѣбовъ, одинъ пріѣздъ которыхъ, помимо упорядоченія края, внесъ, какъ мы видѣли, столько свѣту въ его изученіе.

Затѣмъ выдаются смѣнившіе ихъ воеводы Василій Пушкинъ и Кирилла Суконевъ. Первый изъ нихъ, Василій Никитичъ Пушкинъ, былъ замѣшанъ въ дѣлѣ бояръ Романовыхъ и до своего воеводства, при Годуновѣ, былъ сосланъ въ Пелымъ [2]), а потомъ съ воцареніемъ Михаила попалъ въ воеводы [3]).

Черт. 6. Верхоленскій острогъ. (По Ремезову).

Они отстояли Верхоленскій острогъ (черт. 6) и усмирили бурятъ. Имъ-же было поручено, какъ мы видѣли раньше, изслѣдованіе края по притокамъ Лены.

Въ концѣ сороковыхъ годовъ XVII столѣтія Якутскимъ воеводой былъ Димитрій Францбековъ. Онъ не только вторично выручилъ Верхоленскій острогъ, но и раззорилъ ангарскихъ бурятъ. При немъ же казакъ Хабаровъ двинулся на Амуръ [4]).

Изъ послѣдующихъ воеводъ можно указать на двоихъ: Андрея Барнышева и смѣнившаго его въ 1678 году Бибикова. Первый отличался необычайною свирѣпостью и казни при немъ не прекращались. При второмъ край вздохнулъ свободнѣе и городъ сталъ разростаться. Бибиковъ, кромѣ того, усилилъ городъ какъ военный пунктъ: сдѣлалъ новый частоколъ, прокопалъ глубже ровъ и обнесъ палисадомъ пять башенъ острога [5]).

Затѣмъ въ концѣ XVII столѣтія является въ Якутскъ воеводою Иванъ Приклонный, весьма важный для насъ въ томъ отношеніи, что при немъ былъ поставленъ въ 1683 году тотъ острогъ, остатки котораго дошли до нашего времени.

---

[1]) „Сибирская исторія", стр. 356.

[2]) Куда былъ сосланъ также Иванъ Никитичъ Романовъ (Карамз. т. XI, гл. IX, стр. 61).

[3]) Андріевичъ, ч. I, стр. 136.

[4]) Ibidem.

[5]) См. Н. Латкина „Якутскъ" (Слов. Брокгауза и Ефрона, 82 полутомъ).

Въ началѣ XVIII вѣка, какъ и слѣдовало ожидать, мы видимъ во главѣ Якутска нѣмца—Трауэрнихта, а въ 1717 году опять русскаго—Ракитина, но за то «ландрата».

Этотъ Трауэрнихтъ, повидимому, очень обрусѣлъ, потому что его звали Дороѳеемъ Аѳанасьевичемъ. «Съ Москвы, говоритъ вѣдомость 1701 года, въ Якутцкой отпущенъ воеводою стольникъ Дороѳей Аѳанасьевъ с. Траурнихтъ, да дьякъ Максимъ Романовъ» [1]).

Трауэрнихтъ получалъ неоднократныя порученія отъ центральнаго правительства по разслѣдованію племенъ и земель восточной Сибири и по отправкѣ военныхъ отрядовъ въ Камчатку.

Наконецъ послѣднимъ воеводою, заслуживающимъ вниманія, былъ полковникъ Елчинъ, который снарядилъ въ 1714 году первую морскую экспедицію въ Камчатку.

Въ XVIII вѣкѣ Якутскъ мало по малу теряетъ свое военное значеніе. Вокругъ все было покорено и усмирено; отъ Амура Россія отказалась, а не вполнѣ покоренная Камчатка была выдѣлена въ отдѣльное управленіе,—вотъ почему съ этого времени судьба его представляетъ собой лишь рядъ административныхъ мытарствъ. Въ XIX столѣтіи военное значеніе его падаетъ окончательно, и въ началѣ этого вѣка большая часть его крѣпостныхъ стѣнъ была разобрана. Наконецъ въ 1822 г. онъ былъ назначенъ областнымъ городомъ Якутской области, каковымъ остается до настоящаго времени.

Такимъ образомъ, начиная съ начала XVIII-го столѣтія, его дальнѣйшія судьбы можно просто прослѣдить по Полному Собранію Законовъ, что мы и попытаемся сейчасъ сдѣлать.

18-го Декабря 1708 г. именнымъ указомъ Петръ Великій раздѣлилъ всю Россію «для всенародной пользы» на 8 губерній, и тогда Якутскъ или «градъ Якуцкой» вмѣстѣ съ восемнадцатью прочими городами вошелъ въ составъ Сибирской губерніи [2]).

Въ 1733 году, т. е. въ царствованіе Анны Іоанновны, правительство нашло нужнымъ выдѣлить Камчатку изъ-подъ власти якутскаго начальства. Причины этого рѣшенія настолько любопытны и характерны, что мы приводимъ начало указа, изданнаго по этому случаю.

---

[1]) См. „Сибирскіе города. Матеріалы для ихъ исторіи XVII и XVIII столѣтій“. Нерчинскъ. Селенгинскъ, Якутскъ. Москва: 1886 г.

[2]) П. С. З. т. IV (1700—1725) и т. V (1713—1719). Причисленіе Якутска къ Сибирской губ., 2218—3380.

Вотъ оно:

«Извѣстно Намъ учинилось, что во отдаленныхъ Нашихъ Сибирскихъ владѣніяхъ въ якутскомъ вѣдомствѣ и на Камчаткѣ, какъ отъ Воеводъ, такъ и отъ посланныхъ для сбора съ ясашныхъ людей ясаку, Коммисаровъ и другихъ сборщиковъ чинится Нашимъ ясашнымъ подданнымъ, какъ въ платежѣ излишняго ясаку, такъ и отъ взятковъ многое разореніе, наипаче жъ приметками своими женъ и дѣтей отнимаютъ, и развозя перепродаютъ; того ради Мы, Императорское Величество, призирая ихъ ясачныхъ Княжцовъ и прочихъ всякаго народа и званія, домами и юртами живущихъ и кочующихъ, Всемилостивѣйше повелѣли сими Нашими печатными указами объявить имъ Княжцамъ и прочимъ ясачникамъ Нашу Высочайшую милость и призрѣніе, что отправлены и отправляются нарочные особливые знатные люди, сыщики, которымъ повелѣно въ вышеупомянутыхъ разореніяхъ и обидахъ не токмо жестоко розыскивать, но пущихъ разорителей и смертію казнить, а взятые съ нихъ лишніе сборы и пограбленныя ихъ имѣнія, сколько отыскано будетъ, возвращать; также, которые изъ нихъ ясачники неволею побраны и разпроданы, изъ тѣхъ, кои не приняли вѣры Христіанской Греческаго исповѣданія и не крещены, отпустить въ прежнія мѣста, а которые и крестились, такимъ дается свободное житье въ городахъ и уѣздахъ между Христіанами собою и у кого хотятъ; а впредь для всегдашняго содержанія ихъ ясачныхъ людей въ порядкѣ и покоѣ безъ обидъ, выданы и объявлены имъ будутъ особливые публичные наказы, какъ съ ними въ сборѣ ясаку и впрочемъ должны Воеводы и Коммисары поступать. *А въ Охотскъ и всѣ Камчатскія и тамошнія жъ сѣверныя земли опредѣляются особою отъ Якутска командою, и будетъ главной командиръ жить для близости въ Охотскѣ,* и чтобъ они Княжцы и ясачные люди, видя такую Нашу Императорскаго Величества милость, жили въ своихъ мѣстахъ безъ боязни въ покоѣ, и платили бъ въ казну Нашу ясаку только то, что съ нихъ по ихъ обычаю положено, или впредь положится, безъ тягости, а лишнихъ никакихъ ясаковъ и взятокъ Воеводамъ, Коммисарамъ и сборщикамъ, кои они напредь сего съ нихъ своими вымыслами съ разореніемъ неволею брали, не давали» [1]).

Указъ этотъ окончательно лишилъ Якутскъ его прежняго назначенія— быть исходнымъ мѣстомъ завоевательнаго движенія на крайнемъ Востокѣ и свелъ его на мирную дорогу.

---

[1]) П. С. З. т. IX, стр. 131—132, № 6407, отъ 21 мая 1733 г.

Въ 1764-мъ году Сибирь была раздѣлена на двѣ губерніи, Сибирскую и Иркутскую, при чемъ Якутскъ вошелъ въ составъ послѣдней.

Въ началѣ царствованія Императрицы Екатерины II, въ 1768 году, для оживленія розничнаго торга и удешевленія товаровъ сенатскимъ указомъ отъ 25-го іюня приказано было учредить въ Восточной Сибири ярмарки: первую въ Иркутскѣ, вторую въ Селенгинскѣ, а третью въ Якутскѣ. «Третью ярмарку, говорится въ этомъ указѣ, учредить надлежитъ въ г. Якуцкѣ; время-жъ на то опредѣляется лѣтомъ іюня съ 1-го августа по 1-ое число, да зимою весь декабрь мѣсяцъ . . . » [1]).

Затѣмъ, изъ Высочайше утвержденнаго доклада Сената отъ 31-го января 1775 года [2]) мы узнаемъ, что въ томъ-же 1768 году Якутскъ былъ сдѣланъ «провинціальнымъ» городомъ, оставаясь попрежнему въ составѣ Иркутской губерніи [3]).

«Высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества указомъ, говорится тамъ, даннымъ Сенату 1764 года октября 11 дня, повелѣно: по полученіи отъ Губернаторовъ о Губернскихъ, Провинціяльныхъ и Воеводскихъ Правленіяхъ и ихъ уѣздахъ росписаній и мнѣній, разсмотрѣть, гдѣ какому Правленію по нынѣшнимъ обстоятельствамъ быть, и которыя по неудобности отмѣнить, а вмѣсто оныхъ или Коммисарства учредить, или и вовсе безъ всякаго правленія оставить, . . . и что сверхъ того Сенатъ къ лучшему изобрѣсти можетъ, и все сіе къ апробаціи представить Вашему Императорскому Величеству. Сенатъ, разсматривая присланныя отъ Губернаторовъ, окромѣ Иркутскаго, о всѣхъ сихъ Правленіяхъ росписаніи и мнѣніи, *въ поднесенномъ 1768 года Генваря 11 дня* докладѣ представилъ учиненное имъ о городахъ положеніе на Высочайшую апробацію Вашего Императорскаго Величества а въ разсужденіи Иркутской Губерніи *упомянуто объ ономъ городѣ Якутскѣ, чтобъ въ ономъ учредить Провинціяльное Правленіе...*»

Изъ того-же доклада мы узнаемъ не только о дальнѣйшей судьбѣ Якутска, но также и нѣкоторыхъ иныхъ городовъ, древностей которыхъ мы будемъ касаться, какъ напр. Илимска, Балаганска и другихъ, слѣдовательно онъ для насъ вдвойнѣ любопытенъ. Изъ продолженія его мы видимъ, что Сенатомъ было приказано Иркутскому губернатору прислать «росписаніе о городахъ съ приложеніемъ о каждомъ своихъ примѣчаній и мнѣнія».

---

[1]) П. С. З. т. XVIII, стр. 695, № 13139, отъ 25-го іюня 1768 года.

[2]) П. С. З. т. XX, стр. 22, № 14242.

[3]) „Провинція“ въ XVIII-мъ вѣкѣ была среднею формою между „губерніей“ и „уѣздомъ“.

Объ итогахъ этого приказа мы получаемъ свѣдѣнія изъ слѣдующихъ словъ доклада: «Бывшій Иркутскій Губернаторъ Генералъ-Поручикъ Бриль, собравъ изъ всѣхъ вѣдомства его городовъ потребныя для того свѣденія, и по разсмотрѣніи оныхъ обще съ Губернскою Канцеляріею, за необходимое почёлъ учредить вновь разныя Провинціяльныя, Воеводскія и Коммисарскія Правленія... Въ слѣдствіе чего, сообразуясь съ особливымъ Иркутской Губерніи положеніемъ, въ отвращеніе такихъ затрудненій полагаетъ: 1. Губернскимъ городомъ оставить по прежнему Иркутскъ, а *Провинціальными быть* пригороду Удинску и назначенному отъ Сената *городу Якутску*. 2. Изъ *Илимска*, за неудобностію тамъ мѣста, гдѣ всегда лѣтомъ водою заливаетъ, и по отдаленности его отъ принадлежащихъ къ оному жилищъ, Воеводское Правленіе перенесть въ Усть-Керенской острогъ и переименовать, а въ Илимскѣ оставить Коммисарство, да изъ числа земскихъ начальствъ въ двухъ же мѣстахъ, а именно: въ *Балаганскомъ острогѣ* и на рѣкѣ Алданѣ, съ названіемъ по сей рѣкѣ, учредить Воеводскія Канцеляріи. 3. . . . и напослѣдокъ въ смотрѣніе *Якутской Провинціи* поручить Коммисарства въ Ижигинскомъ, Верьхоянскомъ и въ Среднеколымскомъ зимовьяхъ, да въ Алекминскомъ острогѣ и въ Верховилюйской волости, также городъ Илимскъ, который нынѣ состоитъ съ Воеводскимъ Правленіемъ». Всѣ эти административныя преобразованія были необходимы, по мнѣнію Бриля, въ силу «отчасти малолюднаго, въ разсужденіи обширности Иркутской Губерніи, заселенія; отчасти же, что тамошніе жители, ради чрезмѣрной дальности, въ платежѣ Государственныхъ поборовъ и въ нарядахъ для доставленія изъ мѣста въ мѣсто казенныхъ надобностей, чувствуютъ великое отягощеніе, а иногда убѣгая дальныхъ переѣздовъ, и должной по правосудію законовъ помощи лишаются; сверьхъ того надлежитъ принять въ уваженіе и сіе обстоятельство, что за малоимѣніемъ жительствъ и дальнимъ одного отъ другаго разстояніемъ, не только медленность, но и сущая неудобность въ дѣлахъ происходитъ».

Сенатъ уважилъ его «резоны», а Императрица утвердила докладъ и такимъ образомъ дѣло было рѣшено.

Въ концѣ царствованія Екатерины былъ узаконенъ гербъ Якутска, а именно 26-го октября 1790 года удостоился Высочайшаго утвержденія докладъ Сената «О гербахъ городовъ Иркутскаго Намѣстничества», причемъ Якутску оставленъ его «старый» гербъ, который въ данномъ случаѣ былъ лишь «конфирмованъ» Государынею. Содержаніе его было таково: «Въ серебряномъ полѣ орелъ, держащій въ когтяхъ соболя» [1].

[1]) П. С. З., т. XXIII, стр. 174, № 16913, отъ 26-го октября 1790 года.

При Александрѣ I-мъ послѣдовали новыя административныя преобразованія: 22-го апрѣля 1805 года былъ изданъ Именной Указъ Сенату, по которому вся Иркутская губернія была раздѣлена на семь уѣздовъ, вмѣсто прежнихъ семнадцати, причемъ многолюднѣйшіе изъ нихъ были подраздѣлены на коммисарства.

Это преобразованіе не миновало и Якутска, который сдѣлался уѣзднымъ городомъ Иркутской губерніи; но такъ какъ условія, указанныя Брилемъ, повидимому, еще дѣйствовали, то въ немъ было учреждено «Областное Управленіе». Въ пунктѣ 5-мъ этого указа причины подобнаго преобразованія и самый строй его изложены такъ: «По великому пространству, раздѣляющему *Якутской край* отъ Главнаго Губернскаго Начальства, дабы доставить обывателямъ сего края болѣе удобности какъ въ судѣ и расправѣ, такъ и въ другихъ отношеніяхъ ихъ къ Начальству, учредить въ городѣ Якутскѣ особенное Гражданское Правленіе, подъ именемъ Якутскаго Областнаго Правленія, которое соединять въ себѣ имѣетъ часть Полицейскую, Судную и Казенную. Правленію сему подчиненъ будетъ Якутскій край съ его Коммисарствами . . . Предсѣдатель сего Областного Правленія имѣетъ быть Главнымъ по гражданской части Начальникомъ сего края, непосредственно зависящимъ отъ Генералъ-Губернатора. Предсѣдатель, Совѣтникъ и Ассессоры сего Правленія имѣютъ быть опредѣляемы не иначе, какъ по представленію Генералъ-Губернатора въ Правительствующій Сенатъ» [1]).

Такимъ образомъ, въ силу чисто естественныхъ условій, постепенно возрастаетъ административное значеніе Якутска. Тѣмъ не менѣе невозможность управлять всею сѣверовосточною Сибирью исключительно изъ Иркутска давала себя чувствовать попрежнему, что, конечно, не могло укрыться отъ зоркаго глаза Сперанскаго, назначеннаго въ 1819 году Генералъ-Губернаторомъ Сибири.

Вслѣдствіе этого 22-го іюня 1822 года было утверждено созданное по его мысли «Учрежденіе для управленія Сибирскихъ Губерній».

Сибирь была раздѣлена на Западную и Восточную; въ составъ послѣдней вошла, какъ самостоятельная губернія, «Область Якутская». Она обнимала собою 5 округовъ: Якутскій, Олекминскій, Вилюйскій, Верхоянскій и Средне-Колымскій. Областнымъ городомъ былъ назначенъ Якутскъ [2]).

[1]) П. С. З. т XXVIII, стр. 1001, № 21726, отъ 22-го апрѣля 1805 года.

[2]) П. С. З. т. XXXVIII (1822—1823), стр 145. Назначеніе Якутска Областнымъ городомъ, 29125.

Наконецъ въ послѣдніе годы царствованія Императора Николая I, въ 1851 году, во главѣ Якутской области былъ поставленъ гражданскій губернаторъ, непосредственно подчиненный Генералъ-Губернатору и Главному Управленію Восточной Сибири [1]), т. е. учрежденъ порядокъ, дѣйствующій и понынѣ.

Таковы были историческія судьбы Якутска, этого стараго передового русскаго стана на отдаленномъ и невѣдомомъ Сѣверовостокѣ Азіи, этого казацкаго оплота, цѣлыхъ сто лѣтъ (1632—1733) непоколебимо отстаивавшаго славу русскаго оружія и силу русской власти, и этого орлинаго гнѣзда, питомцы котораго, крѣпкіе и лютые, какъ сибирскіе морозы, покорили своей родинѣ болѣе четырехъ милліоновъ квадратныхъ верстъ!

Живыми свидѣтелями всѣхъ этихъ подвиговъ являются уцѣлѣвшія башни и стѣны Якутскаго острога. Этихъ воспоминаній достаточно, чтобы смотрѣть на нихъ съ благоговѣніемъ, какъ на народную святыню, независимо отъ ихъ археологическаго значенія.

Конечно, еслибы остатки эти принадлежали народу болѣе, чѣмъ мы, почитающему свое историческое и народное достоинство, какъ напр. англичанамъ или нѣмцамъ, надъ ними выстроили бы стеклянный колпакъ и гордились бы ими, какъ свидѣтелями своей старой славы! А у насъ? Власти стремятся во что бы то ни стало уничтожить ихъ, а у города съ 7000 жителей, съ двумя ярмарками, торгующими въ среднемъ на 2.000.000 руб. въ годъ, съ богатыми купцами-обывателями, не находится какой-нибудь тысячи рублей, чтобы подвести снизу огнившіе вѣнцы, а сверху сдѣлать тесовую крышу и тѣмъ спасти отъ гибели лучшее свое достояніе! Горько за памятникъ прошлой славы и обидно за современныхъ русскихъ людей!

Попытаемся теперь хоть на бумагѣ удержать для потомства дорогія очертанія этихъ священныхъ и послѣднихъ остатковъ древне-русской твердыни.

---

[1]) Второе П. С. З., т. XXVI, № 25394.

II.

По свидѣтельству Словцова первый Якутскій острогъ, заложенный Бекетовымъ, стоялъ на правой сторонѣ Лены, ниже настоящаго мѣста на 60 верстъ, на горѣ Чабыдалѣ или Гимадаѣ [1]). Къ этому извѣстію Щукинъ добавляетъ [2]), что переносъ острога былъ сдѣланъ 10 лѣтъ спустя послѣ первоначальнаго построенія, къ урочищу Сай-Саръ, названному такъ по имени озера, и что названіе это значитъ «пріятная весна», названіе, прибавимъ мы отъ себя, довольно поэтичное для сибирскихъ дикарей. На этомъ новомъ мѣстѣ онъ стоитъ и до настоящаго времени.

Мѣсто, занимаемое городомъ, лежитъ на лѣвомъ протокѣ Лены, на равнинѣ, имѣющей около 60-ти верстъ длины, съ востока на западъ, и 10-ти верстъ въ ширину, съ юга на сѣверъ, и издалека охватывается лѣсистыми горами и множествомъ озеръ [3]). Рѣка разливается иногда верстъ на 10 и подъ городомъ запружена множествомъ острововъ. Это отлично видно на картѣ, приложенной у Сѣрошевскаго (черт. 7) [4]). Мастерскую картину Лены подъ Якутскомъ рисуетъ намъ Гончаровъ [5]).

Черт. 7. Лена подъ Якутскомъ. (По Сѣрошевскому).

«На другой день, при ясной и теплой

[1]) См. книга II, стр. 475. Любопытно, что Щукинъ увеличиваетъ разстояніе переноса до 70-ти верстъ (стр. 178), а Фишеръ опредѣляетъ его въ 15 верстъ; то же, вслѣдъ за нимъ, утверждаютъ Андріевичъ (стр. 66) и Маныкинъ-Невструевъ (стр. 16), а неизвѣстный авторъ статьи „Якутскій Спасскій монастырь" сокращаетъ это разстояніе до 10-ти верстъ. Конечно, это не имѣетъ значенія, но нельзя было пройти молчаніемъ такого разногласія.

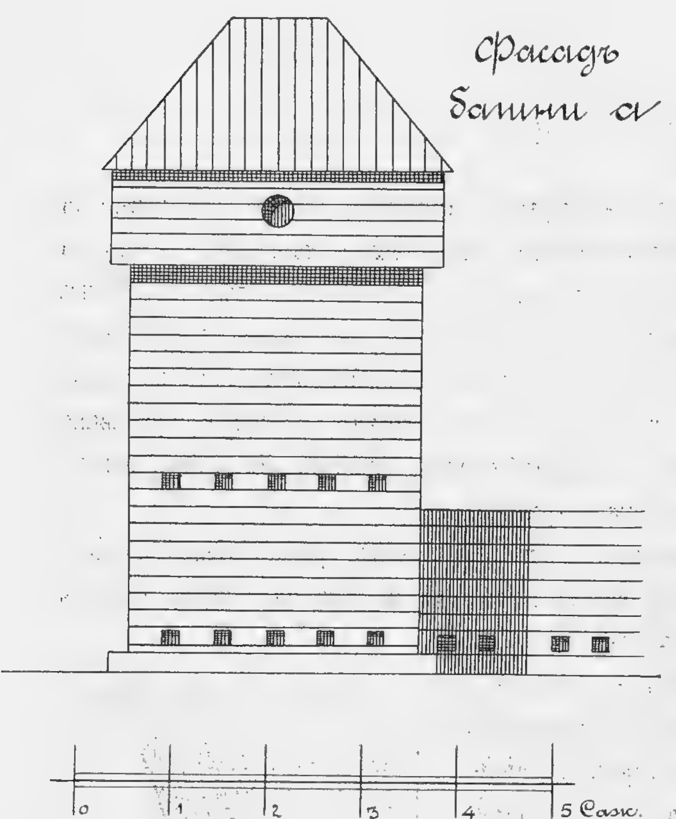
[2]) Стр. 178.

[3]) Словцовъ, книга вторая, стр. 115.

[4]) См. его „Якуты", томъ I, Спб. 1896 г.

[5]) „Фрегатъ Паллада", томъ второй, Спб. 1884, стр. 486—487.

погодѣ, я съ пятью якутами переправился черезъ Лену, т. е. черезъ узенькіе протоки, раздѣлявшіе безчисленные острова. . . . Вдали уже сіяли главы церквей въ Якутскѣ. . . . . У одного острова якуты вышли на берегъ и потянули лодку бичевою вверхъ. Дотянувъ до конца острова, они сѣли опять и переправились уже не помню черезъ который узенькій протокъ и пристали къ берегу, прямо къ деревянной лѣсенкѣ. . . . Нельзя сказать, чтобы было весело. Трудно выдумать печальнѣе мѣстности. Съ лѣвой стороны Лена—я уже сказалъ какая,—пески, кусты и луга; съ другой, къ Якутску — луга, кусты и пески. Вдали, за всѣмъ этимъ, синѣютъ горы, которыя, кажется, и составляли нѣкогда настоящій берегъ рѣки. Якутскъ построенъ на огромной отмели, что видно по пространнымъ пескамъ, кустамъ и озеркамъ. И теперь во время разлива Лена, говорятъ, доходитъ до города и заливаетъ отчасти окрестныя поля».

Черт. 8. Сѣверная башня Якутскаго острога.
(По документамъ архивнаго дѣла Хозяйственнаго Д-та М. В. Д. № 607 и № 105, 1877—79 гг.).

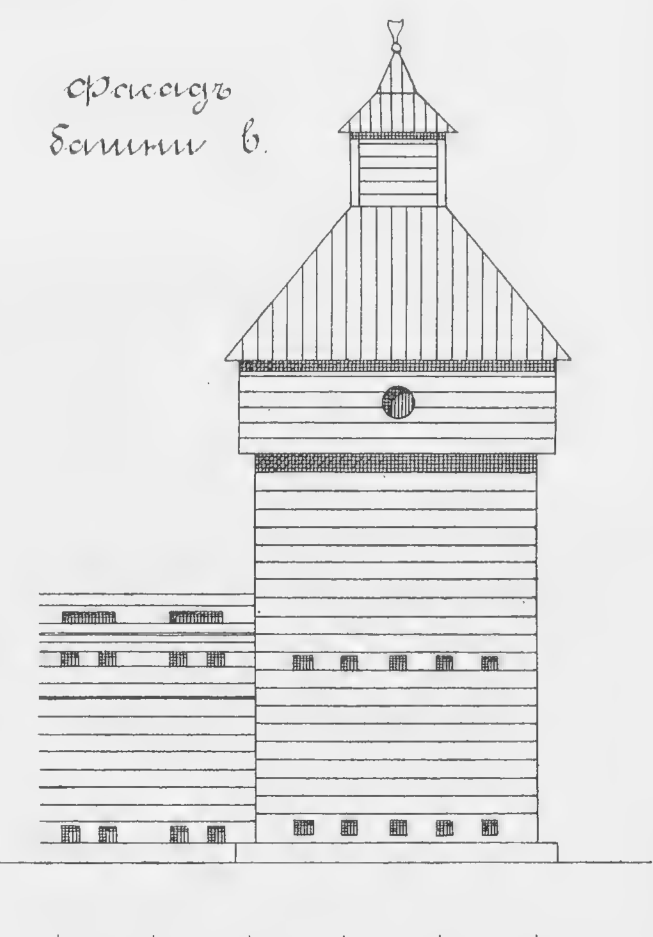
Нѣсколько далѣе Гончаровъ характеризуетъ самый городъ, какъ «кучу почернѣвшихъ отъ времени одноэтажныхъ деревянныхъ домовъ», и добавляетъ, что въ немъ былъ «*единственный* каменный домъ, занимаемый земскимъ судомъ», и «остатки крѣпости, уцѣлѣвшей отъ временъ покоренія области», въ видѣ «старинной, полуразрушенной стѣны и нѣсколькихъ башенъ».

Вотъ въ общихъ чертахъ внѣшній видъ Якутска и его окрестностей пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ; того самаго Якутска, который имѣетъ столь важное значеніе въ исторіи Сибири и въ срединѣ котораго доживаютъ свой вѣкъ

драгоцѣнные и едва-ли не единственные въ своемъ родѣ образцы древне-русскаго деревяннаго «городового дѣла».

Перейдемъ теперь къ ихъ изученію.

Первыя оффиціальныя данныя объ этихъ остаткахъ мы имѣемъ отъ 1870 года, въ видѣ чертежа общаго фасада стѣны, препровожденнаго въ Т.-С. Комитетъ М. В. Д. Якутскимъ Областнымъ Управленіемъ по приказанію Министра В. Д. [1]) Мы прилагаемъ здѣсь значительно уменьшенный снимокъ съ этого чертежа (табл. XI, черт. 1) и снимки отдѣльныхъ фасадовъ четырехъ башенъ (черт. 8, 9, 10 и 11) въ величину оригинала. Чертежъ этотъ былъ представленъ при самомъ коротенькомъ «отношеніи», гдѣ говорится только, что «эти зданія находятся въ полуразрушенномъ состояніи,—мѣръ-же къ сохраненію и исправному содержанію съ самаго основанія оныхъ принимаемо не было, а потому и особаго описанія не прилагается» [2]).

Черт. 9. Южная башня Якутскаго острога.
(По документамъ архивнаго дѣла Хозяйственнаго Д-та М. В. Д., № 607 и № 105, 1877—79 г.).

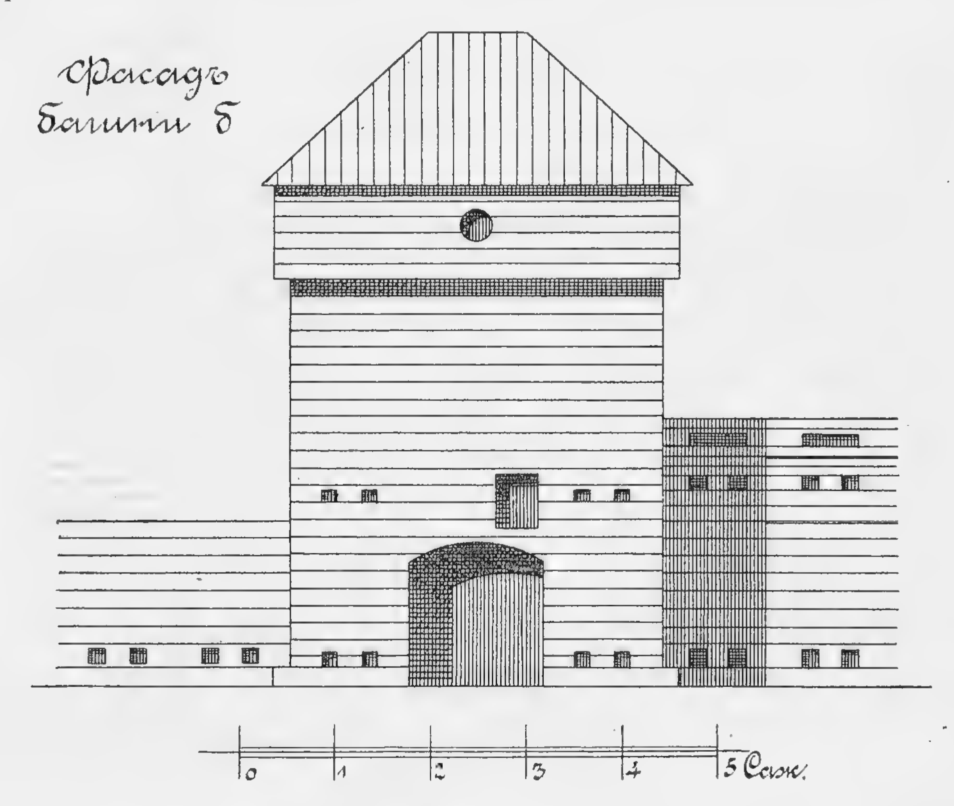
Затѣмъ мы имѣемъ объ остаткахъ Якутскаго острога болѣе позднія оффиціальныя извѣстія.

[1]) Хотя это отношеніе Якутскаго Обл. Управленія было отправлено въ Т.-С. Комитетъ М. В. Д., но оно почему-то находится въ архивномъ дѣлѣ Хозяйственнаго Департамента, № 607 и № 105, о чемъ считаемъ долгомъ замѣтить для свѣдѣнія.

[2]) См. отношеніе Якутскаго Обл. Управленія отъ 31-го декабря 1870-го года, № 3653, въ архивномъ дѣлѣ Хозяйственнаго Д-та Мин. Вн. Дѣлъ, 1877—79 гг., № 607 и № 105.

Они относятся къ 12-му декабря 1887-го года и заключаются въ отвѣтѣ секретаря Якутскаго Областнаго Комитета, г. А. Попова, на циркулярный запросъ Академіи Художествъ о памятникахъ древности въ Имперіи [1]).

Данныя, сообщаемыя имъ, настолько важны, что мы считаемъ нужнымъ привести ихъ здѣсь цѣликомъ.

Черт. 10. Средняя башня Якутскаго острога.
(По даннымъ архивнаго дѣла Хозяйственнаго Д-та М. В. Д., № 607 и № 105, 1877—79 г.).

«Изъ старыхъ городскихъ укрѣпленій, говоритъ онъ, сохранились въ гор. Якутскѣ четыре деревянныя башни—остатокъ древней крѣпости, построенной въ первой половинѣ XVII столѣтія казаками, завоевателями Восточной Сибири. Крѣпость находится въ самой западной части города и уцѣлѣвшимъ своимъ фасомъ выходитъ въ поле. Башни, равно и срубы, соединяющіе ихъ, построены изъ 6—7 вершковыхъ сосновыхъ бревенъ, первые въ присѣкъ, а послѣдніе въ обло. Высота стѣнъ двухъ крайнихъ башенъ (А и В) равна

[1]) Препровожденъ при отношеніи Якутскаго Обл. Статист. К-та отъ 22-го декабря 1887 года, № 162. См. архивное дѣло Хозяйств. Д-та М. В. Д., № 607 и № 105, 1877—79 г.

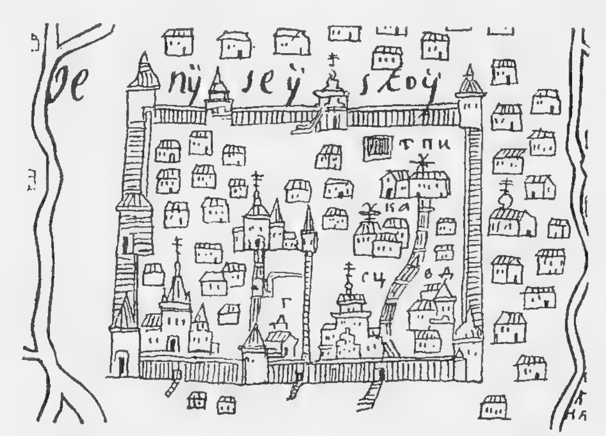
11½ аршинъ, средней (Б) и отдѣльно стоящей (Г)—12 арш., высота крышъ 4½ аршина [1]).

На двухъ крышахъ (В и Г) сохранились наблюдательные или сторожевые посты. Первыя двѣ башни (А и В) занимаютъ площадь въ 3 квадр. сажени каждая, другія двѣ (Б и Г)—по 4 кв. саж. Уцѣлѣвшій фасъ укрѣпленія состоитъ изъ трехъ башенъ, связанныхъ между собою 36 крытыми срубами, по 4½ квадр. аршинъ каждый; вся длина фаса равна 65 саженямъ. *По расположенію башенъ на площади (см. планъ) и по остаткамъ частокола у башни, отдѣльно стоящей (Г), слѣдуетъ предположить, что укрѣпленіе имѣло видъ правильнаго четырехъугольника, длиною въ 82 и шириною въ 65 саженъ.* Въ двухъ среднихъ башняхъ (Б и Г) ворота устроены на пролётъ, съ деревянными двухстворчатыми полотнищами, въ двухъ крайнихъ воротъ вовсе нѣтъ, а сдѣланы только низкіе ходы съ внутренней стороны укрѣпленія, причемъ въ одной изъ башенъ (А) виденъ ходъ и въ поле (вѣроятно для вылазокъ). Срубы соединены между собою подобными же ходами и кромѣ того, изъ каждаго сруба идетъ особый ходъ во дворъ укрѣпленія. Остатки галлереи, устроенной надъ срубами, видны только въ одномъ мѣстѣ (между башнями Б и В). Была ли галлерея крыта, трудно сказать, такъ какъ никакихъ слѣдовъ стропилъ

Черт. 11. Отдѣльная, восточная башня Якутскаго острога.
(По документамъ архивнаго дѣла Хозяйственнаго Д-та М. В. Д. № 607 и № 105, 1877—79 г.).

[1]) См. табл. IV.

или балокъ не оказывается. У одной башни (Г) сохранились надъ воротами два крытыхъ балкона; слѣды существованія такихъ балконовъ видны и у другой (Б). Раскатовъ на башняхъ, повидимому, не было, ружейныя же бойницы продѣланы въ стѣнахъ башенъ, срубовъ и галлерей, гдѣ въ два, гдѣ въ три яруса, въ башняхъ отъ 4 до 6 бойницъ въ ярусѣ, а въ срубахъ и галлереяхъ отъ 2 до 3-хъ. Внутри стѣнъ кладовыхъ, палатокъ и комнатъ не сохранилось; о погребахъ подъ башнями и о подземныхъ ходахъ ничего неизвѣстно. Укрѣпленіе не подвергалось никакой передѣлкѣ и, вообще, никогда не было возобновляемо.

Черт. 12. Городъ Енисейскъ.
(По Семену Ремезову).

Для болѣе нагляднаго ознакомленія съ остатками укрѣпленія, приложенъ при семъ планъ и видъ его въ трехъ отдѣльныхъ фотографическихъ снимкахъ».

Планъ, приложенный къ отвѣту г. Попова, помѣщенъ у насъ на табл. IV, а снимки съ фотографій—на табл. V—IX [1]).

Вся прочая оффиціальная переписка сводится, какъ мы увидимъ далѣе, къ пожеланіямъ мѣстнаго начальства снести эти остатки и къ заботамъ Императорской Археологической Коммисіи объ ихъ сохраненіи.

Возвращаясь, затѣмъ, къ описанію г. Попова, мы видимъ, что, по его предположенію, Якутскій острогъ представлялъ собою «прямоугольникъ длиною 82 саж. и шириною 65 саж.», обозначенный на его планѣ (табл. IV).

Предположеніе это является весьма соблазнительнымъ, ибо очень многіе сибирскіе «остроги» и «города» построены по этому образцу, какъ напр., Енисейскъ (черт. 12), Балаганскъ (черт. 13), Илимскъ (черт. 14), Пелымъ (черт. 1) и разные другіе. Но три стѣны показаны на этомъ планѣ *пунктиромъ*, т. е. *предположительно*, и притомъ лишь на основаніи того соображенія, что башня *Г* (отдаленная) была симметрична башнѣ *Б* и что

[1]) Здѣсь невольно рождается вопросъ, откуда мы взяли *шесть* снимковъ, когда г. Поповъ говоритъ о *трехъ*? Объясняется это тѣмъ, что у него четыре снимка башенъ соединены на одной таблицѣ.

стѣна крѣпости представляла собою въ планѣ правильный прямоугольникъ. Слѣдовательно, принять это предположеніе за незыблемое основаніе нельзя. И дѣйствительно, обращаясь къ стариннымъ изображеніямъ Якутска, мы видимъ нѣчто иное.

Древнѣйшимъ изъ нихъ надо считать то, которое находится въ извѣстной «Чертежной Книгѣ Сибири», составленной въ 1701 году Семеномъ Ремезовымъ (черт. 4). Здѣсь мы видимъ во 1-хъ, внизу рисунка овальное мѣсто, обнесенное тыномъ, съ колокольней слѣва и нѣсколькими церквами внутри; во 2-хъ, въ срединѣ рисунка идетъ стѣна съ тремя башнями, изъ коихъ двѣ по концамъ, а одна по середкѣ; и наконецъ, въ 3-хъ, вверху рисунка, какъ-бы параллельно этой стѣнѣ, — вторая такая-же стѣна, но уже съ пятью башнями, изъ которыхъ одна высокая, съ орломъ,—по серединѣ, а остальныя четыре—по двѣ съ каждаго конца, причемъ крайнія показаны рублеными изъ дерева. Сзади этой стѣны идетъ, приблизительно полувосьмиугольникомъ, частоколъ, который охватываетъ собою, судя по характеру построекъ, повидимому, главную часть города.

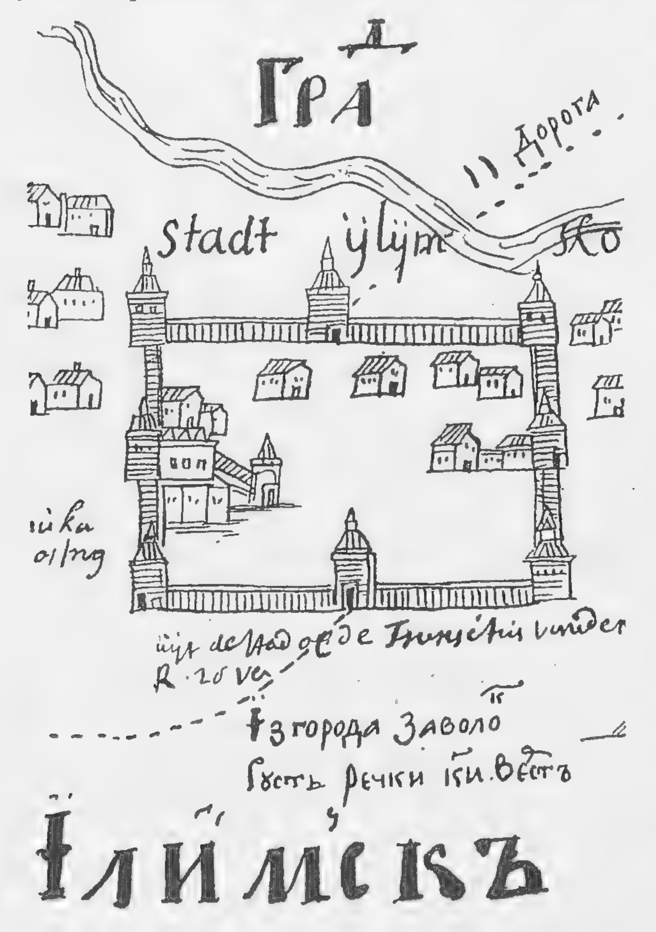
Черт. 13.
Балаганскій острогъ.
(По Семену Ремезову).

Итакъ, мы замѣчаемъ здѣсь три какъ-бы совершенно отдѣльныя части. Для опредѣленія этихъ частей весьма важно было-бы выяснить ихъ оріентировку по странамъ свѣта, принимая во вниманіе, что общепринятое теперь расположеніе картъ, съ сѣверомъ на верху, не соблюдалось въ XVII-мъ вѣкѣ, а Ремезовъ по образованію былъ, конечно, человѣкомъ XVII-го вѣка.

Съ правой стороны рисунка, по направленію сверху внизъ, показано теченіе р. Вилюя; въ правомъ нижнемъ углу рисунка, по направленію снизу вверхъ, обозначено теченіе р. Алдана; и наконецъ внизу рисунка идетъ нѣсколько вкось, съ протокомъ со стороны города, широкая Лена. Но на самомъ дѣлѣ Алданъ—правый протокъ Лены, а Вилюй—лѣвый; оба они при впаденіи въ Лену имѣютъ одно и то-же направленіе, по широтѣ, т. е. съ востока на западъ и наоборотъ. Лена, между ними, течетъ съ юга-востока на сѣверо-западъ (табл. I). Отсюда ясно, что если мы повернемъ рисунокъ Ремезова такъ, чтобы верхъ пришелся слѣва, а низъ—справа, то рѣки получатъ должное направленіе и чертежъ будетъ оріентированъ правильно (черт. 15).

При этомъ нижняя группа строеній окажется восточной, а верхняя—западной, что для насъ весьма важно, такъ какъ впослѣдствіи это поможетъ намъ разобраться, при дальнѣйшемъ изложеніи, въ частяхъ города, а здѣсь

мы считаемъ долгомъ оговориться, что наше опредѣленіе правильной оріентировки рисунка по теченію рѣкъ обусловлено тѣмъ обстоятельствомъ, что у насъ приведена лишь очень небольшая часть чертежа Ремезова; но если мы будемъ разсматривать таблицу 19-ю его атласа, гдѣ изображенъ Якутскъ, то сразу замѣтимъ, что устье Лены показано справа, а Пенжинская губа—снизу чертежа, слѣдовательно онъ оріентированъ западомъ наверхъ, сѣверомъ направо, а востокомъ внизъ.

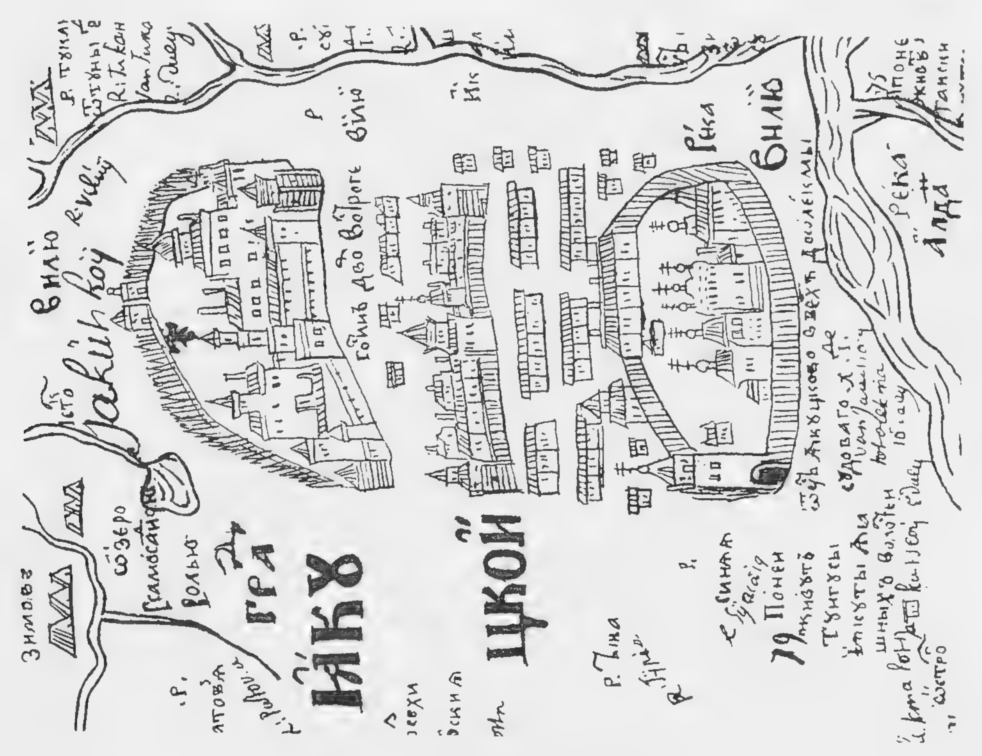
Черт. 14. Городъ Илимскъ.
(По Семену Ремезову).

Другое изображеніе, почти одновременное съ первымъ, мы видимъ въ сочиненіи Витзена о Сѣверной и Восточной Татаріи, хранящемся въ библіотекѣ Императорской Археологической Коммиссіи [1]) (табл. II, рис. 2).

Прежде чѣмъ говорить что-либо о Витзеновомъ изображеніи Якутска, скажемъ вообще нѣсколько словъ о рисункахъ, приложенныхъ къ его сочиненію. Въ рисункахъ этихъ мы должны различать, во 1-хъ, содержа-

[1]) Инв. кат. № 13555. «Noord en Oost Tartarye. Tweede deel: behelzende de Landschappen Georgia, Mengrelia, Cirkassia, Crim, Astakkia, Altin, Tingoesia, Siberia, en Samojedia» door Nicolaes Witsen. (Заглавнаго листа нѣтъ). Витзенъ (1641—1717), голландскій ученый и государственный человѣкъ, былъ въ Россіи вмѣстѣ съ голландскимъ посольствомъ въ 1664-мъ году, а затѣмъ находился въ личныхъ отношеніяхъ съ Петромъ Великимъ, который переписывался съ нимъ до отъѣзда за границу и даже гостилъ у него въ домѣ въ Голландіи. Матеріалы для своего огромнаго труда онъ лично собралъ въ Москвѣ, а затѣмъ пополнилъ его дополнительными сообщеніями многихъ лицъ, съ которыми онъ состоялъ въ перепискѣ, въ томъ числѣ съ Петромъ Великимъ и съ дьякомъ Сибирскаго Приказа голландцемъ Андреемъ Виніусомъ.

ніе, а во 2-хъ форму. Что касается до перваго, то оно, повидимому, основано на хорошихъ источникахъ, а потому обыкновенно ничего невѣроятнаго не представляетъ; но, что касается до формы, то, съ нашей современной точки зрѣнія, она ниже всякой критики: сходства съ изображаемымъ предметомъ или существомъ почти никакого! Такъ, напр., на рисункѣ стр. 669 у него изображены два якута: одинъ на лыжахъ, а другой въ саняхъ, запряженныхъ однимъ оленемъ; у перваго якута къ поясу привязана мчащаяся

Черт. 15. Г. Якутскъ въ самомъ концѣ XVII вѣка.
(По Семену Ремезову).

собака. Все это по существу совершенно естественно и возможно. Но посмотримъ, какъ это изображено въ смыслѣ формы. Сани, въ которыхъ сидитъ якутъ, — не легонькія оленьи парты, а тяжелый длинный ящикъ, переходящій спереди въ завитокъ стиля Возрожденія. Олень и собака — не сѣверные сибирскіе олень и лайка, а красивый классическій олень и классическая-же борзая, съ какими обыкновенно изображались Діана на западныхъ гравюрахъ XVII—XVIII вв. Лицо якута на лыжахъ — чистѣйшаго голландскаго типа, а вмѣсто шеста у него въ рукахъ тирсъ съ классическими кедровыми шишками по концамъ!

Затѣмъ на рисункѣ стр. 660 у Витзена представленъ конный бурятъ въ халатѣ и мѣховой шапкѣ, съ лукомъ и стрѣлами, но на такомъ-же точно конѣ, на какомъ сидитъ Константинъ Великій въ притворѣ храма св. Петра въ Римѣ!

Наконецъ на рисункѣ стр. 643 у него изображена «монгольская монахиня» (?) (Mugaelsche Nonne) съ четками въ рукахъ; но если снять съ нея мѣховую шапку и жиденькую мѣховую оторочку ворота и косой полы, то мы получимъ полнѣйшую голландскую женскую фигуру съ гравюры XVII в.

Черт. 16. Городъ Епанчинъ.
(По Семену Ремезову).

На этомъ мы пока остановимся, ибо приведенныхъ примѣровъ совершенно достаточно для выясненія нашей мысли.

Все это мы говоримъ совсѣмъ не съ тою цѣлью, чтобы критиковать Витзена, ибо нелѣпо предъявлять требованія XX-го вѣка къ писателю XVII-го. Нѣтъ, мы просто хотимъ выяснить тотъ способъ, которымъ создавались рисунки его книги.

Имѣя корреспондентовъ даже въ такихъ отдаленныхъ странахъ, какъ Персія и Японія, онъ, очевидно, собиралъ возможно достовѣрныя свѣдѣнія, которыя доставлялись ему или въ видѣ простыхъ описаній или, быть можетъ, въ видѣ описаній съ набросками и чертежами; а затѣмъ какой-нибудь голланд-

скій художникъ, конечно никогда не бывавшій въ описываемыхъ Витзеномъ странахъ, составлялъ иллюстраціи къ его книгѣ на основаніи данныхъ ему описаній или набросковъ. При этомъ онъ, разумѣется, пропускалъ ихъ черезъ свое собственое художественое міросозерцаніе и давалъ такія изображенія, какія онъ привыкъ видѣть у себя дома, въ Голландіи, на миѳологическихъ, историческихъ или бытовыхъ картинахъ. Выясненіе этого процесса для насъ чрезвычайно важно, ибо оно раскрываетъ способъ изображенія видовъ разныхъ сибирскихъ городовъ, находящихся въ сочиненіи Витзена.

Рис. 17. Городъ Епанчинъ.
(По Витзену).

Присматриваясь къ этимъ изображеніямъ, образцомъ которыхъ могутъ служить приводимые нами виды Якутска (табл. II, рис. 2) и Епанчина (рис. 17), мы замѣчаемъ прежде всего, что, несмотря на ихъ кажущуюся реальность, они вполнѣ условны: города у Витзена изображены «съ высоты птичьяго полета», т. е. такъ, какъ ихъ въ натурѣ никогда не увидишь. Чтобы увидѣть ихъ съ такой точки зрѣнія, надо или подняться на воздушномъ шарѣ, или взлѣсть на очень высокую гору. Но такъ какъ ни то, ни другое въ данномъ случаѣ не допустимо, то очевидно, что виды городовъ Витзена сдѣланы не съ натуры, а съ какихъ-то чисто условныхъ набросковъ, которымъ приданы только болѣе реальныя черты.

Присматриваясь затѣмъ къ характеру зданій, мы замѣчаемъ, что эти русскія на первый взглядъ башни, церкви и дома Якутска являются, въ сущности, голландскими. За примѣрами ходить недалеко: укажемъ хотя-бы на «домъ коменданта» (4), городской соборъ (1), домъ направо отъ «башенки съ боемъ и часами» (5) и т. д. Все это не русскія «шатровыя» постройки, а голландскія «шпилевыя». То же самое мы можемъ сказать и о прочихъ изображеніяхъ сибирскихъ городовъ у Витзена.

Эти соображенія невольно наводятъ на мысль, не имѣлъ-ли Витзенъ какихъ-либо русскихъ изображеній сибирскихъ городовъ, которыя и были ему «грамотно» перерисованы въ Голландіи? А если это такъ, то отъ кого онъ могъ ихъ получить?

Здѣсь уже самъ собой приходитъ на память его корреспондентъ Андрей Виніусъ, дьякъ Сибирскаго Приказа, которому Семенъ Ремезовъ, по царскому указу, представилъ составленный имъ «Чертежъ Сибирской земли». А равнымъ образомъ припоминается и то обстоятельство, что у Ремезова каждый городъ изображенъ условнымъ видомъ съ высоты птичьяго полета (черт. 1, 2, 4 и 13), и что на тѣхъ-же чертежахъ Ремезова мы видимъ *голландскій* переводъ *русскихъ* надписей (черт. 1, 4, 12 и др.).

Но если на чертежахъ Ремезова русскія подписи переведены на голландскій языкъ, то спрашивается, для чего-же? Очевидно—для отсылки въ Голландію. А если это такъ, то чертежи Ремезова могли послужить образцами для рисунковъ Витзена[1]). Значитъ, для рѣшенія этого вопроса надо только сравнить одни съ другими. Сдѣланное нами сравненіе дало поразительное подтвержденіе нашей догадки: Витзеновы изображенія Енисейска (стр. 666), Красноярска (ibid.), Березова (стр. 729), Нарыма (ibid.), Кузнецка (стр. 848), Туруханска или Новой Мангазеи (ibid.), Иркутска (стр. 757), Тары (стр. 823) и Епанчина (ibid.) составляютъ точнѣйшее повтореніе чертежей Ремезова. Въ доказательство приводимъ изображеніе города Епанчина у того и у другого (черт. 16 и рис. 17). Простого сравненія обоихъ рисунковъ достаточно, чтобы убѣдиться въ вѣрности нашего заключенія.

Но изображенія Верхотурья и Якутска у Витзена совсѣмъ не похожи на чертежи ихъ у Ремезова. Мы уже разбирали изображеніе Якутска въ Чертежной Книгѣ Сибири (черт. 4). Если обратимся теперь къ изображенію Витзена, то увидимъ совсѣмъ другое (табл. II, рис. 2): на правой сторонѣ рисунка стѣна

[1]) Въ своемъ «Введеніи» Витзенъ говоритъ, что для картъ ему служили пособіемъ «сибирскіе» лубки съ описаніемъ земель. (См. у Кордта, втор. серія, стр. 25).

идетъ по тремъ сторонамъ прямоугольника, причемъ она имѣетъ девять башенъ, а затѣмъ къ этому прямоугольнику примыкаетъ круглая стѣна, которая охватываетъ остальную часть города и имѣетъ двѣнадцать башенъ. Это изображеніе не только противорѣчитъ первому, но идетъ гораздо дальше его, ибо даетъ такія подробности, о которыхъ въ первомъ и думать нечего, какъ напр. всѣ главнѣйшія постройки внутри, каковы соборъ, монастырь, домъ коменданта, тюрьма, цейхгаузъ (1, 2, 4, 6 и 9) и т. д.

Но которое-же изъ этихъ изображеній правильнѣе и кому изъ нихъ вѣрить? Витзену или Ремезову?

Для рѣшенія этого вопроса мы пока привели слишкомъ мало данныхъ. Къ Витзенову изображенію мы еще вернемся и тогда выяснимъ этотъ вопросъ, а теперь обратимся сперва къ третьему старинному изображенію Якутска на гравюрѣ XVIII вѣка, оттиснутому со старой доски изъ собранія Императорской Академіи Художествъ [1]) (табл. III, рис. 1 и 2).

Изображеніе это въ подлинникѣ слишкомъ велико ($42^1/_2$ сант. длины), почему и не могло умѣститься на предѣлахъ нашей таблицы, или-же вышло-бы слишкомъ мелко; а потому его пришлось раздѣлить на двѣ части и правую сторону помѣстить отдѣльно (табл. III, рис. 2). Но одного взгляда на эти рисунки достаточно, чтобы убѣдиться въ томъ, что лѣвый край рисунка второго есть продолженіе праваго края рисунка перваго, и представить себѣ общую картину.

Здѣсь мы видимъ прежде всего реальное изображеніе города съ соблюденіемъ естественной перспективы: это несомнѣнно—видъ, рисованный умѣлымъ художникомъ съ натуры, причемъ русскій характеръ зданій соблюденъ вполнѣ, не исключая, напр., такихъ подробностей какъ «кресчатая бочка», которую мы замѣчаемъ въ лѣвой части рисунка 1-го подъ четвертой луковичной главой, считая слѣва вправо.

Затѣмъ мы замѣчаемъ въ этомъ изображеніи много аналогіи съ чертежомъ Ремезова (черт. 15), въ особенности если этотъ послѣдній оріентировать

---

[1]) Помимо разнаго рода гравюръ, собраніе это заключаетъ въ себѣ виды слѣдующихъ сибирскихъ городовъ: Верхотурья, Тары, Томска, Удинскаго острога, Туринска, Мангазеи, Кузнецка, Селенгинска, Нерчинска и Кяхтинской слободы (всѣ эти виды имѣютъ 32 сант. длины и 18 высоты); Тюмени, Илимска, Енисейска, Красноярска, Якутска и Пелыма (всѣ эти гравюры имѣетъ $44^1/_2$ сант. длины и 14 см. высоты). Коллекція эта является драгоцѣннѣйшимъ собраніемъ, ибо съ одной стороны представляетъ собою достовѣрныя изображенія разныхъ сибирскихъ городовъ XVIII вѣка, а съ другой увѣковѣчиваетъ тѣ изъ нихъ, которые нѣкогда играли важную роль въ дѣлѣ покоренія Сибири, а теперь сошли на нѣтъ и уже почти забыты русскими людьми, какъ напр. Мангазея.

какъ слѣдуетъ, т. е., въ данномъ случаѣ, положить на бокъ. Во 1-хъ, въ восточной окраинѣ города мы видимъ группу зданій и церквей, обнесенныхъ отдѣльною оградою (табл. III, рис. 2); во 2-хъ, въ значительномъ отдаленіи отъ нея изображены первыя три башни, стоящія въ рядъ (ib. рис. 1, между мачтами правыхъ и среднихъ барокъ); и въ 3-хъ, еще нѣсколько дальше на западъ и въ западномъ концѣ города мы замѣчаемъ большую группу зданій съ шатровыми покрытіями (рис. 1, слѣва), которая отвѣчаетъ верхней или западной группѣ построекъ на изображеніи Ремезова. Всматриваясь внимательнѣе въ эту группу, мы замѣчаемъ, что одни шатровыя покрытія ея принадлежатъ церквамъ, а другія—башнямъ, причемъ первыя ясно отличаются отъ вторыхъ крестами, что даетъ намъ возможность опредѣлить число башенъ въ этой группѣ. Первую башню мы видимъ слѣва между мачтами двухъ лѣвыхъ барокъ (рис. 1); отъ нея идетъ вправо на горизонтѣ тынъ или частоколъ, который закрывается группою зданій съ четырьмя шатрами, изъ коихъ самый низкій не имѣетъ креста: это *вторая* башня. Рядомъ съ нею стоитъ колокольня, а подлѣ нея низкій шатрикъ, который принадлежитъ *третьей* башнѣ. Наконецъ еще правѣе, за мачтами двухъ среднихъ барокъ, изображены цѣлыхъ *пять* шатровъ. Итого въ этой группѣ всего *восемь* башенъ.

Точно также *восемь* башенъ мы видимъ въ верхней оградѣ у Ремезова (рис. 4): *одна* башня посрединѣ съ орломъ: отъ нея направо на углу—*двѣ* башни; отъ нея налѣво на углу—*три* башни; наконецъ посрединѣ частокола, немного правѣе орла главной башни,—еще *двѣ* башни. Итого тоже *восемь* башенъ!

Все это показываетъ, что чертежъ Ремезова вѣренъ, а рисунокъ Витзена невѣренъ, но не рѣшаетъ еще вопроса о размѣрахъ и дѣйствительномъ расположеніи Якутской крѣпости, ибо нельзя-же въ самомъ дѣлѣ представить себѣ крѣпость, часть оборонительныхъ сооруженій которой представляли-бы собою отдѣльно стоящія три башни, соединенныя прямою стѣною (черт. 4 и 15), потому что всякое укрѣпленіе должно представлять собою убѣжище, *замкнутое и защищенное со всѣхъ сторонъ*.

Итакъ древнія изображенія Якутскаго острога и чертежи его остатковъ не разрѣшаютъ поставленнаго нами вопроса. Такъ какъ мы не находимъ на него графическаго отвѣта, попытаемся поискать его въ письменныхъ свидѣтельствахъ и посмотримъ, что говорятъ о немъ историческія данныя.

Военный инженеръ Ѳ. Ласковскій одинъ изъ лучшихъ знатковъ древнерусскаго крѣпостного дѣла, сообщаетъ, впрочемъ безъ указанія источника, что

«при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ оборонительная ограда Якутска состояла изъ *острога* съ башнями, окружавшаго посадъ, и *внутренней* ограды изъ деревянной рубленой стѣны съ 6-ю башнями» [1]).

Затѣмъ Словцовъ утверждаетъ, что «Якутскъ, еще въ то время, какъ стоялъ на степени города разряднаго или областного, обстроился *деревяннымъ четыреугольникомъ*, коего сторона продолжалась на 320 саж., съ 16 башнями, въ срединѣ же его включался *замокъ*, также деревянный, съ 6 башнями, и занималъ площадь въ 540 саж., съ каменнымъ помѣщеніемъ для воеводъ. Въ такомъ видѣ Якутскъ существовалъ и въ IV періодъ». (1742—1765 г.) [2]).

Видѣвшій въ 30-хъ годахъ остатки Якутскаго острога Щукинъ говоритъ слѣдующее объ его расположеніи: «*Она* (т. е. крѣпость), была *квадратная*, каждый бокъ ея имѣлъ $63^1/_2$ сажени. По угламъ были башни въ нѣсколько этажей, а въ срединѣ ворота. . . . Вся крѣпость, на разстояніи ружейнаго выстрѣла, обнесена была высокимъ *частоколомъ* или палисадомъ съ воротами и башнями» [3]).

Наконецъ, въ наше время г. Латкинъ утверждаетъ, но тоже безъ указанія источника, что «въ 1678-мъ году воевода Бибиковъ обнесъ крѣпость новымъ частоколомъ, углубилъ ровъ, а пять башенъ на крѣпостныхъ стѣнахъ огородилъ палисадомъ» (?) [4]).

Позднѣйшее описаніе г. Попова (1887 г.) мы уже приводили (стр. 35).

Таковы свидѣтельства нашей исторической литературы, которыя не только разногласятъ между собою, но даже прямо противорѣчатъ другъ другу въ подробностяхъ, какъ напр. въ размѣрахъ; но за то нельзя отрицать у всѣхъ ихъ нѣкоторую одинаковость представленія объ общемъ расположеніи Якутскаго острога, что у Словцова и Щукина объясняется тѣмъ, что оба они «очевидцы» [5]). Тѣмъ не менѣе всѣ эти показанія, взятыя вмѣстѣ, не только не выясняютъ вопроса, а скорѣе затемняютъ его.

Положеніе казалось бы безнадежнымъ, если бы выходу изъ него не помогли

---

[1]) См. его „Матеріалы для исторіи инж. искусства въ Россіи", часть I, Спб. 1858 г., стр. 30.

[2]) См. его „Истор. Обозр. Сибири", книга вторая, стр. 115. Спб. 1844.

[3]) См. его „Поѣздка въ Якутскъ", Спб. 1844, стр. 197—199.

[4]) См. его статью «Якутскъ» въ 82-мъ полутомѣ Энциклопед. Словаря Ефрона и Брокгауза.

[5]) „Въ 1815 г., говоритъ Словцовъ, еще разъ я видѣлъ башни и стѣны Якутскаго замка, и палаты воеводскія, превращенныя въ казначейство. Эти развалины описаны г. Щукинымъ въ поѣздкѣ въ Якутскъ 1833 г."

нѣкоторыя другія литературныя данныя и, главнымъ образомъ, одинъ старинный планъ изъ архива Техническо-Строительнаго Комитета Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, а затѣмъ «Вѣдомости» и «Росписные списки» г. Якутска 1701 и 1759 гг.

Въ Иркутскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ 1873 г. напечатана статья неизвѣстнаго автора подъ заглавіемъ «Якутскій Спасскій монастырь» [1]). Въ ней есть слѣдующее крайне любопытное для насъ мѣсто: «Въ 1632-мъ году поставленъ былъ въ Якутахъ сотникомъ Петромъ Бекетовымъ *острогъ*, на мѣстѣ тѣсномъ и низменномъ, такъ что его каждую весну затопляло разливомъ воды при проходѣ рѣки, а потому въ 1643-мъ году, при воеводѣ Петрѣ Головинѣ, выше этого острога верстахъ въ 10-ти на Чеповомъ лугу построенъ *другой острогъ* съ 5-ю башнями, въ окружности 333 саж.; при немъ находились казенные амбары, воеводской домъ и двѣ церкви: во имя живоначальной Троицы и преподобнаго Михаила Малеина, но участь и этого острога была *не лучше перваго*. Въ 1683-мъ году, при воеводѣ Иванѣ Приклонномъ, по грамотѣ блаженныя памяти Государя Ѳедора Алексѣевича, по челобитію городскихъ жителей построенъ на томъ-же лугу по р. Ленѣ выше стараго острога 580 саж. *новый городъ* о четырехъ стѣнахъ съ башнями, часть которыхъ видна у насъ и въ настоящее время. Тутъ построены были воеводскій дворъ, таможня, казенные амбары, гостиный дворъ и соборная церковь».

Таковы свѣдѣнія, сообщаемыя объ Якутскомъ острогѣ неизвѣстнымъ сотрудникомъ Иркутскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей, которыя, какъ мы увидимъ далѣе, много содѣйствуютъ разъясненію нашего вопроса.

Что-же касается до стараго плана г. Якутска, хранящагося въ архивѣ Т.-С. Комитета М. В. Д. [2]), то онъ представляетъ весьма любопытныя данныя: съ одной стороны на немъ показаны карминомъ, въ линіяхъ, правильные кварталы Высочайше утвержденнаго плана города, а съ другой стороны нанесена съ натуры вся существующая крайне безпорядочная его деревянная застройка, какъ она сложилась историческимъ путемъ (черт. 18).

Ни числа, ни года, ни подписи его составителя на немъ нѣтъ, но мы всетаки-же можемъ съ увѣренностью сказать, что онъ составленъ въ началѣ XIX-го столѣтія, во 1-хъ, по виду бумаги, во 2-хъ, по характеру почерка надписей, и въ 3-хъ, по обозначенію вверху: «Планъ *уѣзднаго* города Якутска».

---

[1]) См. Прибавленіе къ Иркутскимъ Епархіальнымъ Вѣдомостямъ 1873 г., № 36, отъ 8 сентября, стр. 585—587. Статья эта провѣрена, въ смыслѣ документальности, въ епархіи въ Иркутскѣ, а потому заслуживаетъ полнаго довѣрія.

[2]) № 264.

Оставляя въ сторонѣ первые два признака, какъ болѣе или менѣе спорные, обратимся къ третьему, который въ данномъ случаѣ является документальнымъ: Якутскъ былъ «уѣзднымъ» городомъ лишь съ 1805-го по 1822-й годъ, слѣдовательно нашъ планъ могъ быть составленъ только въ этотъ семнадцатилѣтній промежутокъ времени, т. е. онъ относится къ первой четверти XIX-го вѣка.

Мы прилагаемъ здѣсь копію съ него въ уменьшенномъ масштабѣ (черт. 18) и выкопировку одной части (черт. 19) въ величину подлинника. Первая представляетъ собою полностью планъ Якутска, какимъ онъ былъ въ началѣ XIX вѣка, но безъ Высочайше утвержденнаго проекта урегулированія города, которое тогда было только что предположено къ осуществленію. Что-же касается до второй, то она является изображеніемъ плана самаго острога въ томъ видѣ, въ какомъ онъ дошелъ до начала XIX столѣтія.

Обращаясь затѣмъ къ стариннымъ «описямъ» XVIII-го вѣка, мы читаемъ въ «Вѣдомости Сибирскимъ городамъ» 1701 года [1]) слѣдующее описаніе Якутскаго острога:

«Якуцкой городъ»

«По росписному списку 206 г. *новой рубленой* мѣрою въ длину и поперегъ съ поля по 60 саж. стѣна, а внутри въ городѣ по 57 саж. стѣна, крытъ въ одинъ тесъ; да въ томъ же городѣ на правомъ углу въ стѣнѣ церковь новая о дву службахъ, вверху и внизу олтари выпущены за городъ; а у города въ стѣнахъ 7 башенъ, въ томъ числѣ 2 башни проѣзжіе.

Около города *острогъ стоячій;* а по мѣрѣ того острогу отъ передней городовой стѣны къ востоку къ Лѣнѣ рѣкѣ и къ старому посаду до острожной стѣны 60 саж.; а отъ городовыхъ стѣнъ до острогу по 40 саж.; да въ томъ же острогѣ на углахъ и въ стѣнахъ 8 башенъ, въ томъ числѣ 2 башни проѣзжіе; да въ острогѣ жъ тайникъ водяной копаной не додѣланъ покрытъ землею» [2]).

Таковъ былъ видъ Якутскаго острога въ 206 (1698) году. Но жизнь брала свое и онъ, конечно, не могъ оставаться всегда въ такомъ состояніи. Дѣйствительно, спустя шестьдесятъ лѣтъ съ небольшимъ острогъ представляется уже въ значительно измѣненномъ видѣ:

---

[1]) По Сибирскому Приказу кн. № 1354, лл. 362—372 (Моск. Архивъ М-ва Юстиціи).

[2]) См. „Кунгуръ, Матеріалы для исторіи города XVII и XVIII столѣтія“. Москва 1886 г., стр. 110.

Черт. 18. „Планъ уѣзднаго города Якутска".

(По архивному плану Т.-С. Комитета М. В. Д., № 264).

„Описаніе примѣчательныхъ мѣстъ и строеній" [1]).

Церкви.

2. Спаской мужской монастырь каменной (Б).
4. Рожеству богоматери каменная.
5. Преображенія господня деревянная.
6. Иоанна предтечи деревянная.
7. Одигитрія богоматери деревянная.
8. Старая и вѣтхая о 8 башняхъ крѣпость, деревянная (А).

11. Областное правленіе помѣщено въ партикулярномъ домѣ.
12. Уѣздной судъ помѣщенъ въ партикулярномъ домѣ.
13. Земской судъ.
14. Градская полиція.
15. Правіанское коммисіонерство.
16. Городовой магистратъ и градская дума.

17. Почтовая кантора.
18. Уѣздное училище.
19. Провіанскія магазейны.
21. Винныя магазейны.
26. Городовой гошпиталь.
27. Военной лазаретъ.
29. Казачей полковой домъ.
30. Торговой рынокъ.
32. Кузницы.
33. Судовая пристань.
32. Кирпичныя сараи [2]).

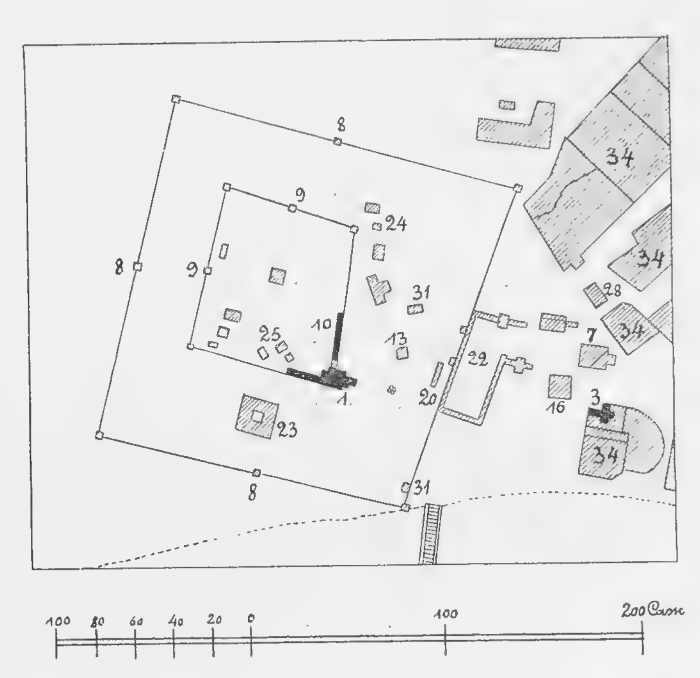
---

[1]) Приводимъ съ соблюденіемъ правописанія.

[2]) Пропущенные нумера описанія помѣщены подъ чертежемъ 19-мъ (стр. 49).

Вотъ какъ описываетъ его «Росписной списокъ» 1759-го года [1]):

«Росписной списокъ бытности въ Якуцкѣ воеводы коллеж. ассесора Лесли по смѣнѣ его въ отдачу колл. асс. и воеводѣ г-ну Павлуцкому города, городовымъ ключамъ, канцеляріи и въ ней дѣламъ и протчаго казеннаго интереса по нижеписаннымъ званіямъ 1759 г.

Черт. 19. „Планъ уѣзднаго города Якутска".

(По архивному плану Т.-С. Комитета М. В. Д., № 264).

„Описаніе примѣчательныхъ мѣстъ и строеній" [2]).

1. Соборная каменная церковь воимя пресвятыя троицы.
3. Воимя святителя николая чудотворца каменная.
7. Одигитрія богоматери деревянная.
8. Старая ветхая о 8 башняхъ крѣпость, деревянная.
9. Замкъ внутри крѣпости о 6-ти башняхъ.
10. Уѣздное казначейство каменное.
13. Земской судъ.
16. Городовой магистратъ и градская дума.
20. Соляныя магазеины.
22. Гостиной дворъ.
23. Пороховой погребъ.
21. Тюремный острогъ съ гобвахтою.
25. Цейхгаузы.
28. Ротной домъ.
31. Питейные домы.
34. Обывательское строеніе.

Городъ деревянной рубленой ветхой, въ томъ числѣ заборъ рубленой въ лапу, въ немъ 5 башень, да 2 стѣны каменныя между канцеляріею и церковію каменною въ вышину по 2 саж. и по 2 арш., въ тѣхъ каменныхъ стѣнахъ 2 прикалитки; кругомъ того города мѣрою 211 саж., да 5 башень, изъ вышеписанныхъ башень на проѣзжей задней башнѣ образъ

[1]) Ibidem, стр. 128 и 131.

[2]) Приводимъ съ соблюденіемъ правописанія.

мѣстной на цкѣ Господа Вседержителя, а во оной проѣзжей башнѣ и у воротъ 2 засова желѣзныхъ большихъ съ ключами . . . .

. . . .

Кругомъ того города *острогъ деревянной* ветхой, а въ томъ острогѣ въ стѣнахъ и на углахъ 8 башень, въ томъ числѣ 2 проѣзжихъ, крыты тесомъ, кругомъ того острогу и съ башнями 558 саж».

Таковы данныя, представляемыя намъ не литературными повѣствователями и историками, а документами въ видѣ снятыхъ съ натуры подлинныхъ плановъ и оффиціальныхъ описей, сдѣланныхъ во время почти полной еще сохранности острога.

Попытаемся теперь съ ихъ помощью разобраться въ указанной уже нами путаницѣ противорѣчивыхъ показаній и выяснить окончательно прежнее устройство Якутской крѣпости.

Начнемъ со статьи о «Спасскомъ Якутскомъ монастырѣ». Указанія ея весьма существенны: изъ нея мы узнаемъ, что перенесенный въ 1642 (?) году на новое мѣсто Якутскій острогъ простоялъ лишь до 1683 года, послѣ чего, по просьбѣ гражданъ, былъ замѣненъ новымъ, о чемъ намъ не сообщаетъ ни одинъ изъ другихъ авторовъ и что, въ сущности, совершенно разъясняетъ дѣло.

На этомъ основаніи мы заключаемъ, что Якутскихъ остроговъ было собственно три:

Первый, основанный въ 1632 году сотникомъ Бекетовымъ на *правомъ* берегу Лены, на горѣ Чебыдалѣ.

Второй, перенесенный въ 1642 (?) году на урочище Сай-Саръ, на нынѣшнее мѣсто города на *лѣвомъ* берегу Лены.

И, наконецъ, *третій*, построенный въ 1683 году воеводою Иваномъ Приклонскимъ на Ченовомъ лугу, на 580 саженъ выше второго по теченію Лены.

Затѣмъ, на основаніи этихъ-же данныхъ, мы можемъ сдѣлать весьма важный для насъ и притомъ вполнѣ достовѣрный выводъ, что всѣ остатки Якутскихъ укрѣпленій, которые до насъ дошли, а равно и всѣ имѣющіяся у насъ изображенія и письменныя свидѣтельства относятся къ этому *третьему* острогу, потому что всѣ они—XVIII-го столѣтія и слѣдовательно *позже* 1683-го года, т. е. времени его сооруженія.

Обратимся теперь къ архивному плану Т.-С. Комитета (черт. 18).

На немъ мы видимъ прежде всего широкій протокъ Лены отъ 100 до

200 саж. шириною, названный здѣсь Леною [1]) и текущій съ юго-запада на сѣверо-востокъ. На высотѣ двухъ третей его части, показанной на планѣ, въ него впадаетъ слѣва другой узкій протокъ саж. 20 шириною, который отдѣленъ отъ перваго тремя песчаными отмелями.

По лѣвому берегу узкаго протока и по лѣвому-же берегу широкаго протока или Лены, ниже ихъ сліянія, расположенъ самый городъ, который имѣетъ около $2^1/_2$ верстъ длины и одной версты ширины. Въ немъ мы видимъ два главныхъ древнѣйшихъ пункта: въ восточномъ концѣ прямо противъ сліянія протоковъ, саженяхъ въ 150-ти отъ берега, мужской Спасскій монастырь (Б), основанный въ 1664-мъ году; и въ западномъ концѣ, въ 300-хъ саженяхъ отъ берега и въ полутора верстахъ отъ монастыря, выше по теченію, остатки стараго острога (А), которые и составляютъ предметъ нашего изслѣдованія. Такъ какъ изображеніе его на этомъ планѣ представляетъ новыя и притомъ, повидимому, достовѣрныя данныя [2]), то мы и приводимъ здѣсь это изображеніе въ самой точной выкопировкѣ (черт. 19).

Что-же мы видимъ на этомъ планѣ? Во-первыхъ, внутреннюю ограду трапецоидальной формы, близкой къ квадрату, съ пятью башнями, изъ коихъ три угловыхъ и двѣ среднихъ (9). Четвертая угловая была, по всей вѣроятности, сломана для постройки каменной соборной церкви во имя св. Троицы (1). Эта внутренняя ограда обнесена такой-же наружной, почти параллельной ей и тоже въ видѣ неправильнаго прямоугольника съ восемью башнями, изъ которыхъ также четыре угловыхъ и четыре среднихъ (8, 8, 8 и 22).

Вотъ данныя, которыя помогутъ намъ разобраться въ хаосѣ противорѣчивыхъ показаній.

Указаніе Θ. Ласковскаго относится къ острогу временъ царя Алексѣя Михаиловича. Но мы знаемъ, что при царѣ Θеодорѣ Алексѣевичѣ былъ выстроенъ въ 1683 году новый острогъ, остатки котораго продержались до настоящаго времени. Слѣдовательно показанія Ласковскаго, какъ относящіяся къ другому, болѣе древнему острогу, отпадаютъ сами собой.

[1]) Названіе на планѣ этого „протока“ *Леною* не вполнѣ понятно, ибо *теперь* Якутскъ стоитъ на протокѣ Лены—*Хатыстахъ* и притомъ довольно далеко отъ главнаго русла.

[2]) Достовѣрность ихъ подтверждается слѣдующимъ документомъ: въ Т.-С. К-тѣ имѣется другой совершенно такой-же планъ, только гораздо болѣе пострадавшій отъ времени, гдѣ Якутская крѣпость изображена совершенно такъ же. На немъ есть двѣ слѣдующихъ надписи: первая, внизу направо,—„Съ подлиннаго копировалъ геодезіи ученикъ Андрей . . .“ (дальше оторвано); и вторая посреднпѣ чертежа, надъ рамкою: „*Свѣрилъ* Архитекторъ 8-го класса Антонъ Лосевъ“.

Равнымъ образомъ отпадаютъ свѣдѣнія, сообщаемыя г. Латкинымъ, ибо они относятся къ 1678 г., т. е. ко второму острогу, а не къ третьему, съ которымъ мы имѣемъ дѣло; кромѣ того, они касаются поправки (замѣна частокола) и особаго укрѣпленія отдѣльныхъ мѣстъ (палисадъ около пяти башенъ), а значитъ никакихъ общихъ указаній не даютъ.

Затѣмъ остаются свидѣтельства Словцова и Щукина. Что касается до перваго, то на этотъ разъ онъ, какъ будто, измѣняетъ себѣ: свое «Историческое обозрѣніе» онъ постоянно основываетъ на документальныхъ данныхъ, а здѣсь, повидимому, руководствуется какими-то невѣрными словесными сообще-

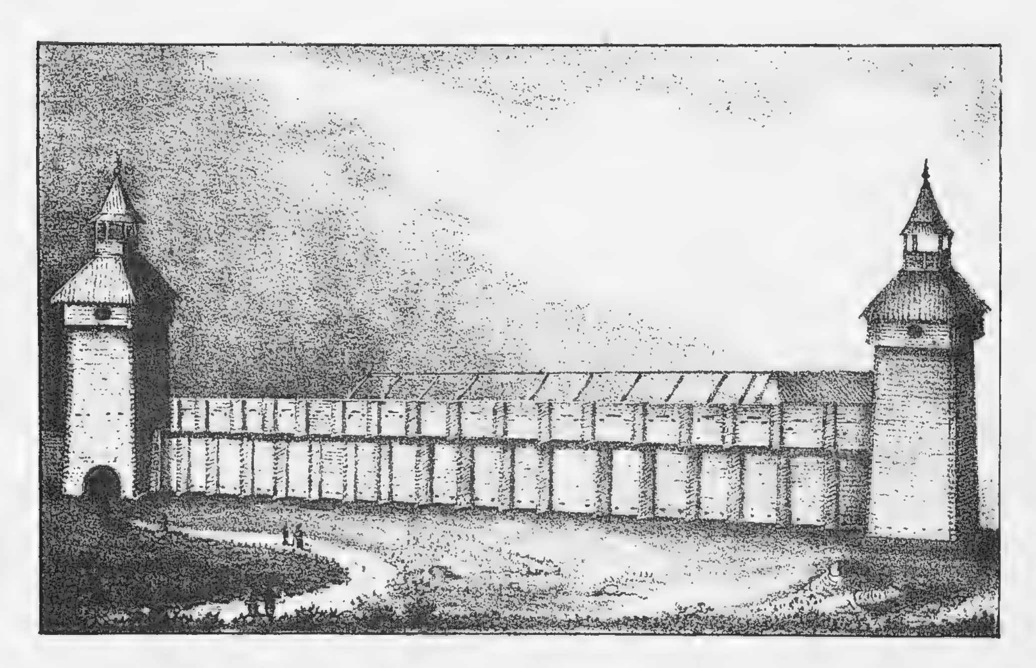

Рис. 20. Внѣшній фасадъ Якутской стѣны.
(По Щукину).

ніями и потому въ подробностяхъ значительно противорѣчитъ истинѣ. По его словамъ, Якутскій острогъ состоялъ изъ внѣшняго «четыреугольника», который имѣлъ 320 саж. въ сторонѣ и на стѣнахъ котораго возвышалось 16 башенъ; внутри этого прямоугольника было другое меньшее укрѣпленіе, «замокъ», какъ онъ его называетъ, съ 6-ю башнями, занимавшее площадь въ 640 саж. Такимъ образомъ «общее» расположеніе, имъ указываемое, не противорѣчитъ ни чертежу 19-му, ни «Вѣдомости 1701-го года», но когда обратимся къ подробностямъ,—увидимъ рядъ неточностей.

Если площадь внутренняго «замка» была 640 кв. саж., то сторона ея

должна приблизительно равняться $25^1/_2$ саж. [1]). Но длина существующей стѣны внутренняго «города» равна 64 саж., а по вѣдомости 1701 года— 60 саж. Взявши среднюю величину, т. е. 62 саж., получимъ приблизительно для него $62 \times 62 = 3.844$ квадр. саж., т. е. величину *въ шесть разъ* бо́льшую площади, указываемой Словцовымъ. Точно такъ-же спутано и число башенъ: по его словамъ выходитъ, что башенъ было всего 22, изъ коихъ 16 во внѣшней оградѣ и 6 во внутренней. Между тѣмъ на основаніи провѣреннаго плана Якутска мы знаемъ, что башенъ было *всего* 16, изъ которыхъ 8 было во внутренней оградѣ и 8 во внѣшней (черт. 19). Такимъ

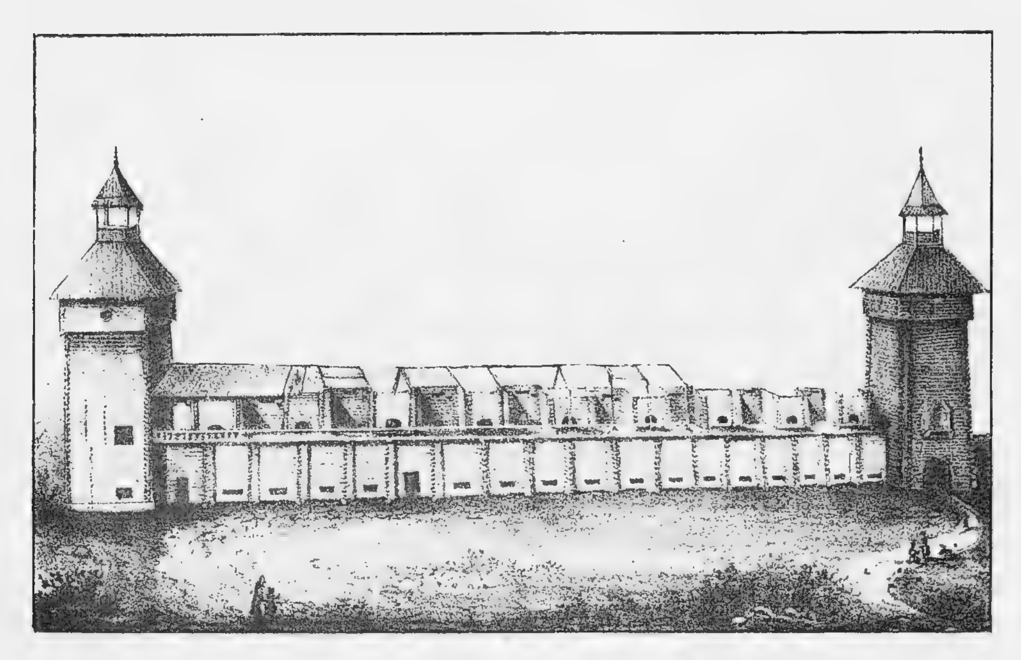

Рис. 21. Внутренній фасадъ Якутской стѣны.
(По Щукину).

образомъ 6 башенъ, о которыхъ *отдѣльно* говоритъ Словцовъ, входили въ число 16-ти, приписываемыхъ имъ только одной внѣшней оградѣ. Значитъ показанія его, какъ основанныя на невѣрныхъ данныхъ, также не слѣдуетъ принимать во вниманіе.

Остается свидѣтельство Щукина, который посвящаетъ Якутскому острогу два рисунка (рис. 20 и 21) и почти все XLI-ое письмо изъ своей «Поѣздки въ Якутскъ».

Подобно Словцову, онъ имѣетъ правильное представленіе объ общей формѣ острога, но сбивается въ подробностяхъ, что мы выяснимъ ниже.

[1]) Оставляя въ сторонѣ извлеченіе квадратнаго корня, мы заключаемъ это изъ того, что $25 \times 25 = 625$, а $26 \times 26 = 676$.

Описаніе Щукина, несмотря на всю его наивность и неумѣлость, полно такихъ любопытныхъ подробностей, что мы считаемъ нужнымъ привести его здѣсь цѣликомъ, поскольку оно относится непосредственно къ нашему вопросу.

«Якутскій городъ, говоритъ онъ, заложенъ въ 1632 году, на урочищѣ Гимадай, но спустя 40 лѣтъ перенесенъ на нынѣшнее мѣсто. Старая ли крѣпость разобрана и перенесена сюда, или построена новая, о томъ никто въ Якутскѣ не знаетъ; многія, однакожъ, задымившіяся и обожженныя бревна заставляютъ думать, что нынѣшняя крѣпость построена изъ стараго лѣса; а знаки, поставленные на каждомъ бревнѣ, какъ дѣлается при переноскѣ деревянныхъ строеній, еще болѣе убѣждаютъ къ этомъ мнѣніи [1]).

Крѣпость стоитъ на ровномъ мѣстѣ, въ верстѣ разстояніи отъ Лены. Она, какъ видно по остаткамъ, была квадратная, каждый бокъ ея имѣлъ $63^1/_2$ сажени. По угламъ были башни въ нѣсколько этажей, а въ срединѣ ворота (рис. 20). Крѣпостныя стѣны построены срубами, длина каждому $1^1/_2$ сажени, ширина 4 аршина $2^1/_2$ четверти, а вышина $2^1/_2$ сажени. Въ каждомъ срубѣ, съ внѣшней стороны, прорѣзаны два небольшія отверстія для стрѣлянія изъ ружей: слѣдовательно въ каждомъ изъ нихъ помѣщалось по два казака, которые *стрѣляли*, вѣроятно, *лежа или стоя на колѣняхъ*, судя по недальному разстоянію отверстій отъ земли. Срубы примыкаютъ одинъ къ другому и составляютъ нижнюю и главную стѣну, на которой сдѣлана другая стѣна, въ одно бревно толщиною, также съ отверстіями для стрѣлянія. Эта стѣна, вышиною въ сажень, подпирается со внутренней стороны небольшими бревенчатыми будками съ двумя амбразурами для наружныхъ выстрѣловъ (рис. 20). Будки эти простираются не во всю стѣну всплошь, но чрезъ срубъ, т. е. будка, потомъ простая стѣна, потомъ опять будка, и такъ далѣе. Длина каждой будки 5 аршинъ, вышина 1 саженъ и 2 четверти, ширина 2 аршина. Верхняя стѣнка виситъ надъ основаніемъ крѣпости на четверть аршина, для того чтобъ непріятеля, подошедшаго къ стѣнѣ, можно было обливать горячею водою, или бросать на него каменья. Наконецъ вся стѣна покрыта кровлею на два ската и со внутренней стороны имѣетъ галлерею. Высота стѣны вообще 3 саж. 2 четверти, толщина 4 аршина $2^1/_2$ четверти. Какъ ворота, такъ и башни выдаются впередъ отъ стѣны на одну сажень и для перекрестнаго огня имѣютъ амбразуры. Въ нѣкоторыхъ

[1]) Это сообщеніе весьма важно, ибо указываетъ на то, что „второй" острогъ пошелъ или вполнѣ, или отчасти на постройку „третьяго". Пр. автора.

башняхъ сдѣланы подлазы, т. е. отверстія, въ которыя осажденные выходили на вылазку; а на сторонахъ, обращенныхъ въ поле, видно по четыре отверстія для ружейной стрѣльбы. Каждый бокъ башни въ 3 сажени. Ворота шириною въ 3½ сажени; дверь въ нихъ сдѣлана изъ толстыхъ досокъ, съ калиткою, и закладывалась брусьями въ нѣсколько рядовъ. Вся крѣпость, на разстояніе ружейнаго выстрѣла, обнесена была высокимъ частоколомъ или палисадомъ съ воротами и башнями. Отъ этого укрѣпленія остались теперь только одни ворота. За палисадомъ, вѣроятно, стояли и пушки, потому что на главной стѣнѣ видны только отверстія для ружейныхъ дулъ. Достойно примѣчанія, что крѣпость построена хотя изъ лѣса очень тонкаго, но до сихъ поръ, т. е. болѣе двухъ сотъ лѣтъ, сохранилась» [1]).

Изъ этого описанія ясно, что въ общемъ представленіи объ Якутскомъ острогѣ Щукинъ еще ближе подходитъ къ истинѣ, нежели Словцовъ. Въ самомъ дѣлѣ, по его свидѣтельству «крѣпость» состояла изъ двухъ оградъ: одной внутренней, построенной «срубами», и другой внѣшней, образованной «высокимъ частоколомъ съ башнями и воротами», что совершенно вѣрно, какъ свидѣтельствуютъ намъ документальныя данныя. Но затѣмъ онъ неоднократно путается въ подробностяхъ. Такъ, напр., онъ утверждаетъ, что верхніе срубы или «будки», какъ онъ ихъ называетъ, имѣли длины 5 арш.; но вѣдь эти «будки», по его-же рисунку (рис. 21), были расположены надъ нижними срубами, т. е. имѣли поперечныя стѣны *общія*; какимъ-же тогда образомъ разстояніе между этими стѣнами могло быть внизу 1½ саж. или 4½ арш., а вверху 5?

Очевидная ошибка, обусловленная невѣрнымъ обмѣромъ и непониманіемъ азбучныхъ строительныхъ пріемовъ.

Или, напр., онъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ: «Каждый бокъ башни въ 3 сажени. Ворота въ 3½ саж. . . .». Странное, замѣтимъ отъ себя, сооруженіе, въ которомъ «ворота», т. е. «пролетъ», шире самого сооруженія! На чемъ-же оно тогда держалось? Но дѣло объясняется очень просто: на чертежахъ (черт. 10) и на модели ворота имѣютъ 4 аршина, что вполнѣ нормально.

Оставляя въ сторонѣ эти недочёты, мы должны сказать, что свидѣтельства Щукина, какъ очевидца и крайне добросовѣстнаго описателя, весьма важны для нашего вопроса: онъ сохранилъ намъ такую массу драгоцѣнныхъ подробностей, какой мы ни у кого не находимъ.

[1]) См. у него стр. 196—201.

Чтобы покончить съ письменными данными, намъ остается сравнить между собою самые документы, т. е., иными словами, провѣрить нашу точку отправленія.

Сравнивая выкопировку изъ архивнаго плана Т.-С. Комитета, № 264-й (черт. 19), съ «Вѣдомостью 1701 г.» и съ «Росписнымъ спискомъ 1759 года», мы находимъ, съ одной стороны, весьма точныя данныя, а съ другой стороны замѣчательное тожество ихъ показаній.

«Вѣдомость 1701 года» опредѣляетъ внѣшній діаметръ внутренняго укрѣпленія въ 60 саж., а внутренній—въ 57; разность между ними равна 3-мъ саженямъ. Что-же она означаетъ? Разумѣется, толщину *двухъ* стѣнъ. Но если толщина *двухъ* стѣнъ равна 3-мъ саженямъ, то толщина одной стѣны будетъ равна 1½ саж., т. е. той толщинѣ, о которой свидѣтельствуетъ Щукинъ и которая показана на модели.

Затѣмъ «Вѣдомость» эта говоритъ о церкви въ одномъ изъ угловъ ограды, алтари которой выпущены за стѣну; и дѣйствительно, мы видимъ на планѣ (черт. 19) въ юго-восточномъ углу внутренней ограды церковь (1) съ алтарями, выступающими за линію стѣны.

Наконецъ она утверждаетъ, что «у города 7 башенъ». И это вѣрно, ибо ихъ несомнѣнно было 8, но на мѣстѣ юго-восточной башни была поставлена церковь и башенъ осталось 7. Насъ не должна удивлять замѣна башни церковью. Это, повидимому, практиковалось въ сибирскихъ городахъ, причемъ, вѣроятно, службу башни несла колокольня. По крайней мѣрѣ это не единственный примѣръ, потому что мы видимъ тотъ-же пріемъ и въ другихъ городахъ, напр., въ г. Епанчинѣ (рис. 16 и черт. 17), гдѣ церковь выходитъ бокомъ за линію ограды, а колокольня является надвратной башней. Что-же касается до разницы въ числѣ башенъ, которыхъ показано *пять* на планѣ и *семь* по «Вѣдомости», то это объясняется тѣмъ, что первый моложе второй на цѣлый вѣкъ, въ теченіе котораго, какъ мы это увидимъ далѣе, недостающія двѣ башни исчезли.

Перейдемъ теперь къ внѣшней оградѣ или къ «острогу». По свидѣтельству «Вѣдомости», отъ его стѣны до стѣны внутренняго укрѣпленія было съ трехъ сторонъ по 40 саж., а съ четвертой, восточной,—60 саж. Обращаясь къ плану, мы видимъ, что восточная стѣна дѣйствительно удалена отъ средняго укрѣпленія больше чѣмъ остальныя и что разстояніе между стѣнами на планѣ съ запада, сѣвера и востока вполнѣ отвѣчаетъ разстояніямъ, указаннымъ въ «Вѣдомости», т. е. равняются 40 с. на западѣ и сѣверѣ и

60-ти саж. на востокѣ; есть только маленькая разница въ разстояніи на югѣ, гдѣ показано 46 саж. вмѣсто 40 саж. Что-же касается до числа башенъ — 8, то оно одинаково въ обоихъ документахъ, а слѣдовательно они оба вѣрны и лишь подтверждаютъ другъ друга.

Если мы обратимся къ «Росписному списку» 1759 года, то найдемъ въ немъ еще больше сходства съ планомъ, такъ какъ между ними по времени всего около полувѣка разницы.

Изъ «списка» видно, что къ 1759-му году оставалось всего только 5 башенъ; тѣ же 5 башенъ мы видимъ и на планѣ [1]). «Списокъ» говоритъ о двухъ «каменныхъ» стѣнахъ между церковью и канцеляріею; эти двѣ стѣны показаны и на планѣ съ западной и сѣверной стороны церкви (черт. 19,—1).

Наконецъ, общая длина стѣны также согласуется приблизительно въ обоихъ документахъ. На планѣ общая длина деревянной стѣны, кромѣ каменныхъ, выходитъ около 240 саж., а въ «спискѣ» длина той-же деревянной стѣны («городу») опредѣлена въ 211 саж., безъ башенъ; но длина этихъ послѣднихъ по фасаду опредѣляется слѣдующимъ образомъ:

3-хъ угловыхъ [2]) = (3с. + 3с.) × 3 = 18 саж. [3])
и 2-хъ среднихъ = 4с. + 4с. = 8 саж.
Всего 26 саж.

Откуда общая длина всего города будетъ:

211с. + 26с. = 237 с.,

что разнится отъ 240с. всего на 3 саж., которыя легко могли быть промѣрены.

Такимъ образомъ вѣрность всѣхъ этихъ документовъ взаимно подтверждается и принятое нами основаніе должно считать правильнымъ.

Обратимся теперь къ рисункамъ и попытаемся разобраться въ нихъ на основаніи приведенныхъ данныхъ.

На нашемъ достовѣрномъ планѣ № 264-й (черт. 18) мы видимъ на

[1]) Въ описаніи къ плану мы читаемъ: „Замкъ (замокъ?) внутри крѣпости о 6-ти башняхъ". Это разнорѣчіе съ чертежемъ можетъ быть объяснено только желаніемъ объяснить въ описаніи его прежній видъ, причемъ мѣсто башни могло пойти въ счетъ за самоё „башню".

[2]) Трехъ, а не четырехъ, ибо одна угловая замѣнена церковью.

[3]) Считаемъ длину фасадовъ угловыхъ башенъ въ 3 с. + 3 с. = 6 с., потому что, стоя на углу, онѣ *каждой* своей стороной увеличиваютъ общую длину стѣны на 3 саж.

восточномъ краю города Спасскій монастырь, а на западномъ—остатки стараго острога; между нимъ и монастыремъ, по прямой линіи, около $1^1/_2$ версты или 750 саж.

Но мы знаемъ, что этотъ послѣдній или третій острогъ былъ поставленъ на 580 саж. *выше* по теченію Лены противъ второго или прежняго. Слѣдовательно второй острогъ находится между третьимъ острогомъ и монастыремъ, на 580 саж. ближе къ этому послѣднему и въ 170 саж. [1]) отъ него. Отсюда ясно, что зрителю конца XVII — начала XVIII вѣка, смотрѣвшему на городъ изъ-за рѣки, представлялась такая картина: на правомъ концѣ города—монастырь; лѣвѣе его, въ 170-ти саж., могли быть остатки стараго или второго острога; а еще лѣвѣе, въ 580 с. отъ этого послѣдняго, третій или послѣдній острогъ, который тогда былъ еще новый. Между ними были разбросаны въ самомъ живописномъ безпорядкѣ сбѣгающіе въ рѣкѣ [2]) обывательскіе дома.

Если мы обратимся теперь къ чертежу Ремезова и оріентируемъ его какъ слѣдуетъ, т. е. расположимъ низомъ направо, а верхомъ налѣво, то увидимъ совершенно ту же картину (черт. 15): справа будетъ монастырь, обнесенный частоколомъ, съ колокольней съ южной стороны; лѣвѣе будетъ стѣна съ тремя башнями или остатки *второго* острога; и наконецъ въ лѣвомъ концѣ—новый острогъ. Эти остатки совершенно подобны тѣмъ, которые мы имѣемъ теперь отъ *третьяго* острога въ видѣ прямой стѣны съ тремя башнями, идущей съ юга на сѣверъ.

Тѣмъ, что это «*остатки*» второго острога, объясняется та кажущаяся нелѣпость, на которую мы уже указывали и которая заключается въ томъ, что это укрѣпленіе не имѣетъ *замкнутаго характера*. А что это дѣйствительно было мѣсто стараго острога, лучше всего доказывается слѣдующими данными, находимыми на самомъ чертежѣ: у Ремезова за этой стѣной на совершенно *свободной* площади начерчены домики и написано—«*гостинъ двор вострогѣ*», т. е. «гостиный дворъ въ острогѣ» (ib.), а между тѣмъ «острога» вокругъ никакого нѣтъ, ибо по бокамъ открытая площадь. Какъ же тогда объяснить эту надпись? Объясняется она очень просто: когда стѣны второго острога были большею частью разобраны, гостиный дворъ очутился «внѣ» крѣпости, но, по старой памяти, назывался «въ острогѣ», что и за-

[1]) Ибо 750 с.—580 с.=170 саж.

[2]) Мы предполагаемъ это по плану № 264 (черт. 18): не былъ-же Якутскъ выстроенъ болѣе правильно въ XVII в., чѣмъ въ XIX-мъ.

писалъ Ремезовъ, составлявшій свой чертежъ не только по письменнымъ документамъ, но и по «опросамъ».

Наконецъ, налѣво мы видимъ замкнутую ограду съ *восемью* башнями и частоколомъ, которая и представляетъ собою *третій* острогъ. Такимъ образомъ вѣрность изображенія Ремезова можетъ считаться доказанной.

Обращаясь теперь къ академической гравюрѣ, мы видимъ то же самое: справа—монастырь (табл. III, рис. 2), а слѣва—башни крѣпости (рис. 1, ib.).

Подъ вопросомъ остается только одно: за что считать линію трехъ башенъ, которую мы видимъ между мачтами среднихъ и правыхъ барокъ? За остатки второго острога, показанные у Ремезова, или за три башни внѣшней восточной стѣны третьяго острога?

Послѣднее предположеніе надо считать болѣе вѣроятнымъ на основаніи слѣдующихъ соображеній.

1) Второй острогъ былъ въ 170 саженяхъ отъ монастыря и въ 580 отъ третьяго острога; между тѣмъ эти башни помѣщены какъ разъ наоборотъ, т. е. очень далеко отъ монастыря и очень близко къ третьему острогу.

2) Чертежъ Ремезова относится къ 1700—1701 гг., а академическая гравюра—ко *второй* половинѣ XVIII в. Если при первомъ остатки *второго* острога еще существовали, то во времена автора второй ихъ уже, конечно, не было.

3) До начала XIX вѣка уцѣлѣло тринадцать или четырнадцать башенъ [1]), которыя, очевидно, существовали и въ XVIII-мъ вѣкѣ, а слѣдовательно должны быть изображены на академической гравюрѣ. Но мы видимъ на ней всего одиннадцать башенъ. Это объясняется тѣмъ, что недостающія двѣ или три закрыты вслѣдствіе перспективы двумя высокими церквами и колокольней; если-же предположить, что правыя три башни третьему острогу не принадлежатъ, тогда недочётъ цѣлыхъ шести башенъ остается необъяснимымъ.

Всѣ эти данныя вполнѣ подтверждаютъ вѣрность чертежа Ремезова и вида академической гравюры, но вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно опровергаютъ достовѣрность рисунка Витзена (табл. II, рис. 2).

Въ 1-хъ, у него показана масса каменныхъ зданій, между тѣмъ какъ Якутскъ и въ началѣ XIX столѣтія ихъ не имѣлъ; по крайней мѣрѣ въ описи къ плану Т.-С. К-та отмѣчено лишь три каменныхъ церкви и каменное уѣздное казначейство (черт. 18). Кромѣ того, Гончаровъ, бывшій въ Якутскѣ въ началѣ

[1]) См. опись къ плану № 264 (черт. 18 и 19) и примѣчаніе 2 на стр. 51.

50-хъ годовъ, свидѣтельствуетъ, какъ мы уже видѣли выше, что въ это время тамъ былъ *всего одинъ* каменный домъ.

Во 2-хъ, тотъ-же планъ убѣждаетъ насъ въ существованіи двухъ оградъ, одной въ другой, а у Витзена представлены двѣ соединенныхъ ограды: правая прямоугольная, а лѣвая круглая.

Въ 3-хъ, Витзенъ изображаетъ крѣпость на берегу рѣки, а она отъ нея въ верстѣ.

Въ 4-хъ, у него монастырь (Het Clooster, 2) показанъ налѣво, а крѣпость (Het Casteel) [1]) направо, т. е. какъ разъ наоборотъ дѣйствительности.

Въ 5-хъ, мы знаемъ, что наибольшее число башенъ было 16, а у Витзена нарисована 21-я.

И, наконецъ, въ 6-хъ, у него даже невѣрно понято назначеніе зданій: такъ, напр., на его рисункѣ изображенъ гостиный дворъ (12), а въ объясненіи сказано—«гостинница съ лавками» («Gasthof vol Winkels»).

Все это показываетъ, что видъ Якутска у Витзена нарисованъ изъ головы на основаніи какого-то дурно понятаго описанія и никакой достовѣрности не имѣетъ, а потому никакимъ объяснительнымъ или дополнительнымъ матеріаломъ служить не можетъ.

Обратимся теперь къ позднѣйшимъ изображеніямъ XIX вѣка и разсмотримъ ихъ въ хронологическомъ порядкѣ. Всѣ они относятся, само собою разумѣется, къ остаткамъ третьяго острога.

Старѣйшими изъ нихъ являются рисунки Щукина, которые хотя и помѣщены во второмъ изданіи его писемъ 1844 года, но были сдѣланы очевидно въ 1833-мъ году. Рисунки эти, исполненные на глазъ, конечно отличаются нѣкоторою неточностью пропорцій, но за то весьма важны въ томъ отношеніи, что сохранили намъ, во 1-хъ, видъ крыши на стѣнѣ, а во 2-хъ—устройство верхнихъ срубовъ съ ея внутренней стороны (рис. 21). Такимъ образомъ рисунки Щукина вносятъ свою долю въ дѣло изученія прежняго вида Якутскаго острога.

Вторыми по времени являются чертежи, помѣщенные у Кипріанова [2]). Какъ ни мало имѣетъ научнаго значенія его чисто дилетантская книжка, впрочемъ по своему времени весьма удовлетворительная, но чертежи эти (табл. X) являются несомнѣнно серьезнымъ матеріаломъ.

---

[1]) Надпись не внизу, а на самомъ рисункѣ.

[2]) См. Valérien Kiprianoff, „Histoire pittoresque de l'architecture en Russie", St.-Pétersbourg 1864, pl. 39.

Не надо забывать, что Киприановъ былъ инженеръ путей сообщенія, а Главное Управленіе Путей Сообщенія и Публичныхъ Зданій вѣдало тогда всей строительною частью въ государствѣ, и слѣдовательно въ рукахъ его могъ быть какой-либо точный оффиціальный чертежъ; поэтому изображеніе Якутскаго острога и отличается у него такимъ серьезнымъ характеромъ по сравненію съ другими, довольно слабыми рисунками частныхъ зданій. Его чертежи важны для насъ въ томъ отношеніи, что представляютъ собою полностью устройство верхняго хода или галереи съ внутренней стороны стѣны, чего мы въ другихъ изображеніяхъ не видимъ, не исключая рисунковъ Щукина.

Затѣмъ слѣдуетъ чертежъ, представленный въ 1877 г. въ Министерство В. Д. (табл. XI, черт. 1); по условіямъ нашего изданія мы даемъ его, какъ мы уже говорили, въ четвертую долю подлинника, но за то чертежи башенъ прилагаемъ въ томъ же масштабѣ (черт. 8, 9, 10 и 11). Чертежъ этотъ, несмотря на свое оффиціальное происхожденіе, отличается значительными неточностями; такъ, напр., вся длина стѣны показана на немъ всего въ 52 сажени, а самая стѣна изображена какъ-бы обшитой досками, а не бревенчатой. Прочія неточности мы оставляемъ въ сторонѣ.

Десять лѣтъ спустя, въ 1887-мъ году представляется отвѣтъ г. Попова [1]) съ приложеніемъ фотографическихъ снимковъ (табл. V—IX), которые являются, конечно, самыми документальными данными.

Предпослѣдними изображеніями Якутскаго острога являются рисунки, помѣщенные у Сѣрошевскаго [2]). Изъ нихъ одинъ представляетъ собою южную башню совершенно въ томъ видѣ, какъ она изображена на нашемъ снимкѣ (табл. VIII); а въ другой—общій видъ крѣпости, тоже совершенно подобный нашему (табл. V, рис. 2), хотя и взятый съ нѣсколько иной точки. Снимки эти ничего новаго не даютъ, но показываютъ впрочемъ, что состояніе острога въ 1896-мъ году было почти совершенно такое-же, какъ въ 1887-мъ году.

Послѣ этого, около трехъ лѣтъ тому назадъ, лѣтомъ 1904-го года поступила въ Императорскую Археологическую Коммисію превосходно исполненная модель, которая представляетъ, слѣдовательно, Якутскій острогъ въ его нынѣшнемъ состояніи.

Наконецъ, почти одновременно съ этимъ выходитъ въ свѣтъ книга г. П. Головачева «Сибирь» [3]), гдѣ на стр. 380 и 381 мы видимъ новые

[1]) См. Архивное дѣло Хозяйственнаго Д-та М. В. Д., № 607 и № 105, представл. Якутскаго Областнаго Статистическаго Комитета отъ 22 декабря 1887 года за № 162-мъ.

[2]) „Якуты", томъ I, Спб. 1896 г., стр. 359 и 493.

[3]) П. Головачевъ. „Сибирь". Природа, люди, жизнь. Москва. 1905.

снимки Якутскаго острога. Но въ «археологическомъ» отношеніи они не даютъ ничего новаго [1]), а лишь представляютъ собою послѣднія данныя относительно современнаго положенія его остатковъ, впрочемъ вполнѣ согласныя съ данными модели, о чемъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

Таковы матеріалы, которые находятся въ нашемъ распоряженіи для изученія Якутскаго острога въ строительномъ и крѣпостномъ смыслѣ.

Попытаемся-же теперь выяснить всѣ его особенности въ обоихъ этихъ отношеніяхъ.

III.

Мы уже говорили, что по свидѣтельству письменныхъ памятниковъ исторія русскихъ деревянныхъ укрѣпленій начинается со временъ Игоря и Ольги, а на самомъ дѣлѣ начало ихъ относится ко временамъ гораздо болѣе отдаленнымъ.

Дѣйствительно, первое свидѣтельство нашихъ лѣтописей о «деревянномъ городѣ» на Руси мы встрѣчаемъ въ извѣстномъ повѣствованіи о мести Ольги древлянамъ. Вотъ подлинныя слова лѣтописи:

«Ольга же устремися со сыномъ своимъ на Искоростѣнь градъ, яко тѣ бяху убили мужа ея, и ста около града съ сыномъ своимъ, а Деревляне затворишась въ градѣ, и боряхусь крѣпко изъ града: вѣдаху бо яко сами убили Князя, и на что ся предати. И *стоя* Ольга *лѣто*, и не можаше взяти градъ, и умысли сице: посла ко граду, глаголюще: «Что хощете досѣдѣти, а вси гради ваши предашась мнѣ, и ялися по дань, и дѣлаютъ нивы своя и земли своя, а вы хощете измрети гладомъ, не имучись по дань».

[1]) То-же слѣдуетъ сказать и о рисункахъ, помѣщенныхъ въ прекрасной статьѣ г. Миллера — „Забытый край“ (Иллюстр. прил. къ *Нов. Вр.* №№ 10066—10080. 1904 г.), потому что они представляютъ собою лишь уменьшенное повтореніе снимковъ г. Попова.

Деревлянежъ рекоша: «Ради быхомъ ялись по дань; но хощеши мщати мужа своего». Рече же имъ Ольга: «Яко уже азъ мстила мужа своего, егда пріидоша къ Кіеву, и второе, и третье, когда сотворихомъ тризну мужу своему, а уже не хощу мстити, но хочу дань имати по малу, и смирившесь съ вами пойду прочь». Рекоша Деревляне: «Что хощеши у насъ? ради даемъ и медомъ и скорою». Она же рече имъ: «Нынѣ у васъ нѣсь меду ни скоры, но мала у васъ прошу; дадите ми отъ двора по три голуби, да по три воробьи; азъ бо не хощу тяжки дани возложити, якожъ мужъ мой, но сего у васъ прошу мала». Деревляне же ради бывше, собраша отъ двора по три голуби и по три воробьи, и послаша ко Ользѣ съ поклономъ. Ольга же рече имъ: «Се уже ся есте покорили мнѣ и моему дитяти, да идете въ градъ, а я заутра отступлю отъ града, и пойду во свой градъ». Деревляне же ради бывше, внидоша въ градъ, и повѣдаша людемъ и обрадовашась людіе въ градѣ. Ольга же раздая всемъ по голубю комуждо, а другимъ по воробью, и повелѣ къ коемуждо голубю и къ воробьеви привязывати цѣрь [1]) и обертываючи въ платки малы, ниткою перевязывати, и яко смерчесь, повелѣ Ольга пустити голуби и воробьи воемъ своимъ. И воробьевежъ и голуби влетѣша во гнѣзда своя; голуби въ голубятницы, воробьевежъ подъ застрѣхи, и тако возгорахуся голубятницы, ово клѣти, ово вежи, ово ли одрины, и не бѣ двора, иже не горяше, и не льзѣ гасити; вси бо дворы возгорѣшася, и побѣгоша людіе изъ града. И повелѣ Ольга воемъ своимъ имати я, якоже взя градъ и пожже, и старѣйшины же града изыма и прочая люди, овѣхъ изби, а другія предастъ работѣ мужемъ своимъ, а прокъ ихъ остави платити дань, и возложи дань тяжку, двѣ части дани идетъ къ Кіеву, а третья ко Вышеграду ко Ользѣ; бѣ бо Вышегородъ градъ Олженъ [2]).

Конечно, въ этомъ преданіи много баснословнаго, какъ на него и смотритъ, напр., Карамзинъ, но никто не мѣшаетъ намъ отдѣлить историческую основу отъ народнаго вымысла и воспользоваться этими данными.

---

[1]) Въ „Библіотекѣ Росс.“ (1767 г.), откуда мы приводимъ это мѣсто лѣтописи, слово „цѣрь“ пояснено словомъ „фитиль“. Карамзинъ замѣняетъ его выраженіемъ „трутъ съ сѣрою“, а С. Соловьевъ—словами „сѣра съ огнемъ“ (?); но для „фитиля“ нужно масло или сало, „трутъ съ сѣрою“ сами собою не загорятся, а „огонь“ привязать нельзя. Поэтому ни одно изъ этихъ объясненій не можетъ быть принято, и естественнѣе всего предположить, что Ольга приказала привязать къ птицамъ куски трута, подожженые и тлѣющіе со свободнаго конца.

[2]) «Лѣтопись Несторова съ продолжателями по Кенигсбергскому списку до 1206 году». Спб. 1767, стр. 50 — 51. («Библіотека Россійская историческая. . .». Часть I).

Самымъ невѣроятнымъ представляется, разумѣется, зажженіе города съ помощью воробьевъ и голубей, которое могло быть создано народной фантазіей для вящшаго прославленія «хитрости» княгини Ольги.

Но съ другой стороны въ параллель ему мы можемъ привести «историческій» фактъ сравнительно недавняго времени, сомнѣваться въ которомъ нѣтъ ни малѣйшаго основанія: мы знаемъ, что въ XVII-мъ вѣкѣ сибирскіе инородцы пытались иногда зажигать русскіе остроги, пуская въ нихъ стрѣлы съ зажженнымъ трутомъ.

Замѣнимъ птицъ стрѣлами и получимъ первобытный боевой пріемъ X-го вѣка, повторяемый при одинаковыхъ условіяхъ въ XVII-мъ!.

Оставляя затѣмъ въ сторонѣ выдумку о хитрости Ольги, мы не имѣемъ никакихъ причинъ отвергать самую осаду Коростеня, а это фактъ для насъ весьма важный, ибо Ольга стояла подъ нимъ безплодно цѣлое лѣто и въ добавокъ едва-ли не съ лучшимъ войскомъ того времени, т. е. съ отборною дружиною, вскормленною походами Олега и Игоря и привыкшею громить самый Царьградъ. Слово «*затворишась*» показываетъ, что Искоростень былъ обнесенъ стѣною, а упоминаніе о вежахъ даетъ указанія на то, что въ немъ были «башни». И эти укрѣпленія, т. е. стѣны и башни, были очень *сильны*, если цѣлая дружина лучшихъ воиновъ своего времени стояла подъ городомъ цѣлое лѣто и ничего не могла съ нимъ подѣлать!

Изъ какого-же матеріала были эти стѣны и башни?

Отвѣтъ мы находимъ въ томъ-же преданіи: самая басня о сожженіи могла возникнуть только при томъ условіи, что городъ и его стѣны были сплошь деревянные, ибо только тогда онъ могъ быть сразу объятъ пламенемъ: «вси-бо дворы возгорѣшася», говоритъ лѣтописецъ, у котораго въ это время очевидно рисовалось представленіе о городѣ «деревянномъ».

Въ этомъ смыслѣ мы, несомнѣнно, должны признать только что приведенное мѣсто лѣтописи за *первое* извѣстіе о нашихъ «деревянныхъ» крѣпостяхъ.

Но если во времена Ольги были уже столь «сильныя» крѣпости, то онѣ дошли до этой степени совершенства только постепенно, путемъ послѣдовательныхъ улучшеній, а значитъ появились гораздо ранѣе X-го вѣка. Точныхъ указаній на время ихъ перваго появленія нѣтъ, но къ нему можно подойти съ помощью ряда историческихъ соображеній, которыя приведутъ насъ къ тому выводу, что *они были порождены торговлей*, развившейся въ VIII—IX вѣкахъ.

Крайне остроумныя соображенія дѣлаетъ по этому поводу В. О. Ключевскій; они убѣждаютъ насъ въ томъ, что среди разбросанныхъ дворовъ славянъ возникли сборные пункты, которые стали сперва мѣстами промышленнаго обмѣна, а потомъ превратились въ города. Когда-же нахлынувшіе съ востока кочевники стали угрожать ихъ торговлѣ, они стали вооружаться, ограждать себя стѣнами и заводить боевыя дружины [1]).

[1]) «Большая перемѣна произошла, говоритъ г. Ключевскій, въ экономическомъ быту восточныхъ Славянъ, разселившихся по Днѣпру, его притокамъ и далѣе къ сѣверу, въ области озера Ильменя. Своимъ низовымъ теченіемъ и лѣвыми притоками Днѣпръ потянулъ славянскихъ поселенцевъ къ черноморскимъ и каспійскимъ рынкамъ. Это торговое движеніе вызвало разработку естественныхъ богатствъ занятой поселенцами страны. Если мы представимъ себѣ нашу равнину въ томъ видѣ, какой она имѣла десять или одиннадцать вѣковъ тому назадъ, то легко можемъ раздѣлить ее на двѣ полосы, на сѣверо-западную лѣсную и юго-восточную степную. Восточные Славяне заняли преимущественно первую; самый городъ Кіевъ возникъ на рубежѣ между обѣими полосами. Эта лѣсная полоса своимъ пушнымъ богатствомъ и лѣснымъ пчеловодствомъ (бортничествомъ) и доставляла Славянамъ обильный матеріалъ для внѣшней торговли: мѣха, медъ, воскъ стали главными статьями русскаго вывоза.

Одно внѣшнее обстоятельство особенно содѣйствовало успѣхамъ этой торговли. Съ конца VII в. по южно-русскимъ степямъ стала распространяться новая азіатская орда Хозары; они скоро стали покидать кочевой бытъ и обращаться къ мирнымъ промысламъ. Раскинувшись на привольныхъ степяхъ по берегамъ Волги и Дона, Хозары основали средоточіе своего государства въ низовьяхъ Волги. Здѣсь столица ихъ Итиль скоро стала огромнымъ разноязычнымъ торжищемъ, гдѣ рядомъ жили магометане, евреи, христіане и язычники. Хозары покорили племена восточныхъ Славянъ, жившія близко къ степямъ, Полянъ, Сѣверянъ, Вятичей. Но хозарское иго доставляло покореннымъ большія экономическія выгоды. Съ тѣхъ поръ для нихъ, какъ данниковъ Хозаръ, были открыты степныя рѣчныя дороги, которыя вели къ черноморскимъ и каспійскимъ рынкамъ. Подъ покровительствомъ Хозаръ по этимъ рѣкамъ пошла бойкая торговля изъ Поднѣпровья. Мы встрѣчаемъ рядъ указаній на успѣхи этой торговли...... Есть и прямое указаніе на время, когда завязалась эта торговля. Въ области Днѣпра найдено множество кладовъ съ древними арабскими монетами, серебряными диргемами. Большая часть ихъ относится къ IX и X вѣку, ко времени наибольшаго развитія восточной торговли Руси. Но есть клады, въ которыхъ самыя позднія монеты не позже начала IX вѣка, а раннія восходятъ къ началу VIII вѣка; изрѣдка попадаются монеты VII вѣка и то лишь самыхъ послѣднихъ его лѣтъ. Эта нумизматическая лѣтопись наглядно показываетъ, что именно въ VIII вѣкѣ завязалась торговля Славянъ днѣпровскихъ съ хозарскимъ и арабскимъ востокомъ. Но этотъ вѣкъ былъ временемъ утвержденія Хозаръ въ южно-русскихъ степяхъ; ясно, что Хозары и были торговыми посредниками между этимъ востокомъ и русскими Славянами.

Слѣдствіемъ успѣховъ восточной торговли Славянъ было возникновеніе древнѣйшихъ торговыхъ городовъ на Руси. Повѣсть о началѣ Русской земли не помнитъ, когда возникли эти города: Кіевъ, Черниговъ, Смоленскъ, Любечъ, Новгородъ и др. Въ ту минуту, съ которой она начинаетъ свой разсказъ о Руси, эти города являются уже значительными поселеніями. Но довольно бѣглаго взляда на географическое размѣщеніе этихъ городовъ, чтобы видѣть что они были созданы успѣхами внѣшней торговли Руси: большинство ихъ вытя-

Всѣ эти соображенія, несомнѣнно, доказываютъ, что у насъ издревле существовало сильно развитое деревянное зодчество, которому мы обязаны главнымъ образомъ сооруженіемъ городовъ нашихъ.

То же самое подтверждается и нѣсколько болѣе поздними свидѣтельствами лѣтописи: «Владиміръ», говоритъ лѣтопись, по возвращеніи изъ Корсуня «повелѣ рубити церкви и поставляти ихъ по мѣстомъ идѣже стояша кумиры». А затѣмъ, вскорѣ послѣ этого, найдя, что край около Кіева мало заселенъ, тотъ же Владиміръ «нача ставити городы по Деснѣ и по Встру и по Трубежеви и по Сулѣ и по Стугнѣ». Нѣтъ сомнѣнія, что эта обширная строительная дѣятельность не могла производиться привозными греческими мастерами, вызовъ которыхъ каждый разъ отмѣчаетъ лѣтописецъ, и если Владиміръ могъ повелѣть «ставить и церкви и грады», то только потому, что было кому повелѣть, т. е., иными словами, что въ его распоряженіи было множество людей знакомыхъ со строительнымъ дѣломъ. Кіевъ славился своею красотою не только въ Россіи, гдѣ онъ слылъ «матерью городовъ русскихъ», но и на Западѣ. Такъ, напр., Дитмаръ, епископъ Мерзебургскій, жившій въ концѣ X в. и началѣ XI в., говоритъ о немъ, что въ немъ 400 церквей, 8 торжищъ, а народу несмѣтная сила; а Адамъ Бременскій, во второй половинѣ XI в., называетъ его «соревнователемъ царьградскаго скипетра и славнѣйшимъ украшеніемъ Россіи».

нулось длинною цѣпью по главной рѣчной дорогѣ Днѣпра—Волхова. Возникновеніе этихъ большихъ торговыхъ городовъ было завершеніемъ сложнаго экономическаго процесса, завязавшагося среди Славянъ на новыхъ мѣстахъ жительства. Восточные Славяне разселялись по Днѣпру и его притокамъ разбросанными одинокими дворами. Съ развитіемъ торговли возникали среди этихъ дворовъ сборные пункты, мѣста промышленнаго обмѣна, куда сходились звѣроловы и бортники для торговли. Мелкіе сельскіе рынки тянули къ болѣе крупнымъ, возникавшимъ на особенно бойкихъ торговыхъ пунктахъ. Изъ этихъ крупныхъ рынковъ, служившихъ посредниками между туземными промышленниками и иностранными рынками, и выросли наши древнѣйшіе города по Днѣпру и его притокамъ. Города эти служили торговыми центрами и главными складочными пунктами для образовавшихся вокругъ нихъ промышленныхъ округовъ.

Съ начала IX вѣка хозарское владычество начало замѣтно колебаться. Причиной этого было то, что съ востока въ тылу у Хозаръ появились новыя орды Печенѣговъ. Въ первой половинѣ IX в. варвары прорвались сквозь хозарскія поселенія и распространились по южно-русскимъ степямъ. Есть указанія, что Печенѣги уже около половины IX вѣка успѣли придвинуться близко къ Кіеву, отрѣзывая среднее Поднѣпровье отъ черноморскихъ и каспійскихъ рынковъ. Хозарская власть, очевидно, уже не была въ состояніи оберегать русскихъ купцовъ на востокѣ. Главные торговые города Руси должны были сами взять на себя защиту торговли и торговыхъ путей. Съ этой минуты они начали вооружаться, *опоясываться стѣнами, вводить у себя военное устройство и запасаться ратными людьми*". („Кр. пос. по Русск. ист.", стр. 17—19. Москва. 1900).

Несомнѣнно, что этотъ блескъ города былъ созданъ русскими, а не византійскими руками, и что занесенное къ намъ византійское зодчество было для насъ новостью только потому, что оно было каменное, что подтверждается и лѣтописью; такъ, напр., повѣствуя подъ 1089-мъ годомъ о строительной дѣятельности епископа Ефрема въ Переяславлѣ и о томъ, что онъ «заложи городъ [1]) каменный и строеніе банное каменно», лѣтописецъ замѣчаетъ: «сего же не бысть прежде въ Руси». Слѣдовательно, это чужеземное строительное новшество застало уже у насъ сильно развитое гражданское зодчество и, по своей относительной слабости, весьма долго существовало съ нимъ рядомъ, не мѣшая ему развиваться и совершенствоваться вполнѣ самостоятельно. Все это, взятое вмѣстѣ, разумѣется, убѣждаетъ насъ въ правотѣ нашего второго предположенія и заставляетъ относить начало нашихъ деревянныхъ крѣпостей—«городовъ», по крайней мѣрѣ, къ IX-му вѣку.

Но если за «начало» ихъ слѣдуетъ принимать наши древніе города половины IX вѣка, то «концомъ» ихъ, несомнѣнно, является Якутскій острогъ исхода XVII вѣка, ибо вслѣдъ затѣмъ наступаетъ Петровская реформа, а вмѣстѣ съ нею приносятся къ намъ новые пріемы европейской фортификаціи, и наши средневѣковые «остроги» и «города» отходятъ въ область преданій.

И такъ, цѣлыхъ девять вѣковъ (IX—XVII) «деревянныя» стѣны оберегали русскія силы и закрѣпляли русскую власть въ покоряемыхъ странахъ. Любопытно было-бы выяснить, на много-ли они подвинулись впередъ, въ смыслѣ усовершенствованія обороны, за этотъ громадный промежутокъ времени и много ли должно быть разницы между стѣнами Коростеня и Якутска?

И. Е. Забѣлинъ путемъ сопоставленія лѣтописныхъ свидѣтельствъ съ данными, представляемыми нашимъ «деревяннымъ» зодчествомъ, пришелъ къ одному весьма важному выводу. «Остается одно очень вѣрное предположеніе, говоритъ онъ, что какъ бытовыя, такъ и художественныя, и по преимуществу, *строительныя формы*, при неизмѣняемости общихъ началъ жизни, точно также *существуютъ* неизмѣнно *цѣлые вѣка* и подвергаются лишь тѣмъ перемѣнамъ, которыя сами собою нарождаются изъ постепеннаго, послѣдовательнаго развитія самой жизни, т. е., *видоизмѣняются* въ частностяхъ, но никакъ *не въ основныхъ чертахъ*. Тѣмъ болѣе это соображеніе становится достовѣрнымъ въ отношеніи къ зодчеству, памятники котораго, сооружаемые даже изъ дерева, стоятъ не только по сту, но даже и по двѣсти лѣтъ и всегда

[1]) Т. е. „городскія стѣны“.

служатъ цѣлому ряду поколѣній завѣтными образцами для новыхъ сооруженій» [1]).

Повидимому, тотъ-же выводъ мы должны сдѣлать и относительно крѣпостныхъ оградъ. Оборонительныя особенности Якутскаго острога до того просты, первобытны и естественны и до того подсказаны условіями самой обороны, что врядъ-ли онѣ сильно разнятся отъ тѣхъ-же особенностей городскихъ оградъ X-го вѣка, тѣмъ болѣе, что и вооруженіе нападающихъ было почти то же: мечи или сабли, копья, стрѣлы и топоры, такъ какъ огнестрѣльнаго оружія у инородцевъ не было.

Къ тому-же выводу мы придемъ, если прослѣдимъ сооруженіе деревянныхъ стѣнъ по «лѣтописнымъ» даннымъ. Вотъ что говоритъ по этому поводу Ѳ. Ласковскій:

«Начало употребленія деревянныхъ оградъ въ видѣ вѣнчатыхъ стѣнъ надобно отнести къ половинѣ IX столѣтія; обширные лѣса, покрывавшіе большую часть древней Россіи, составляли неистощимый матеріалъ для ихъ построенія; причемъ дубовый лѣсъ предпочитали всякому другому. Старинныя сказанія не оставили намъ положительныхъ свѣдѣній о частномъ расположеніи древнѣйшихъ деревянныхъ оградъ; извѣстно только, что стѣны рубили тарасами.

Основываясь на томъ, что деревянныя жилища Славянъ въ IX столѣтіи состояли изъ вѣнчатыхъ срубовъ, можно съ достовѣрностію заключать, что и деревянныя ограды сначала устраивались также изъ срубовъ или по тогдашнему, городней, одинъ возлѣ другого поставленныхъ. Въ позднѣйшее время мы встрѣчаемъ въ лѣтописяхъ, хотя и весьма рѣдко, указанія на деревянныя ограды, составленныя изъ «городней».

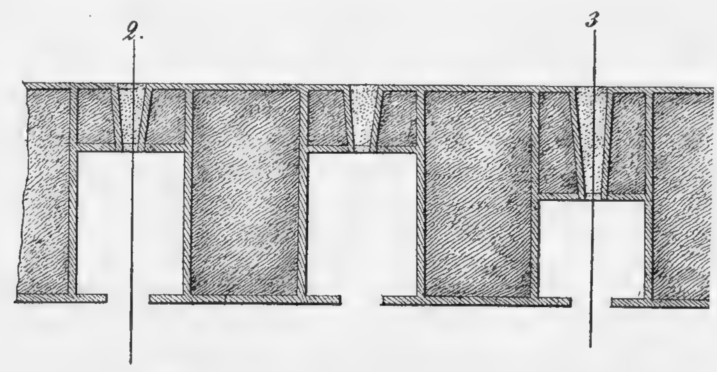
Длина срубовъ опредѣлялась величиною имѣвшагося подъ рукою лѣса; а глубина ихъ—тою толщиною стѣны, какая была необходима для помѣщенія и свободнаго дѣйствія войскъ. Срубы, составлявшіе бока ограды, имѣли видъ продолговатаго прямоугольника. Стѣны подобнаго устройства имѣли тотъ важный недостатокъ, что мѣста соединенія срубовъ подвергались наибольшему гніенію отъ дождя и снѣга, а потому представляли слабыя части ограды; при томъ каждый срубъ, составляя отдѣльную часть, получалъ съ теченіемъ времени не одинаковую осадку, что вредило прочности всей ограды и затрудняло самыя дѣйствія обороны. Нѣтъ сомнѣнія, что эти недостатки,

---

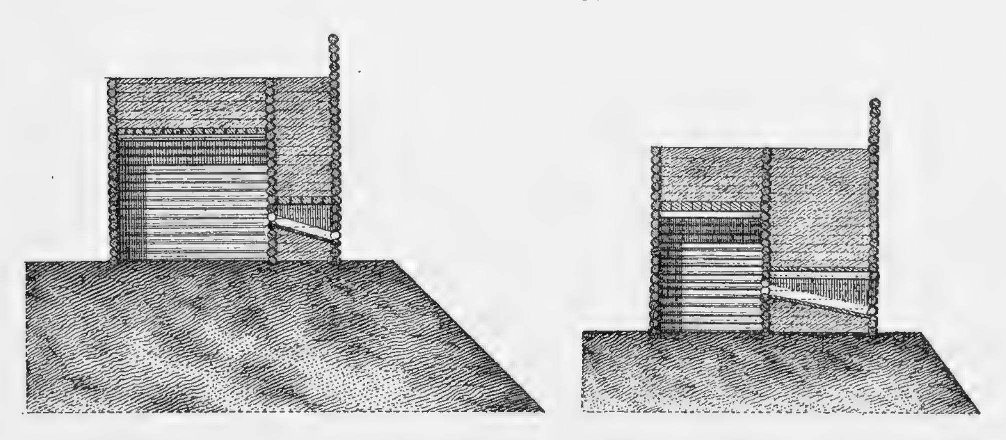
[1]) Ив. Е. Забѣлинъ, „Русское искусство". Москва, 1900 г., стр. 67.

еще и въ то время замѣченные, заставили нашихъ предковъ прибѣгнуть къ устройству стѣнъ *тарасами.*

Стѣны, рубленныя тарасами, состояли изъ двухъ вѣнчатыхъ стѣнъ, расположенныхъ параллельно между собою на толщину ограды: онѣ соединялись подъ прямымъ угломъ другими поперечными стѣнами, огразуя глубокія клѣтки, которыя наполнялись землею и камнями. Участокъ деревянной

Черт. 22. Стѣна, рубленая „тарасами" и засыпанная землею. (По Ласковскому).

Черт. 23. Разрѣзъ по линіи № 2. Черт. 24. Разрѣзъ по линіи № 1. (По Ласковскому).

ограды между двумя поперечными стѣнами и составлялъ собственно *тарасу;* протяженіе его въ длину измѣнялось вообще между 3 и 4 саж. Участокъ ограды, имѣвшій, приблизительно, половинное протяженіе въ длину, получалъ названіе *полутарасы.* Въ старинныхъ городовыхъ описяхъ иногда принимали тарасъ за единицу при измѣреніи протяженія стѣны между двумя смежными башнями или, по тогдашнему, *прясла* стѣны» [1]). (Черт. 22, 23 и 24).

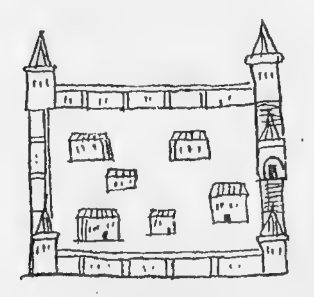
[1]) „Матеріалы для ист. инж. дѣла въ Россіи", стр. 81—83.

Отсюда ясно слѣдуетъ, что способъ устройства стѣнъ въ теченіи вѣковъ измѣнился только въ «частностяхъ», а не въ «общемъ», ибо стѣны рубленыя «тарасами» отличаются отъ стѣнъ изъ «городней» только тѣмъ, что ихъ наружныя продольныя стѣны—«цѣльныя».

Таково было начало и происхожденіе нашихъ «городовъ», т. е. древнихъ деревянныхъ крѣпостныхъ оградъ.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію послѣдней стадіи ихъ развитія,—къ *третьему* Якутскому острогу.

Черт. 25.
Острогъ Уртамъ.
(По Семену Ремезову).

Черт. 26.
Градъ Новая Мангазея.
(По Семену Ремезову).

Говоря до сихъ поръ объ Якутскѣ, какъ объ укрѣпленномъ мѣстѣ, мы безразлично называли его и острогомъ, и крѣпостью, и городомъ. Но теперь, приступая къ изученію его, какъ оборонительнаго сооруженія, мы должны разобраться въ точномъ значеніи этихъ названій.

Присматриваясь къ изображеніямъ городовъ, которыя мы видимъ въ Чертежной Книгѣ Сибири Семена Ремезова, мы замѣчаемъ тамъ три рода укрѣпленій:

1) Мѣсто, огражденное тыномъ или частоколомъ (черт. 2, 13 и 25).

2) Укрѣпленіе, состоящее изъ замкнутой рубленой стѣны съ башнями (черт. 1, правый нижній уголъ, черт. 4—вверху и черт. 26).

и 3) Городокъ, огражденный тыномъ, усиленнымъ многими башнями (черт. 1, лѣвый верхній уголъ, и 12, 14 и 16).

На чертежахъ Ремезова «рубленая» стѣна и стѣна изъ «частокола» показаны весьма различно: первая оставлена обыкновенно бѣлой и на ней только назначены точками или маленькими штрихами бойницы, какъ напр. на изображеніи г. Пелыма (черт. 1, правый нижній уголъ, и черт. 26); тогда какъ вторая всегда заштрихована вертикально для обозначенія тына (ibid. лѣвая и верхняя сторона и черт. 2, 6, 13, 14 и 16). Нельзя не замѣтить при этомъ, что тыновая ограда, какъ болѣе простая, преобладала въ сибирскихъ укрѣпленіяхъ; по крайней мѣрѣ у Ремезова «рубленая» стѣна показана только въ трехъ городахъ: въ Пелымѣ (черт. 1), въ Новой Мангазеѣ (черт. 26) и въ Якутскѣ (черт. 4, вверху, прямая стѣна). Кромѣ того, она несомнѣнно была явленіемъ позднѣйшимъ. И, въ самомъ дѣлѣ, гдѣ мы ее видимъ?—Въ *третьемъ* Якутскомъ

острогѣ, сооруженномъ въ концѣ XVII вѣка, и въ *Новой* Мангазеѣ, построенной *послѣ* Старой, которая имѣла ограду изъ «частокола» [1]).

Надписи надъ укрѣпленіями перваго рода неизмѣнно называютъ ихъ «острогами», напр., «острогъ Уртамъ» (черт. 25), «острогъ Кецкой» (черт. 2), «Балаганской острогъ» (черт. 13) и т. д.

Когда эти «тыновыя» ограды усиливались *четырьмя* башнями, это не препятствовало имъ сохранять свое прежнее наименованіе, какъ мы видимъ на черт. 6-мъ, гдѣ прибавленіе угловыхъ башенъ не помѣшало Верхоленскому укрѣпленію называться «острогомъ».

Что-же касается до укрѣпленныхъ мѣстъ второй и третьей категоріи, то надписи неуклонно называютъ ихъ «градами», т. е. «городами». За примѣрами ходить недалеко: «градъ Илимскъ» (черт. 14), «градъ Епанчинъ» (черт. 16), «городъ (?) Енисейскъ» (черт. 12) и т. д. А отсюда ясно, что въ концѣ XVII-го и началѣ XVIII-го вѣка тыновая ограда называлась «острогомъ», а рубленая стѣна и тыновая ограда со *многими* башнями - «городомъ».

Это подтверждается, между прочимъ, и другими документами, какъ, напр., рукописнымъ планомъ XVII вѣка Большого Тихвинскаго монастыря [2]), гдѣ на рву, проходящемъ около деревянной монастырской крѣпостной ограды, стоитъ надпись: «ровъ возлѣ города». Здѣсь слово «городъ» означаетъ, очевидно, самую стѣну, ибо внутри ея никакого города нѣтъ, а есть лишь монастырь.

Обращаясь затѣмъ къ тому виду укрѣпленій, гдѣ поселеніе обнесено тыномъ, усиленнымъ башнями, мы видимъ, что онъ представляетъ собою переходъ отъ «острога» къ «городу». Особаго названія таковая ограда не имѣла и, повидимому, одинаково именовалась «острогомъ», судя по нѣкоторымъ надписямъ Ремезова, называющаго тыновую ограду, усиленную башнями, также «острогомъ». Примѣромъ въ этомъ случаѣ можетъ служить у Ремезова изображеніе города Пелыма (черт. 1), гдѣ около тыновой ограды написано (слѣва вверху)— «кругомъ *острогъ* мѣрою 1020 саж.», а около рубленой стѣны (справа внизу)—«кругомъ мѣрою *городъ* 120 сажен.»

Ласковскій, за неимѣніемъ опредѣленнаго древняго слова, называетъ такія стѣны «тыновыми городскими оградами», но прибавляетъ, что въ лѣтописяхъ,—съ Воскресенскаго списка и Ипатьевской,—подобная тыновая ограда названа «*столпіемъ*» [3]).

[1]) См. въ атласѣ Ремезова листъ 12.
[2]) Хранится въ библіотекѣ монастыря подъ № 2248.
[3]) „Мат. для ист. инж. иск. въ Россіи", часть I, Спб. 1858, стр. 103–104.

Въ планѣ Якутскаго острога (черт. 19) мы видимъ двѣ ограды: наружную—тыновую и внутреннюю—рубленую.

Щукинъ называетъ «крѣпостью» вторую, внутреннюю ограду, а Словцовъ и «Описаніе» къ плану (черт. 18 и 19) обозначаютъ этимъ словомъ первую, а вторую называютъ «замкомъ». Но ни то, ни другое названіе не вѣрно, ибо слово «крѣпость» употреблялось въ XVII вѣкѣ главнымъ образомъ въ смыслѣ отдѣльныхъ приспособленій для усиленія обороны цѣлаго, а «замокъ» означаеть собой укрѣпленное жилище средневѣковаго феодала. Въ сущности-же разсматриваемое нами третье Якутское укрѣпленіе конца XVII вѣка представляло собою *«острогъ», внутри котораго былъ расположенъ «городъ»*.

Правильность такого опредѣленія подтверждается «документальными данными: въ «Вѣдомости 1701 года» мы читаемъ: «Якутцкой *городъ* . . . . . Около города *острогъ* стоячій». То же повторяетъ «Росписной списокъ 1759 г.», гдѣ значится: «*Городъ* деревяной рубленой ветхой. . . . Кругомъ города *острогъ* деревянной ветхой». Слѣдовательно, предложенное нами наименованіе частей Якутскаго укрѣпленія оказывается вполнѣ правильнымъ.

Что-же касается до удержавшагося за нимъ названія «Якутскаго острога» вообще, то оно, конечно, является наслѣдіемъ первоначальнаго укрѣпленія, основаннаго Бекетовымъ и перенесеннаго потомъ на урочище Сай-саръ.

Разсмотримъ теперь общее оборонительное расположеніе Якутскаго острога и опредѣлимъ его относительное положеніе среди прочихъ сибирскихъ укрѣпленій. Превосходнымъ матеріаломъ въ этомъ случаѣ является атласъ Ремезова, на таблицахъ котораго помѣщены всѣ укрѣпленные города Сибири конца XVII столѣтія.

Чертежи эти представляютъ собою весьма обширный матеріалъ для сравненій. Мы приводимъ здѣсь наиболѣе типичные образцы, вполнѣ достаточные для нашихъ выводовъ (черт. 1, 2, 4, 6, 12, 13, 14, 16, 25 и 26).

Какъ первичную или простѣйшую форму мы можемъ разсматривать простой «острогъ», т. е. только замкнутую ограду изъ тына или частокола прямоугольной или круглой формы (черт. 2, 13 и 25). Дальнѣйшее развитіе этой формы заключается въ томъ, что она усиливается башнями (черт. 6), сохраняя прежнее свое названіе «острога». Затѣмъ для лучшей обороны частоколъ замѣняется рубленою стѣною и острогъ превращается въ «городъ» (черт. 25).

Такіе города и остроги были почти всегда прямоугольными, какъ мы можемъ судить по многимъ образцамъ у Ремезова (черт. 1, 12 и 16).

Кромѣ этихъ двухъ видовъ укрѣпленій, встрѣчаются еще, какъ мы уже говорили, укрѣпленныя поселенія смѣшаннаго типа, который заключается въ томъ, что «городъ» соединяется съ «острогомъ», при чемъ въ первомъ располагались наиболѣе важныя зданія и наиболѣе цѣнные запасы населенія, а второй окружалъ «посадъ», т. е. обыкновенные обывательскіе дома, примыкавшіе къ «городу». Это—самый сильный способъ укрѣпленія городовъ, который мы видимъ у Ремезова. Но «городовое дѣло» XVII-го вѣка въ Сибири, повидимому, на этомъ не остановилось, но пошло еще далѣе и сказало свое послѣднее слово въ постройкѣ третьяго Якутскаго острога: мы уже видѣли (черт. 19), что онъ состоялъ изъ «города», окруженнаго *со всѣхъ сторонъ* «острогомъ», тогда какъ во всѣхъ предыдущихъ примѣрахъ острогъ защищалъ посадъ и только *часть* «города», а затѣмъ этотъ послѣдній оставался открытымъ съ поля *съ двухъ* (черт. 1) или даже *съ трехъ сторонъ*, какъ, напр., въ Томскѣ [1]).

О превосходствѣ этого новаго расположенія въ оборонительномъ смыслѣ и говорить нечего. Лучшимъ доказательствомъ этого служитъ то обстоятельство, что западные строители прибѣгали къ нему уже въ средніе вѣка [2]). Наши-же сибирскіе строители не примѣняли его раньше, вѣроятно, потому, что слишкомъ презирали безпорядочныя и плохо вооруженныя толпы своихъ враговъ. Что-же касается до самаго пріёма, то они его, несомнѣнно, знали, уже хотя-бы потому, что въ громадномъ масштабѣ онъ былъ примѣненъ въ Москвѣ, гдѣ стѣны Бѣлаго и Земляного города окружали двойнымъ кольцомъ Кремль и Китай-городъ.

Познакомившись съ общимъ расположеніемъ Якутскаго острога, разсмотримъ теперь подробно оборонительные и строительные пріемы его стѣнъ и башенъ на основаніи данныхъ, представляемыхъ снимками съ натуры (табл. V, VI VII, VIII и IX) и моделью, хранящеюся въ Императорской Археологической Коммиссіи (табл. XI, XII, XIII и XIV).

Здѣсь мы считаемъ нужнымъ оговориться, что сравненіе модели со снимками съ натуры показало ея замѣчательную точность, слѣдовательно данныя, ею представляемыя, безусловно можно считать документальными.

Мы начнемъ наше разсмотрѣніе со стѣнъ, какъ съ оборонительнаго сооруженія преобладающаго характера и притомъ наибольшаго протяженія.

[1]) См. въ атласѣ Ремезова, табл. 13.

[2]) См. E. Viollet le Duc, „Dictionnaire raisonné de l'archit. française". Tome III, page 98, fig. 14. Paris MDCCCLXXV.

Выяснимъ сперва тѣ требованія, которымъ должна удовлетворять такая деревянная крѣпостная стѣна. Они сводились, главнымъ образомъ, къ слѣдующимъ условіямъ:

1) Стѣна должна быть достаточно устойчивой и прочной, чтобы нападающій непріятель не могъ сдѣлать мѣстнаго обвала или пролома, который открылъ-бы ему доступъ внутрь города.

2) Она должна быть удобною для живой обороны, т. е. для ея защитниковъ, которыхъ надо размѣщать такъ, чтобы они могли наиболѣе сильно поражать непріятеля, оставаясь въ то же время сами защищенными отъ дѣйствія его оружія.

и 3) Оборонительныя части ея должны быть устроены такъ, чтобы не только можно было поражать непріятеля издали, когда онъ еще подступаетъ къ крѣпости, но и отбивать его, когда онъ находится у самаго подножія стѣны и лѣзетъ на приступъ[1]).

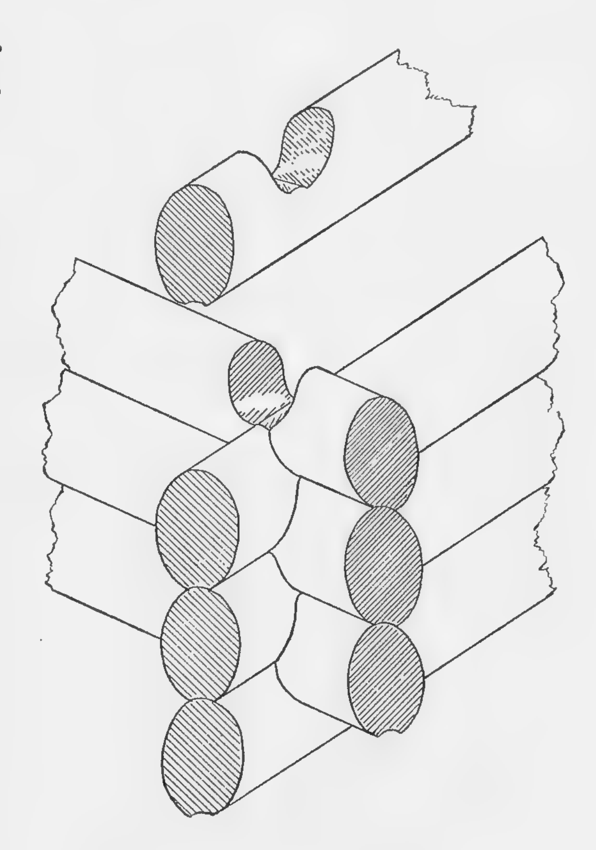
Первое условіе соблюдено въ Якутской стѣнѣ въ томъ отношеніи, что она представляетъ собою не простой легко опрокидываемый заборъ, а состоитъ изъ устойчивыхъ срубовъ въ $1^{1}/_{2}$ саж. длины и $1^{1}/_{2}$ саж. ширины, причемъ наружныя и внутреннія стѣны этихъ срубовъ—общія и цѣльныя, схваченныя короткими поперечными (табл. XI, рис. 2); значитъ, иными словами, стѣны Якутскаго города срублены «тарасами». Такимъ образомъ опрокинуть эту стѣну нельзя, вслѣдствіе ея значительной устойчивости и общей связи по длинѣ. Что-же касается до связи въ углахъ, т. е. до соединенія стѣнъ съ башнями, то оно также не просто сдѣлано «въ притыкъ», а устроено очень прочно, причемъ часть бревенъ стѣны входитъ въ пазы, сдѣланные въ боку башни, а другія проходятъ насквозь его и закрѣпляются извнутри, какъ мы это ясно видимъ на модели (табл. XII, лѣвый бокъ башни). Прекрасное доказательство прочности этого соединенія мы находимъ на снимкѣ съ натуры у лѣвой, сѣверной башни (табл. VI): уцѣлѣвшія верхнія бревна крайняго прясла стѣны сошли со своей нижней опоры и провисли, но держатся на вѣсу только потому, что лѣвый ихъ конецъ врубленъ въ стѣну башни[2]).

---

[1]) Не надо забывать, что предполагаемый противникъ, т. е., въ данномъ случаѣ сибирскіе инородцы, *ни артиллеріи, ни огнестрѣльнаго оружія не имѣли.*

[2]) То же самое мы видимъ на самомъ послѣднемъ снимкѣ Якутскаго острога на восточной сторонѣ сѣверной башни. См. П. Головачевъ, „Сибирь". Москва. 1905, стр. 381, рис. 92.

Рубка стѣнъ сдѣлана «въ обло», «съ остаткомъ», какъ это ясно видно и на снимкахъ съ натуры (табл. V, рис. 2, и табл. VIII) и на модели (табл. XI, рис. 2). Для неспеціалистовъ замѣтимъ, что рубкой «въ обло» называется такое соединеніе концовъ бревенъ между собою, при которомъ одно бревно входитъ на половину своей толщины въ выемку, сдѣланную въ другомъ бревнѣ (черт. 27), причемъ концы этихъ бревенъ выступаютъ за поверхность стѣны на 4 или 6 вершковъ и называются «остатками».

Черт. 27.
Рубка стѣнъ въ „обло" или „съ остаткомъ".

Такимъ образомъ, стѣна эта устроена достаточно прочно.

Конечно, странно было бы утверждать, что она была бы въ состояніи сопротивляться тѣмъ стѣнобитнымъ машинамъ, которыми, напр., татары разбивали стѣны Кіева, или какія примѣнялись при осадахъ замковъ въ средніе вѣка. Но не надо забывать, что эти «города» строились не противъ непріятеля, вооруженнаго всѣми познаніями тогдашняго инженернаго дѣла, а для защиты отъ безпорядочныхъ и вооруженныхъ только холоднымъ оружіемъ скопищъ сибирскихъ дикарей, которые могли лишь или прорубить себѣ проёмъ при приступѣ или просто опрокинуть стѣну, навалившись на нее живою массою. Вотъ для сопротивленія подобнымъ усиліямъ Якутская стѣна была достаточно прочна и устойчива; это доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, что Якутскій острогъ ни разу не былъ взятъ инородцами, несмотря на неоднократныя нападенія.

Высота нижней части стѣны до верхняго выступа—2 саж., а высота этого выступа или «облама»—1 саж. Эти размѣры мы опредѣляемъ по модели

и по чертежамъ Кипріанова (табл. X). Щукинъ утверждаетъ, что вышина нижней части 2½ саж., а всей стѣны — 3 саж. 2 четверти (?)[1]).

Повидимому, высоту въ 2 саж. надо считать болѣе правильной, такъ какъ на чертежахъ, представленныхъ въ Т.-С. Комитетъ М. В. Д. въ 1870 году Якутскимъ Областнымъ Управленіемъ (черт. 8, 9, 10 и 11 и табл. XI, черт. 1), она показана всего 5 аршинъ[2]). Кромѣ того, секретарь Якутскаго Областнаго Статистическаго Комитета А. Поповъ, въ своемъ отвѣтѣ на запросы Академіи Художествъ, сообщаетъ, что стѣна эта срублена изъ 6-вершковаго лѣса[3]), а на снимкѣ съ натуры (табл. V, рис. 2) мы видимъ, что она имѣла отъ 16-ти до 17-ти вѣнцовъ. Умножая 6 вершковъ, т. е. толщину бревна, на 16 или на количество вѣнцовъ, получимъ:

$$6 \text{ вершк.} \times 16 = 96 \text{ вершк.} = 2 \text{ саж.}$$

Отсюда ясно, что высоту стѣны, показанную на модели, надо считать болѣе правильной.

Если мы обратимся теперь къ длинѣ стѣны, то найдемъ еще болѣе разнорѣчивыя показанія, и надо только удивляться, какъ возможны такія грубыя ошибки при простомъ обмѣрѣ прямолинейной стѣны!

Вотъ свѣдѣнія, сообщаемыя объ ея длинѣ.

1) По даннымъ г. Попова «вся длина фаса равна» . . . 65 с.
2) По плану, приложенному къ его отвѣту (табл. IV), она равна 66 с.
3) По чертежамъ 1870 года (табл. XI, черт. 1). . . . . 52 с.
4) По чертежамъ Кипріанова. . . . . 52 с.
5) По «Вѣдомости 1701 года». . . . . 60 с.
6) По Щукину. . . . . 63½ с.
и 7) По архивному плану Т.-С. Комитета, № 264-й (черт. 19), лѣвая внутренняя стѣна имѣетъ около . . . . 80 с.

Данныя Словцова, какъ явно нелѣпыя, мы оставляемъ въ сторонѣ.

Итакъ, одни источники опредѣляютъ ея длину въ 52 саж., а другіе — въ 80 с. Разница такъ велика, что для рѣшенія вопроса остается, кажется, взять только среднее ариѳметическое! И, какъ это ни странно, мы получимъ при этомъ результатъ довольно близкій къ истинѣ:

$$\frac{65+66+52+52+60+63+80}{7} = \frac{438}{7} = 62\frac{4}{7}.$$

1) Стр. 197 и 198.
2) См. отн. Як. Обл. Управл. отъ 31-го декабря 1870 г., за № 3653. (Архивное дѣло Хозяйственаго Д-та М. В. Д. 1877—79 гг., № 607—№ 605).
3) Отн. Як. Обл. Ст. К-та отъ 22-го декабря 1877 г., за № 162 (ib.).

Дѣйствительно, Щукинъ пишетъ, что длина каждой тарасы или сруба равна $1^1/_2$ саж., что подтверждаетъ и г. Поповъ. Но на снимкѣ съ натуры (табл. V, рис. 1) мы видимъ, что каждая половина стѣны, между средней и боковой башнями, состоитъ изъ 18-ти тарасъ, а вся стѣна—изъ 36-ти тарасъ.

Слѣдовательно, длина *одной* только стѣны, безъ башенъ, будетъ:

$$1^1/_2 \text{ с.} \times 36 = 54 \text{ саж.}$$

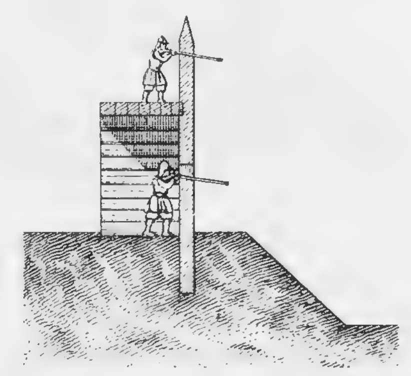
Но къ этому надо еще прибавить ширину двухъ угловыхъ башенъ, по 3 саж. каждая, и ширину средней башни, равную 4 саж., или

$$6 \text{ с.} + 4 \text{ с.} = 10 \text{ саж.}$$

А 54 с. + 10 с. = 64 саж., т. е. величинѣ очень близкой къ среднему пропорціональному.

Мы ее можемъ принять за вѣрную, такъ какъ она не много разнится отъ показанія г. Попова (65 саж.), описи 1701 года (60 саж. безъ выступовъ башенъ) и опредѣленія самаго Щукина (62½ саж.) [1]).

Внутренность каждой тарасы служила для помѣщенія защитниковъ, которые стрѣляли въ отверстія, продѣланныя въ наружной стѣнѣ и извѣстныя подъ названіемъ «подошвеннаго боя». Такихъ отверстій въ каждомъ отдѣленіи стѣны было два, что ясно видно на рисункѣ Щукина (рис. 20), на чертежахъ 1870 года (табл. XI, черт. 1 и черт. 8, 9 и 10 въ текстѣ) и на чертежѣ Кипріанова (табл. X, черт. 1). Судя по модели и по чертежамъ, *теперь* этотъ «подошвенный бой» расположенъ очень невысоко отъ земли, примѣрно на 1 арш. 4 вершка, изъ чего Щукинъ заключаетъ, что стрѣляли, вѣроятно, «лежа или стоя на колѣняхъ» (стр. 197). Но стрѣлять «лежа» черезъ бойницу, расположенную на 1 арш. 4 в. *выше*, можно только въ небо, а стрѣльба «съ колѣна»—необычна. Кромѣ того, на изображеніяхъ обороны у Ласковскаго и у Пальмквиста [2])

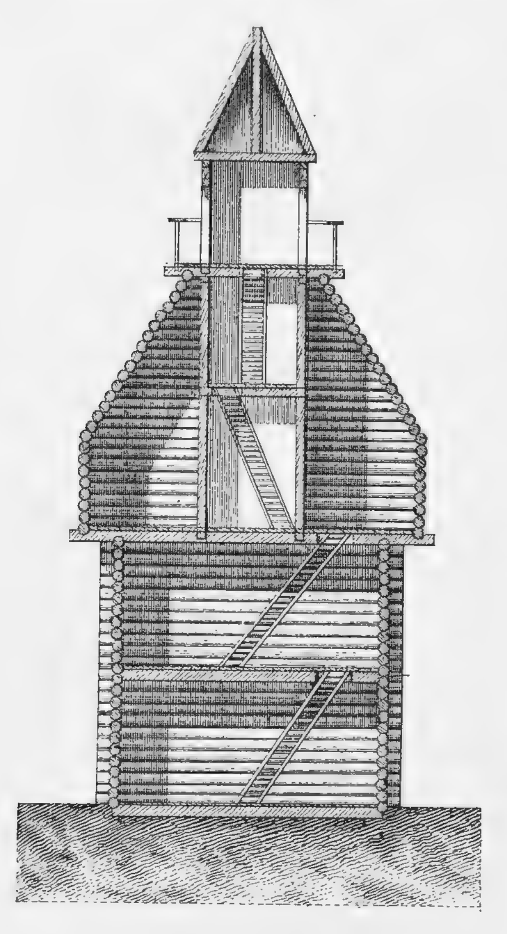
Черт. 28. Тыновая ограда. (По Ласковскому).

---

[1]) Но этимъ мы не считаемъ вопросъ окончательно рѣшеннымъ и оставляемъ его *открытымъ*, ожидая рѣшенія его отъ тѣхъ, болѣе насъ счастливыхъ изслѣдователей, которые будутъ обмѣрять памятникъ въ натурѣ.

[2]) Эрикъ Пальмквистъ, артиллерійскій капитанъ, былъ въ Москвѣ въ составѣ шведскаго посольства въ 1673 г. Онъ составилъ весьма любопытный альбомъ чертежей и рисунковъ подъ заглавіемъ „Nägre widh Sidste Kongl. Ambassaden

(черт. 28 и табл. XI, рис. 3) защитники стрѣляютъ *стоя;* поэтому намъ кажется вѣрнѣе предположить, что бойницы находились прежде выше, но затѣмъ спустились ниже, вслѣдствіе «вростанія въ землю» древнихъ построекъ, что можно и до сихъ поръ еще наблюдать въ старыхъ избахъ, у которыхъ окна чуть не на землѣ. Такое «вростаніе» объясняется, съ одной стороны, сгниваніемъ нижнихъ вѣнцовъ, положенныхъ прямо на землю, безъ фундамента, а съ другой стороны постепеннымъ механическимъ наростаніемъ почвы въ древнихъ населіяхъ [1]).

Черт. 29. Проѣзжая башня г. Красноярска. (По Ѳ. Ласковскому).

Но съ другой стороны въ «обламѣ» бойницы помѣщены примѣрно на той же вышинѣ: на чертежахъ 1870 года на уровнѣ 1 аршина (черт. 9 и 10), а на модели — на половинѣ четвертаго вѣнца, слѣдовательно на слѣдующей высотѣ:

$$3\tfrac{1}{2} \times 6 \text{ в.} = 21 \text{ в.} = 1 \text{ арш. } 5 \text{ в.}$$

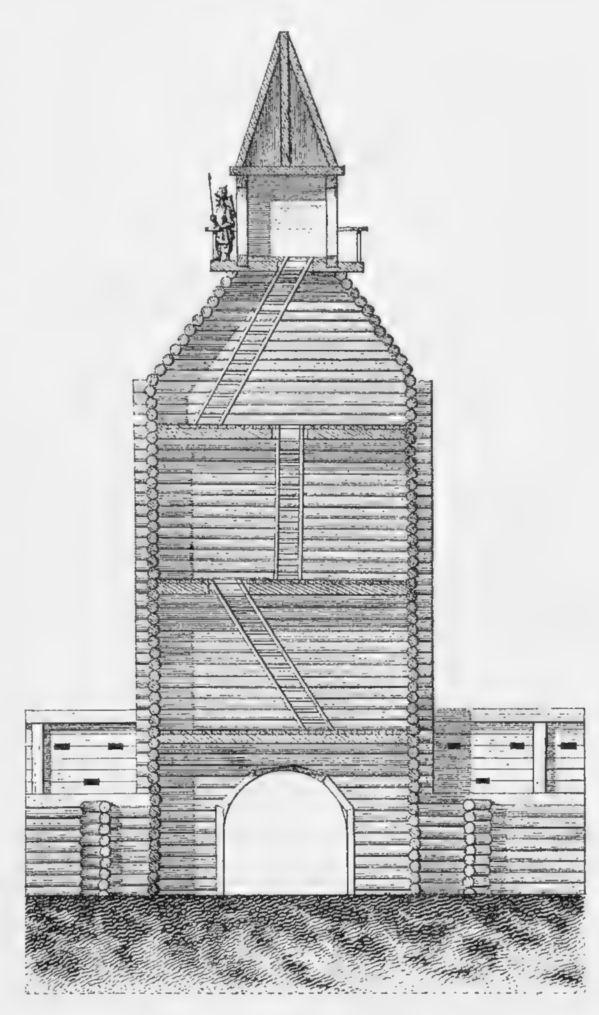
Полъ верхняго яруса стѣны былъ сдѣланъ на одномъ уровнѣ съ низомъ облама, какъ показано у Щукина (рис. 21). Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не принять въ разсчетъ и такого соображенія: при стрѣльбѣ «съ колѣна» локоть *лѣвой* руки опирается на колѣно *лѣвой* согнутой ноги, слѣдовательно при такомъ положеніи ружье получаетъ наиболѣе *твердую* опору, что было весьма *важно* при *тяжелыхъ* казацкихъ «самопалахъ».

till Tzaren Muskou giorde observationer over Ruszland . . . Anno 1674, т. е. „Нѣкоторыя наблюденія, сдѣланныя при посольствѣ къ Московскому царю о Россіи". Альбомъ недавно изданъ шведскимъ правительствомъ. Эти оба автора — люди *военные,* слѣдовательно на авторитетъ ихъ въ этомъ дѣлѣ можно положиться.

[1]) Оставляя въ сторонѣ базилику св. Климента въ Римѣ и другіе общеизвѣстные въ литературѣ примѣры, мы утверждаемъ, на основаніи личныхъ раскопокъ, что почва въ московскомъ Кремлѣ, противъ Николаевскагб дворца, наросла на *три* сажени.

Поэтому мы оставляемъ этотъ вопросъ *открытымъ* и полагаемъ, что рѣшеніе его возможно только путемъ изученія *самаго* памятника.

Тарасы соединены между собой и съ башнями, по свидѣтельству г. Попова, «низкими ходами»; ходы эти были, конечно, необходимы для прохода внутри всей стѣны и кромѣ того для того, чтобы защитники не были наглухо раздѣлены, а могли поддерживать взаимно другъ друга, собираясь туда, гдѣ грозила наибольшая опасность. Незначительная высота этихъ проходовъ какъ-бы подтверждаетъ нашу мысль, что стѣна «вросла въ землю»: ясно, что черезъ «высокій» проходъ сообщеніе легче, нежели черезъ «низкій»; нелѣпо-же дѣлать проходъ, чтобы «облегчить» сообщеніе, и въ то же время сдѣлать его «низкимъ», чтобы «затруднить» то же сообщеніе.

Черт. 30. Башня г. Красноярска. (По Ласковскому).

Намъ, быть можетъ, укажутъ на низкія двери избъ, но указаніе это здѣсь не можетъ имѣть мѣста: тамъ низкая дверь дѣлается для сохраненія тепла, а здѣсь ни о какомъ теплѣ и рѣчи быть не можетъ. Слѣдовательно, мы вправѣ предполагать, что эти проходы были прежде выше; хотя, съ другой стороны, нельзя отрицать и того обстоятельства, что казаки, привыкнувъ къ маленькимъ дверямъ-лазамъ жилищъ сибирскихъ инородцевъ, просто не имѣли потребности въ большихъ дверяхъ. Поэтому окончательное рѣшеніе этого вопроса приходится также ожидать отъ изслѣдованія памятника на мѣстѣ.

Съ внутренней стороны стѣны каждая изъ тарасъ имѣла прямоугольное отверстіе, что мы видимъ на модели (табл. XI, рис. 2) и на рисункѣ Щукина (рис. 21-й). Отверстія эти расположены на высотѣ 1½ арш. отъ земли и имѣютъ 1½ аршина ширины и 1 аршинъ высоты. Они, повидимому, служили для освѣщенія, потому что для входа внутрь тарасъ мы видимъ двери, какъ у Щукина (рис. 21), такъ и на модели (табл. XI, рис. 2), около 2 арш. 6 верш. высотою и 1 арш. 2 вершка шириною. Впрочемъ, въ случаѣ надобности, можно было выскочить и въ свѣтовое отверстіе, хотя съ меньшимъ удобствомъ. Очевидно, что въ обычное время внутрь стѣны входили черезъ двери и затѣмъ направлялись боковыми проёмами по тарасамъ.

Затѣмъ вверху этой стѣны былъ балочный настилъ съ поломъ или такъ называемый «мостъ»; на модели мы его не видимъ (табл. XI, рис. 2); это объясняется тѣмъ, что онъ давно уже сгнилъ и провалился. Но что онъ несомнѣнно былъ, мы заключаемъ изъ того, что иначе по стѣнѣ нельзя ходить, и защитникамъ второго яруса не на чемъ было-бы стоять. Поэтому-то мы видимъ «мостъ» вездѣ на чертежахъ древнихъ русскихъ деревянныхъ башенъ и стѣнъ (черт. 29 и 30 и табл. XI, рис. 3). Кромѣ того, полъ очень замѣтенъ на изображеніи Щукина, во времена котораго онъ, очевидно, еще частію былъ цѣлъ, какъ это замѣтно на правой сторонѣ его рисунка, изображающаго задній фасадъ стѣны (рис. 21).

Стѣны, рубленыя «тарасами», заполнялись обыкновенно землею и камнями. Но въ XVI вѣкѣ это устройство должно было нѣсколько измѣниться, вслѣдствіе примѣненія новаго болѣе сильнаго способа обороны стѣны съ помощью обстрѣливанія лежащей впереди мѣстности «огнемъ въ нѣсколько ярусовъ». Съ этою цѣлью дѣлались въ стѣнѣ три горизонтальныхъ ряда бойницъ или такъ называемые «верхній», «средній» и «нижній» или «подошвенный бой». Для образованія «подошвеннаго боя» нѣкоторыя части тарасъ приходилось оставлять не засыпанными, образуя потолокъ изъ сплошного накатника, какъ это видно на черт. 23-мъ. А устройство «средняго боя» заставило совершенно отбросить въ сторону засыпку стѣнъ и дѣлать ихъ полыми или пустыми [1]), что мы и видимъ въ Якутскомъ острогѣ.

Это послѣднее устройство гораздо выгоднѣе въ смыслѣ обороны, нежели первое, ибо при немъ защитники помѣщаются въ каждой тарасѣ, а при засыпкѣ землею—черезъ тарасу (черт. 22), и слѣдовательно огонь обороны бу-

[1]) Объ этомъ см. подробно у Ласковскаго, стр. 87—88.

детъ *вдвое* слабѣе. Эти-же соображенія заставили, очевидно, сдѣлать полыми и якутскія стѣны, хотя мы видимъ въ нихъ всего только *два* боя: «подошвенный»—у низа стѣны и «верхній»—въ выступѣ (черт. 10 и табл. X).

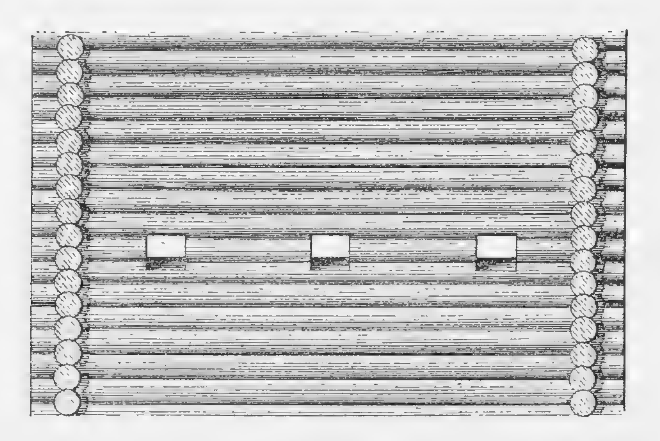
Выше пола или «моста» Якутской стѣны находился ея *второй* ярусъ, который былъ сдѣланъ иначе, чѣмъ нижній, потому что, независимо отъ устройства «верхняго» боя, въ немъ должны были быть налицо такъ называемыя «навѣсныя бойницы» для избіенія непріятеля у подошвы стѣны и, кромѣ того, свободный проходъ съ внутренней стороны стѣны.

Для достиженія этой цѣли устраивался на стѣнахъ такъ называемый «обламъ», т. е. выступающій впередъ брустверъ, закрывавшій защитниковъ и образовывавшій своимъ выступомъ «навѣсныя бойницы». Въ Якутскомъ «городѣ» этотъ «обламъ» очень хорошо виденъ на снимкахъ съ натуры (табл. V, рис. 2, правая дальняя половина стѣны, и табл. VIII) и на изображеніи у Щукина (рис. 20). Высота стѣнки «облама», какъ мы уже говорили, на Якутской стѣнѣ 1 саж., а выступъ впередъ для образованія навѣсныхъ бойницъ, по словамъ Щукина, «четверть аршина», считая, разумѣется, чистый промежутокъ безъ толщины стѣны. Стѣнка облама устроена весьма остроумно въ конструктивномъ отношеніи: подъ нее выпущены снаружи, изъ концовъ трехъ верхнихъ бревенъ поперечныхъ стѣнъ, такіе-же кронштейны, какіе мы видимъ на внутренней сторонѣ стѣны (табл. XI, рис. 2), съ выступомъ примѣрно въ 1 аршинъ. Затѣмъ на концы ихъ была поставлена стѣнка «облама». Но поставить её еще было мало: надо было затѣмъ удержать въ вертикальномъ положеніи и, кромѣ того, сдѣлать достаточно прочною относительно возможности обвала или разлома и наиболѣе доступною для живой обороны. Для достиженія этихъ цѣлей были введены *поперечныя* стѣны, которыя удерживали обламъ въ вертикальномъ положеніи и уничтожали всякую возможность обвалить его внизъ или опрокинуть назадъ. Эти стѣны расположены были надъ нижними поперечными стѣнами и доходили только до половины ихъ длины, чтобы оставить съ внутренней стороны ограды свободное мѣсто для кругового прохода (табл. XI, рис. 2). Но такъ какъ концы этихъ верхнихъ поперечныхъ стѣнъ нельзя было оставить свободными, то они попарно схвачены короткими продольными стѣнками, проходящими по средней линіи нижней части ограды, вслѣдствіе чего здѣсь постоянно чередуются впадины и срубы. Для большей прочности нижнія два бревна стѣнокъ по средней линіи сдѣланы сплошными, безъ перерыва (см. ib. и рис. 21). Во впадинахъ доступъ къ обламу является совершенно свободнымъ, а въ срубахъ онъ открывается черезъ отверстія, имѣющія одинъ

квадратный аршинъ и вытесанныя вверху по лучковой кривой; расположены эти отверстія на 12 вершковъ выше «моста», т. е. полового настила.

Такое устройство облама весьма практично и остроумно въ строительномъ отношеніи и представляетъ собою, повидимому, пріемъ совершенно новый, такъ какъ у Ласковскаго такого примѣра мы не находимъ.

Въ каждомъ изъ дѣленій облама мы видимъ три отверстія: двѣ бойницы парныя, образующія такъ называемый «верхній бой», и надъ ними одна продолговатая щелеобразная, служившая, вѣроятно, для скрытаго обзора непріятеля (черт. 9, 10, рис. 20, табл. X и табл. XI, рис. 1).

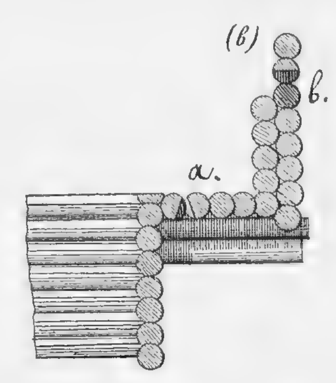
Черт. 31. Бойницы деревянныхъ стѣнъ.
(По Ласковскому).

Здѣсь нельзя умолчать о томъ обстоятельствѣ, что бойницы верхняго боя расположены также всего на 1 арш. отъ поверхности «моста» или пола стѣны, т. е. на той-же высотѣ, какъ и «подошвенный бой» надъ поверхностью земли, что какъ будто оправдываетъ предположеніе Щукина о «стрѣльбѣ съ колѣна». Во всякомъ случаѣ мы оставляемъ открытымъ вопросъ о томъ, «вросла-ли стѣна въ землю или нѣтъ», и ждемъ отвѣта на него отъ изслѣдователей на мѣстѣ.

По Ласковскому бойницы деревянныхъ стѣнъ, предназначавшіяся для ружейной стрѣльбы, имѣли $3^1/_2$ вершка высоты и отъ 7-ми до $10^1/_2$ вершковъ длины; отверстія дѣлались въ двухъ смежныхъ вѣнцахъ и отстояли другъ отъ друга не менѣе 2 арш. 4 вершк. и не болѣе 3 арш. (черт. 31). Въ Якутскомъ острогѣ эти бойницы очень подчеркнуты на чертежахъ (черт. 9 и 10 и табл. X, черт. 1) и едва замѣтны на снимкахъ съ натуры (табл. VIII). По-

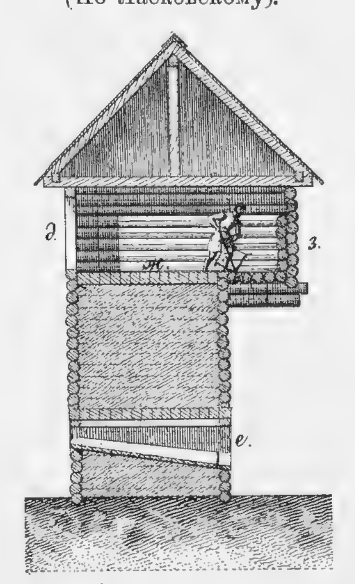
[1]) Оставляемъ эту ширину на отвѣтственности Щукина.

этому мы воздерживаемся сказать что-либо опредѣленное объ ихъ размѣрахъ въ данномъ случаѣ. Переходя затѣмъ къ навѣснымъ бойницамъ Якутскаго острога, мы допускаемъ предположеніе, что въ виду ихъ незначительной ширины—4 вершка—онѣ могли оставаться открытыми сплошь, такъ какъ при этомъ удобнѣе отражать непріятеля камнями, лить на него кипятокъ, расплавленную смолу и стрѣлять по нёмъ въ упоръ. Но Ласковскій полагаетъ, что промежутокъ этотъ застилался поломъ, въ которомъ для стрѣльбы оставлялись отверстія (черт. 32). Способы обороны верхняго яруса стѣны, защищенной обламомъ, показаны на черт. 33, въ текстѣ, и на рисункѣ 3-мъ таблицы IX-ой и вполнѣ ими объясняются.

Черт. 32. Разрѣзъ облама. *a* и *b* – бойницы. (По Ласковскому).

Затѣмъ вопросъ—какъ былъ устроенъ верхъ стѣны? Ни модель, ни снимки съ натуры не даютъ для этого никакихъ данныхъ, но г. Поповъ сообщаетъ, что «въ одномъ мѣстѣ, между башнями *б* и *в* (табл. IV), видны остатки галлереи, устроенной надъ срубами» [1]; а на изображеніи Щукина видны не только остатки стропилъ, но и часть крыши со столбами галлереи и перилами, уцѣлѣвшими у южной башни (рис. 21). Наконецъ, на чертежѣ Кипріанова мы видимъ все это полностью (таблица X, черт. 2-й). Кромѣ того, въ «Вѣдомости 1701 года» прямо сказано: «городъ... новой, рубленой.... *крытъ въ одинъ тесъ*». Отсюда мы заключаемъ, что устройство верхняго яруса ограды было слѣдующее: снаружи на кронштейнахъ шла стѣна облама, удерживаемая на своемъ мѣстѣ срубами половинной противу нижнихъ ширины и расположенными не сплошь, а черезъ тарасу. Съ внутренней стороны ограды на концахъ кронштейновъ были поставлены столбы галлереи, схваченные на высотѣ 1 саж., т. е. на высотѣ облама, продольной обвязкой, которая служила опорой для стропильныхъ ногъ двускатной крыши, въ родѣ того, какъ мы это видимъ на черт. 21 и 33.

Черт. 33. Разрѣзъ деревянной крѣпостной стѣны. (По Ласковскому).

[1]) См. его отвѣтъ на запросъ И. А. Х, стр. 34—36.

Пролёты между столбами были заняты перилами, а промежутокъ между этими послѣдними и срубами облама служилъ круговымъ проходомъ по стѣнѣ, сквозь башни.

Мы предполагаемъ, что столбы галлереи стояли на кронштейнахъ, а не на продольной стѣнѣ, потому что иначе не было никакого смысла дѣлать кронштейны съ внутренней стороны ограды, а между тѣмъ они были сдѣланы, въ чемъ убѣждаетъ насъ модель (табл. XI, рис. 2). У строителей острога не было лишняго времени, чтобы тратить его безъ смысла, слѣдовательно кронштейны были для столбовъ и перилъ. Предположеніе это подтверждается, кромѣ того, расположеніемъ пазовъ на боковой стѣнѣ башни, гдѣ верхній вертикальный пазъ внутренней стороны ограды также сходитъ съ отвѣса стѣны, какъ и обламъ. Если-же мы смѣряемъ по модели пространство между внутренней стѣной ограды и такой-же стѣной срубовъ облама, т. е. ширину мѣста, оставленнаго для прохода, то увидимъ, что оно имѣетъ всего около 2-хъ аршинъ, что и побудило уширить его, выдвинувши наружу столбы галлереи на кронштейнахъ и увеличивъ такимъ образомъ проходъ на 8—10 вершковъ. Этотъ свѣсъ галлереи отлично виденъ на изображеніи Щукина (рис. 21), гдѣ подъ нею показана сильная падающая тѣнь (около лѣвой башни).

На наружномъ скатѣ кровли, вѣроятно, лежали такъ называемые «катки» или большія и тяжелыя бревна, которыя запасали на случай приступа и сбрасывали на непріятеля, когда онъ былъ уже у стѣнъ. Говоримъ «вѣроятно», ибо разсматриваемый нами «третій» Якутскій острогъ былъ построенъ въ 1683-мъ году, т. е. въ то время, когда русская власть широкою волною разлилась по краю и «внезапнаго» нападенія ожидать было нельзя; а слѣдовательно «катки» не зачѣмъ было держать постоянно; въ случаѣ-же надобности ихъ всегда можно было успѣть приготовить.

Чтобы покончить со стѣнами, надо рѣшить еще вопросъ, какъ на нихъ входили? Въ башняхъ мы видимъ двери, которыя вели на галлерею (табл. V, рис. 2-й, лѣвый бокъ средней башни, и табл. XII, тотъ же бокъ угловой башни). Если эти двери были единственными и выходили на галлерею, то всходить на галлерею приходилось такъ: надо было войти въ одну изъ дверей нижняго яруса, свернуть направо или налѣво, смотря по тому, гдѣ была ближайшая башня, войти въ неё, подняться по внутренней лѣстницѣ до уровня пола галлереи и выйти на нее черезъ боковыя двери башни. Врядъ-ли можно допустить, что этимъ кружнымъ путемъ должны были пользоваться защитники во время осады или, въ особенности, приступа, когда дорога не только каждая

минута, но и каждая секунда. Поэтому вѣрнѣе предположить, что указанныя нами двери въ башняхъ служили главнымъ образомъ для сообщенія между двумя пряслами стѣны, раздѣленными башнями, и для кругового непрерывнаго хода вокругъ стѣнъ. Для входа же на стѣны были, вѣроятно, устроены въ разныхъ мѣстахъ открытыя наружныя лѣстницы, по которымъ можно было быстро вбѣгать на стѣны многимъ защитникамъ сразу. Само собою разумѣется, отъ этихъ лѣстницъ теперь не осталось уже никакихъ слѣдовъ. Но на мысль о существованіи ихъ наводятъ другія изображенія старорусскихъ укрѣпленій, напр. ограды Тихвинскаго монастыря, чертежъ которой помѣщенъ на монастырскомъ планѣ XVII вѣка [1]), хранящемся въ библіотекѣ монастыря подъ № 2264-мъ; или-же изданный Снегиревымъ [2]) древній чертежъ западнаго угла Красной площади въ Москвѣ, гдѣ близъ Воскресенскихъ воротъ показана наружная лѣстница для входа на стѣну Китая-города.

Перейдемъ теперь къ башнямъ. Изъ нихъ двѣ угловыя (табл. VI, VIII и XII) одинаковы, а двѣ остальныя (табл. VII, IX, XIII и XIV) похожи по формѣ, но не сходны въ подробностяхъ ни между собою, ни съ угловыми.

Начнемъ ихъ обзоръ съ правой угловой, такъ какъ она находится въ состояніи лучшей сохранности и удержала даже свою верхушку (табл. V, рис. 2, табл. VIII и XII). Относительно размѣровъ боковыхъ башенъ разногласій нѣтъ: всѣ источники одинаково указываютъ, что онѣ имѣютъ квадратъ въ планѣ, по *три* сажени въ сторонѣ, т. е. иными словами, представляютъ собою обычный девятиаршинный крестьянскій срубъ, удержавшійся и до нашего времени.

Что же касается высоты, то здѣсь показанія разнятся. Вотъ ея размѣры по разнымъ источникамъ:

1) По модели . . . . 4 саж. 2 арш.
2) По чертежамъ 1870 года . . . . 4 саж. 1 арш.
3) По чертежамъ Кипріянова (табл. X) . . . . . 4 саж.
4) По свидѣтельству г. Попова . . . . 3 саж. 2½ арш.

Снова раждается вопросъ, которую-же изъ этихъ высотъ принять за вѣрную?.

Повидимому, правда остается на сторонѣ модели: дѣйствительно, эта башня, какъ видно по снимку съ натуры (табл. VIII), имѣетъ сорокъ два вѣнца [3]). Если мы примемъ высоту модели, то толщина каждаго бревна будетъ $\frac{4 \text{ с. } 2 \text{ ар.}}{42} = 5^1/_3$ вершкамъ.

[1]) Приготовляется къ печати.

[2]) См. Русск. Стар., годъ шестой, стр. 132, изд. второе, Москва 1860 г.

[3]) Можетъ быть, ихъ въ натурѣ и больше, но на снимкѣ за травою не видно.

Если-же примемъ наименьшую высоту, т. е. 3 с. 2½ арш., то толщина бревна опредѣлится въ $\frac{3\text{ с. }2^{1}/_{2}\text{ арш.}}{42}$ т. е., приблизительно, въ $4^{1}/_{3}$ вершка.

Но г. Поповъ утверждаетъ, что «башни построены изъ толстаго 6—7 вершковаго лѣса». Допустимъ, что онъ ошибся и опредѣлилъ на глазъ лѣсъ толще, чѣмъ слѣдуетъ; всетаки же вѣроятнѣе предположить, что онъ ошибся въ такомъ маломъ размѣрѣ на $^{1}/_{2}$ вершка, нежели на $1^{1}/_{2}$, и принять среднюю толщину бревна въ $5^{1}/_{3}$ вершковъ, при которой высота башни будетъ въ 4 саж. 2 арш.

Нижніе пять вѣнцовъ угловыхъ башенъ срублены «въ обло», съ «остаткомъ» (табл. VI, VIII и XII), вѣроятно для большей устойчивости, а всѣ остальные, лежащіе выше,—«въ лапу», т. е. съ обрѣзкою концовъ бревенъ на подобіе усѣченной пирамиды, какъ показано на черт. 34 [1]).

Черт. 34. Рубка „въ лапу“.

При рубкѣ «въ лапу» стѣна заканчивается по угламъ вгладь и бревна «остатковъ» не имѣютъ.

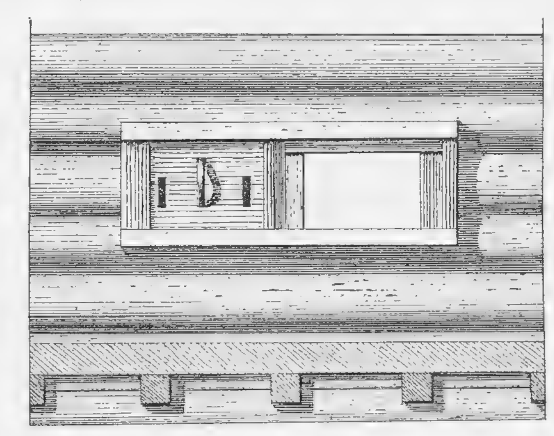
Рубка башенъ «въ лапу» дѣлалась, вѣроятно, съ тою цѣлью, чтобы углы были совершенно гладки и неудобны для влѣзанія въ время приступа. Рубка-же «въ обло съ остаткомъ» предоставила-бы въ этомъ отношеніи нападающему значительныя удобства.

Г. Поповъ говоритъ, что «раскатовъ въ башняхъ, повидимому, не было», но съ этимъ нельзя согласиться, во-первыхъ, въ виду свидѣтельства Щукина, что башни были въ нѣсколько этажей, а во 2-хъ, по сравненію съ устройствомъ башенъ другихъ сибирскихъ городовъ (черт. 29 и 30). Да и, наконецъ, «мосты» должны были быть для размѣщенія живой обороны: вѣдь

[1]) Прилагаемъ этотъ чертежъ для читателей не спеціалистовъ; но, если этотъ строительный пріемъ не будетъ ясенъ изъ нашего чертежа, пусть читатель выдвинетъ ящикъ своего письменнаго стола и посмотритъ соединеніе его стѣнокъ въ углу: оно совершенно аналогично „рубкѣ въ лапу“.

не могли-же защитники держаться на воздухѣ! Поэтому первый «мостъ» или полъ въ башняхъ долженъ находиться на высотѣ пола стѣнной галлереи, второй—на высотѣ «обламовъ» башенъ, а третій—подъ «вышкой».

Лицевой фасадъ башенъ выступаетъ впередъ противъ стѣны на одну сажень, что отлично видно на планѣ (табл. IV) и на перспективныхъ изображеніяхъ (табл. V, черт. 2). Это дѣлалось для того, чтобы съ башни было возможно стрѣлять въ бокъ, т. е. вдоль линіи стѣны, для пораженія непріятеля, когда онъ къ ней подойдетъ вплотную. На модели мы видимъ съ боковъ, т. е. въ тѣхъ стѣнахъ башенъ, въ которыя упираются стѣны ограды, бойницы, размѣщенныя на тѣхъ-же уровняхъ, что и бойницы лицевыхъ сторонъ, потому что и тѣ, и другія находятся въ зависимости отъ уровня одного и того-же пола.

Черт. 35. Отверстіе для орудій. (По Ласковскому).

Обламъ башни, т. е. верхняя выступная стѣнка, основанъ на угловыхъ кронштейнахъ, образованныхъ, каждый, концами трехъ верхнихъ бревенъ стѣны (табл. XII). Онъ имѣетъ совершенно то же назначеніе, что и при оградѣ, т. е. устроенъ для образованія навѣсныхъ бойницъ.

Но въ обламѣ башенъ мы замѣчаемъ съ каждой стороны по одному круглому отверстію, діаметромъ въ 12 вершковъ (табл. VI и XII), чего въ стѣнахъ не видно. Назначеніе ихъ объясняется изображеніемъ совершенно подобныхъ-же башенъ города Торжка XVII вѣка, которое мы видимъ у Пальмквиста (табл. XI, рис. 3): онѣ предназначались для дѣйствія «снаряда огнестрѣльнаго», т. е. для пушечной пальбы.

По поводу бойницъ этого рода Ласковскій говоритъ слѣдующее: «Отверстія для орудій, которыя были большею частію малыхъ размѣровъ, имѣли до 2½ ф. высоты [1]) и до 2 ф. [2]) длины; малая толщина деревянныхъ стѣнъ много содѣйствовала къ увеличенію обстрѣла орудій; въ каждомъ этажѣ башни помѣщалось только по одному орудію» [3]).

[1]) Около 1 арш. 1 в.
[2]) Около 14 вершковъ.
[3]) См. часть I, стр. 98.

На приложенномъ изображеніи (черт. 35) бойницы такого рода показаны у него въ видѣ «волоковыхъ» оконъ, т. е. оконъ, «заволакивавшихся» особыми щитами. Было-ли нѣчто подобное въ бойницахъ Якутскихъ башенъ, можно рѣшить только путемъ осмотра на мѣстѣ, ибо внутренней стороны облама не видно ни на чертежахъ, ни на снимкахъ съ натуры.

Башня покрыта шатровой крышей съ вышкой. Скаты шатра довольно круты и образуютъ съ горизонтомъ уголъ въ 48° по модели, въ 50° по чертежу (черт. 8). Разница здѣсь такъ невелика, что вполнѣ объясняется затруднительностью точнаго обмѣра стараго и покосившагося памятника.

Что-же касается до самаго строительнаго пріема, съ помощью котораго сооруженъ шатеръ, то онъ образованъ не стропилами, какъ-бы сдѣлали теперь, а срубленъ изъ бревенъ вѣнцами, какъ клѣть или изба, и представляетъ собою продолженіе стѣнъ башни, но только съуживающееся кверху. Въ этомъ убѣждаютъ насъ, во 1-хъ, модель, внутри которой въ башняхъ эта рубка ясно видна, а во 2-хъ, примѣры другихъ однородныхъ формъ, каковы, напр., башни въ Красноярскѣ, приведенныя у Ласковскаго (черт. 29 и 30). Срубы эти сверху покрыты тесомъ для болѣе быстраго стока дождевой воды и предохраненія шатра отъ сырости.

Концы тесинъ на 1 арш. 12 вершк. свѣшиваются за плоскость стѣны (табл. XII). Концы ихъ красиво обдѣланы въ видѣ копій, что представляетъ собою одинъ изъ немногихъ образчиковъ украшеній, столь малочисленныхъ въ этой исключительно «полезной» постройкѣ. Цѣльныя части тесинъ свѣшиваются за стѣну на 12 вершковъ, а копья—на 1 арш., что прекрасно видно на среднемъ углу изображенія башни (табл. XII). Копья эти на чертежахъ Якутскаго острога не показаны (черт. 8, 9, 10 и 11), что еще разъ подтверждаетъ ихъ небрежность.

Надъ шатромъ расположена такъ называемая «дозорная вышка», предназначенная для наблюденія за приближающимся непріятелемъ; размѣры ея, разумѣется, обусловливаются ростомъ средняго человѣка: она имѣетъ 2 арш. 12 вершковъ высоты и 1 саж. ширины съ каждой стороны, при 1 кв. саж. площади пола. Между столбами сдѣланы перила обыкновенной полокотной высоты. Иногда такія вышки дѣлались съ наружными балконами (черт. 29), но глухія перила указываютъ на то, что такихъ балконовъ здѣсь никогда не было.

Вышка также покрыта шатрикомъ, скаты котораго еще круче скатовъ нижняго шатра; вокругъ шатрика идетъ такъ называемая «полка» или «по-

лица», т. е. болѣе пологая часть крыши, которая, съ одной стороны, образуетъ навѣсъ и защищаетъ дозорщика отъ косого дождя, а съ другой стороны, уменьшаетъ скорость паденія водяной струи (табл. XII). Концы тесинъ точно также обдѣланы въ видѣ копій.

Замѣтимъ попутно, что крыша ограды была, конечно, обрѣзана по прямой линіи и такой обдѣлки концовъ не имѣла, ибо «катки», т. е. бревна, которыя скатывались съ нея на непріятеля, разумѣется, ихъ обломали-бы; подтвержденіе этого предположенія мы видимъ и на рисункѣ Щукина (рис. 20).

Выходъ на вышку былъ устроенъ въ видѣ люка, занимающаго одну четверть площади пола, т. е. 1½ квадратныхъ аршина, и прорѣзаннаго не посрединѣ, а къ одному углу.

Такъ какъ внутреннее устройство башни давно уже исчезло, то на модели оно не показано, и мы можемъ судить о немъ лишь по соотвѣтствующимъ примѣрамъ (черт. 29).

Происхожденіе шатроваго верха съ дозорной вышкой русскихъ крѣпостныхъ башенъ весьма остроумно объяснено покойнымъ Л. В. Далемъ [1]): онъ выводитъ эти вѣнчанія изъ формы полевыхъ вышекъ, которые и теперь еще въ ходу у казаковъ (черт. 36). Дѣйствительно, сравнивая обѣ формы, мы замѣчаемъ полную аналогію.

Черт. 36.
Казачья сторожевая вышка.
(По Далю).

Любопытно, что при украшеніи московскаго Кремля въ концѣ XVII-го столѣтія, надъ его каменными башнями постройки итальянскихъ мастеровъ XV вѣка были выведены русскими мастерами точно такіе-же каменные шатры съ дозорными вышками, вслѣдствіе чего эти башни представляютъ собою смѣсь формъ: снизу—онѣ итальянскія, а сверху—русскія.

Что касается до сѣверной угловой башни (табл. VI), то она совершенно одинакова съ южной, а потому объ ней распространяться особенно нечего; у нея только исчезла вышка, которая несомнѣнно была, что доказывается всѣми прочими изображеніями (черт. 20, 21 и табл. X). Но эта башня имѣетъ одну особенность, а именно маленькій наружный лазъ въ

[1]) См. его „Историческое изслѣдованіе памятниковъ русскаго зодчества". „*Зодчій*" 1873 г., стр. 5.

12 вершковъ ширины и столько-же высоты, прорѣзанный надъ нижнимъ вѣнцомъ, слѣдовательно у самой земли (см. табл. VI, внизу).

Щукинъ наивно предполагаетъ, что этотъ «лазъ» предназначался для «вылазокъ». Подобное предположеніе—явная нелѣпость: въ 1-хъ, «вылазки» производятся значительною частью гарнизона, настолько сильной, чтобы нанести существенный вредъ непріятелю или даже совсѣмъ его опрокинуть. Спрашивается, сколько же времени нужно «значительному» отряду, чтобы вылѣзти черезъ лазейку въ 12 вершковъ въ квадратѣ? Во 2-хъ, этотъ лазъ ведетъ изъ «города» въ «острогъ», т. е. въ промежутокъ между внутренней и внѣшней оградой. О какихъ-же тутъ вылазкахъ можетъ быть рѣчь? Не можетъ же гарнизонъ крѣпости дѣлать вылазки противъ самого себя! Поэтому скорѣе всего предположить, что этотъ лазъ служилъ для одиночныхъ сношеній «города» съ «острогами», когда, по требованіямъ ночного или военнаго времени, ворота были затворены и заложены брусьями.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію средней или «проѣзжей» башни (табл. V и VII и черт. 10).

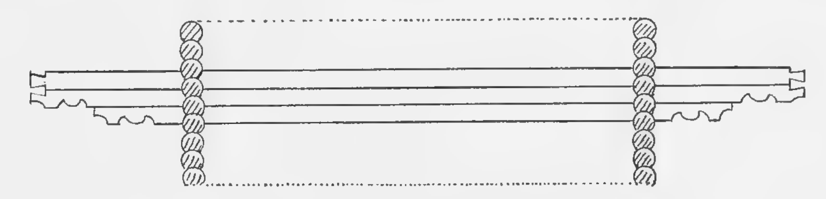
По общему пріему она совершенно повторяетъ угловыя башни, а потому мы его касаться не будемъ, а разберемъ только тѣ особенности, которыми она отличается отъ прочихъ. Первая ея особенность заключается въ томъ, что она не только «оборонительная», но и «проѣзжая», т. е. въ ней есть ворота, которыми обусловливается все остальное, т. е. большіе размѣры башни и оборонительные выступы извнутри и снаружи въ видѣ закрытыхъ балконовъ.

Ворота имѣютъ 4 аршина ширины и столько-же высоты. Они обдѣланы косяками, изъ коихъ два стоячихъ, по бокамъ, и два наклонныхъ верхнихъ, вытесанныхъ въ видѣ лучковой кривой (табл. VII).

Согласно приведенному уже нами свидѣтельству Щукина, ворота закладывались сзади «толстыми брусьями». Ширина башни равняется 4-мъ саженямъ, т. е. на 1 саж. шире угловыхъ. Это увеличеніе ширины сдѣлано какъ для того, чтобы части стѣны по бокамъ воротъ были большей ширины, такъ и для того, чтобы имѣть внутри больше простора при проходѣ войска. Въ вышину точно такъ же, какъ въ ширину, она больше боковыхъ на 1 сажень.

Такъ какъ ворота являются самымъ слабымъ мѣстомъ крѣпости, черезъ которое легче всего ворваться непріятелю, то для обороны ихъ всегда принимались особыя мѣры. Въ средніе вѣка надъ воротами устроивалось такъ называемое «мушараби», т. е. глухой выступающій балконъ, черезъ сквозной полъ котораго можно было избивать вламывающагося врага.

Отзвукъ такихъ мушараби мы находимъ и въ Якутскѣ: съ обѣихъ сторонъ башни надъ воротами были такіе-же выступы, о чемъ можно заключить по уцѣлѣвшимъ до настоящаго времени выступающимъ концамъ бревенъ и по сохранившимся выступамъ на отдѣльно стоящей башнѣ (табл. XIII и XIV). Такъ какъ эти выступы имѣли весьма значительный свѣсъ, то надо было сдѣлать подъ нихъ прочные кронштейны, т. е., иными словами, разрѣшить прежде всего строительный вопросъ. Рѣшенъ онъ былъ якутскими строителями весьма просто: какъ мы видимъ на модели (черт. 37), черезъ двѣ противолежащіи стѣны башни были пропущены бревна длиною 6 саж., которые выступали вслѣдствіе этого на 1 саж. въ каждую сторону. Такихъ бревенъ было пропущено по три, одно надъ другимъ, съ каждой стороны балкона. Разстояніе между обоими выпусками равно двумъ саженямъ, слѣдовательно каждый балконъ имѣлъ двѣ сажени длины и одну

Черт. 37. Устройство кронштейновъ выступовъ башни.

ширины, т. е. представлялъ собою площадь въ двѣ квадратныхъ сажени. Нижнее бревно кронштейновъ немного короче двухъ верхнихъ, въ концахъ которыхъ видны слѣды «рубки въ лапу» (черт. 37), служившей для соединенія съ продольными, фасадными бревнами балкона, на которые опиралась его лицевая стѣна.

Бревна снизу обтесаны по нѣкоторому профилю, состоящему изъ кривыхъ полукруга и четверти круга и происходящему несомнѣнно отъ врубки «въ обло». Въ общемъ онъ представляетъ собою довольно прихотливую форму, какъ это видно на шаблонѣ (черт. 38), и является *вторымъ* образчикомъ украшенія въ постройкѣ острога, послѣ коньевидныхъ концовъ кровельнаго теса башенъ.

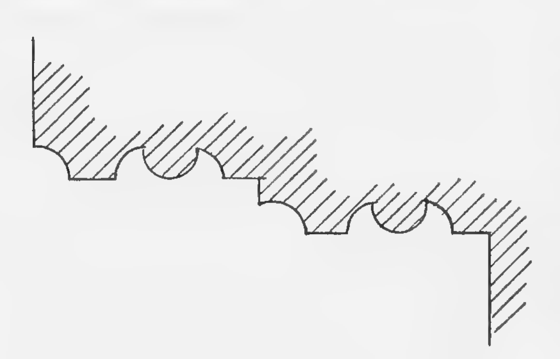
На эти балконы ведутъ изъ башни очень небольшіе дверные проёмы (табл. VII); дверь на наружный балконъ имѣетъ 1 арш. 10 вершк. высоты, а дверь на внутренній балконъ—1 арш. 14 вершк. высоты и 1 арш. 2 в. ширины.

Но пороги этихъ дверей расположены значительно выше пола балконовъ съ такимъ разсчетомъ, что верхняя перекладина колоды приходится на

высотѣ 2 арш. 10 вершк., слѣдовательно даетъ возможность входить почти не наклоняясь и лишь сильно поднимая ногу, чтобы перешагнуть высокій порогъ.

Выходы-же изъ башни на стѣны (табл. V, рис. 2, средняя башня) были значительно больше и имѣли 2 арш. 12 вершк. ширины и 2 арш. 4 в. высоты. Это объясняется тѣмъ, что черезъ башню на стѣну выходило гораздо большее число защитниковъ, нежели на оборонительные выступы воротъ.

Чтобы покончить съ разсмотрѣніемъ этой башни, намъ остается еще указать, что тесовая крыша ея покрыта по ребрамъ отдѣльными тесинами, чтобы предохранить верхніе торцевые концы кровельнаго тёса отъ гніенія, какъ это видимъ на модели.

Черт. 38. Шаблонъ кронштейна.

Намъ остается теперь лишь разсмотрѣть послѣднюю, стоящую отдѣльно башню, которая обозначена буквой *г* на планѣ г. Попова (табл. IV). Г. Поповъ полагаетъ, что она принадлежала той-же оградѣ, какъ и три остальныя башни; мы уже мелькомъ замѣтили по поводу этого предположенія, что оно невѣрно [1]). Приведемъ теперь соотвѣтствующія доказательства.

Мы уже видѣли, что Якутскій острогъ имѣлъ двѣ ограды: одну внутреннюю, въ видѣ рубленой стѣны, а другую внѣшнюю, состоявшую изъ частокола. Всѣ данныя говорятъ за то, что разсматриваемая нами башня принадлежала именно этой внѣшней оградѣ. На черт. 11-мъ, фасада башни *г* [2]), мы видимъ слѣва тынъ или частоколъ; то же самое мы замѣчаемъ и на ея фотографіи (табл IX). Итакъ, первыя три башни соединены между собою рубленою стѣною (табл. V), а башня *г* была соединена съ сосѣдними частоколомъ.

На это можно возразить, что стѣна могла быть сломана и что указанные нами остатки частокола могли быть позднѣйшаго происхожденія. Но мы находимъ опроверженіе этого предположенія въ самомъ памятникѣ: если къ башнѣ *г* нѣкогда примыкала стѣна, то она была бы срублена вмѣстѣ съ нею, какъ мы это отлично видимъ на модели и на фотографіи лѣвой угловой башни

[1]) Стр. 37.

[2]) См. планъ г. Попова: табл. IV.

(табл. VI); а въ такомъ случаѣ послѣ разборки стѣны на боку башни должны бы оставаться торцы обрубленныхъ бревенъ или вообще какіе-либо слѣды примыкавшей стѣны, которые мы такъ ясно видимъ на правой угловой башнѣ (табл. XII); между тѣмъ на лѣвой, этой первой башнѣ, которая вышла на фотографіи (табл. XIV), мы никакихъ слѣдовъ не замѣчаемъ: стѣна совершенно чистая и гладкая, что можетъ быть лишь въ томъ случаѣ, если около нея начиналась не стѣна, а забитый въ притыкъ частоколъ.

То же самое подтверждаютъ и древнія изображенія Якутска. На чертежѣ Ремезова (черт. 4 и 15) мы видимъ, что самую *западную* часть стѣны [1]), т. е. самую крайнюю въ смыслѣ конца города, составляетъ тынъ или частоколъ. А на академической гравюрѣ (табл. III, рис. 1) точно такъ же отъ лѣвой крайней башни, которая приходится тамъ между мачтами двухъ лѣвыхъ барокъ, направо по горизонту тянется частоколъ. Наконецъ, то-же самое утверждаетъ и Щукинъ: «Вся крѣпость, говоритъ онъ, на разстояніи ружейнаго выстрѣла обнесена была высокимъ частоколомъ или палисадомъ съ воротами и башнями. *Отъ этого укрѣпленія остались теперь только одни ворота*» [2]).

Но самое неоспоримое доказательство принадлежности разсматриваемой нами башни къ внѣшней оградѣ мы находимъ на планѣ Т.-С. К—та (черт. 19). Мы видимъ, что тамъ не показана средняя башня восточной стороны *внутренней* ограды, а слѣдовательно ея уже не было во время составленія плана; но за то показана средняя башня восточной стѣны внѣшней ограды, что подтверждается и описью плана, гдѣ упоминается, во 1-хъ, «замкъ внутри крѣпости о 6-ти башняхъ», а во 2-хъ, «старая и вѣтхая о 8-ми башняхъ крѣпость деревянная» (черт. 18 и 19). Отсюда мы заключаемъ, что въ началѣ XIX вѣка, т. е. во время составленія плана, въ «острогѣ» сохранились всѣ башни, а въ «городѣ» — не всѣ. Но спрашивается, если средней башни восточной стѣны ограды не было уже въ началѣ XIX столѣтія, то откуда-же она могла явиться въ 70-хъ годахъ того-же столѣтія, когда описывалъ Якутскій острогъ г. Поповъ? Очевидно, что башня *г* есть средняя башня восточной стѣны *внѣшней* ограды, которая была цѣла въ началѣ XIX вѣка.

Опредѣливъ ея мѣсто въ общемъ расположеніи острога, разсмотримъ теперь ея особенности. Башня эта (табл. IX) представляетъ собою въѣздъ въ острогъ, а потому и отличается полнѣйшимъ сходствомъ съ «проѣзжей» башней «города»

---

[1]) При его оріентировкѣ—*верхнюю*.

[2]) См. у Щукина, стр. 199.

(табл. VII). Та же ширина сторонъ, т. е. 4 саж., и тѣ-же выступы (балконы) съ обѣихъ сторонъ надъ воротами; только высота ниже: она равняется высотѣ угловыхъ башенъ «города» (табл. VI и VIII), вслѣдствіе чего башня имѣетъ очень призёмистый видъ, что особенно замѣтно на снимкѣ съ натуры (табл. IX). Кромѣ того, она отличается большею сохранностью. Такъ, напр., на ней мы видимъ еще два выступа надъ воротами (табл. XIII и XIV). Затѣмъ, въ 70-хъ годахъ на ней была «дозорная вышка» (табл. IX), которая уцѣлѣла и до нашего времени [1]).

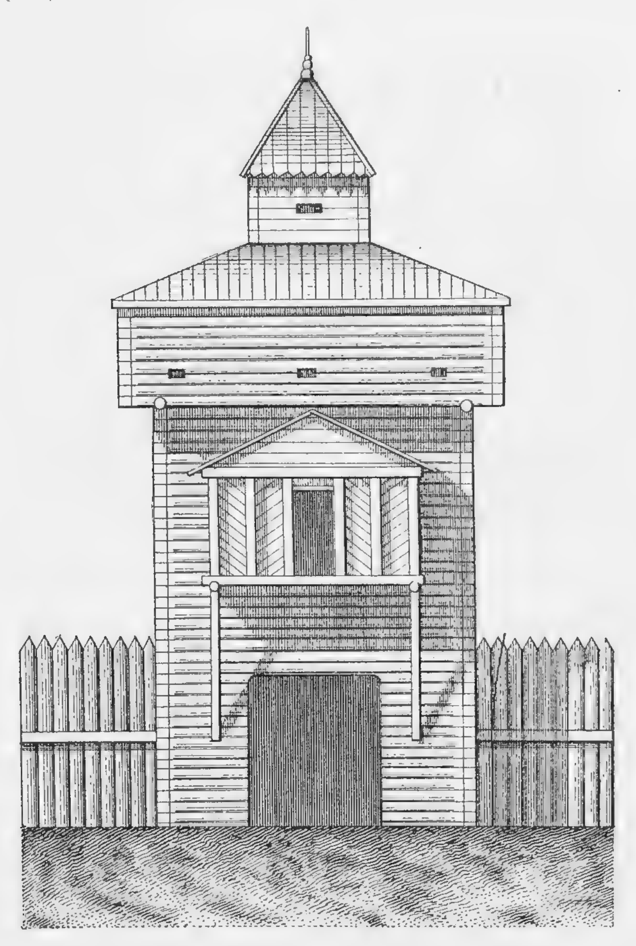
Наиболѣе любопытными частями башни являются ея надвратные выступы, изъ коихъ одинъ обращенъ къ наружной сторонѣ ограды (табл. IX и XIV), а другой—ко внутренней (табл. XIII). Каждый изъ нихъ имѣетъ свое отдѣльное устройство.

Подъ эти выступы выпущено всего только *по два бревна*, что прекрасно видно на табл. XIV-й, а не по *три*, какъ въ средней башнѣ города (черт. 37). Это, по всей вѣроятности, объясняется тѣмъ, что выступы разсматриваемой нами «острожной« башни—легкіе, досчатые, какъ это видно по пазамъ на ея лицевыхъ стѣнахъ, обозначеннымъ на модели; пазы эти прекрасно видны на снимкѣ съ натуры (табл. VII). Въ нихъ входили обдѣланные шипами концы стѣнныхъ бревенъ выступа.

Внутренній выступъ (табл. IX и XIV) имѣетъ 3½ аршина высоты и покрытъ двускатной тесовой крышей. На подобіе старинныхъ сѣней жилыхъ домовъ онъ рубленъ «въ столбъ» и забранъ «въ косякъ», т. е. состоитъ изъ столбовъ, схваченныхъ сверху насадкою, промежутки между которыми заполнены досками, расположенными наклонно. Между столбами на высотѣ 1 арш. 8 вершк. идетъ брусъ, который въ боковыхъ отдѣленіяхъ фасада поддерживается посрединѣ стойками. Ниже этого бруса, между стойками и столбами, верхи косыхъ досокъ прикрыты горизонтальной доской, вырѣзанной по двумъ смежнымъ четвертямъ окружности (табл. IX). Это—обычный русскій пріемъ обдѣлки подоконныхъ стѣнокъ домовыхъ сѣней и церковныхъ папертей. Здѣсь онъ является *третьимъ* образцомъ украшенія послѣ концовъ кровельнаго теса и шаблона кронштейновъ. Щипецъ закрытъ также досками «въ косякъ», расположенными параллельно скатамъ крыши. Боковыя подраздѣленія были выше бруса, повидимому, забраны досками «стоймя», какъ мы можемъ заключить это на основаніи одной уцѣлѣвшей доски, которая видна на снимкѣ съ натуры (табл. IX). Какъ было закрыто среднее отдѣленіе, мы не знаемъ, ибо

[1]) Головачевъ, „Сибирь", стр. 380, рис. 91.

ни на модели (табл. XIV), ни на снимкѣ съ натуры никакихъ слѣдовъ этого не видимъ. Но, судя по аналогичнымъ примѣрамъ, напр. по башнѣ въ г. Илимскѣ, представленной у Ласковскаго (черт. 39), можно думать, что для удобства пораженія непріятеля оно закрывалось какими-нибудь съемными или створными щитами.

Черт. 39. Проѣзжая башня въ г. Илимскѣ.
(По Ласковскому).

Боковыя стѣнки наружнаго выступа были, вѣроятно, глухія и устроены на подобіе передней, но раздѣлены только на два, а не на три отдѣленія (табл. IX и XIV).

Подъ углами выступа стоятъ двѣ подпорки (табл. IX), подставленныя конечно впослѣдствіи, ибо такая хилая конструкція немыслима въ оборонительномъ сооруженіи: если-бы выступъ держался только на двухъ столбахъ, то непріятелю стоило ихъ подрубить, чтобы весь выступъ обвалился. Оче-

видно, слѣдовательно, что эти подставки подведены какимъ-нибудь сердобольнымъ обывателемъ, замѣтившимъ, что сгнившія выпускныя бревна могутъ переломиться и тогда весь выступъ рухнетъ.

Противоположный наружный выступъ, т. е. обращенный къ посаду, мы видимъ только на модели (табл. XIII). Онъ имѣетъ тѣ-же размѣры въ длину, что и балконъ съ внутренней стороны ограды, но въ ширину, какъ это ни странно, гораздо уже его и выдвигается всего на 1 саж. 8 в.; а между тѣмъ у «проѣзжей» башни города оба балкона имѣютъ одинаковые выступы (черт. 37).

Строительные пріемы въ немъ тѣ-же самые, что и во внутреннемъ выступѣ, т. е. брусчатый скелетъ съ промежуточными заполненіями, вверху, въ щипцѣ, досчатыми, а въ стѣнахъ—изъ балясника. Эта отдѣлка очень красива и живописна, но несомнѣнно *позднѣйшаго происхожденія*: трудно себѣ представить, чтобы строители острога рѣшились заполнить обращенную къ непріятелю стѣнку балясинками, изъ коихъ каждую можно перешибить ударомъ кулака; кромѣ того, нельзя допустить, чтобы тонкій балясникъ не сгнилъ въ теченіе двухсотъ двадцати лѣтъ. Наконецъ, находясь снаружи и будучи предназначенъ для главной обороны воротъ, выступъ долженъ былъ вмѣщать наибольшее число защитниковъ, а слѣдовательно ни въ какомъ случаѣ не могъ быть меньше внутренняго!

Но хотя балясникъ и поздній, всетаки-же мы должны считать его образцомъ украшенія, который здѣсь является *пятымъ* по счету. Затѣмъ скаты крыши этого выступа обшиты досчатыми полотенцами съ вырѣзными рубчиками на нижнемъ краѣ и съ криволинейнымъ срѣзомъ концовъ сверху. Это уже *шестой* образецъ украшеній.

Къ этому выступу-сѣнямъ, вѣроятно, вела наружная лѣстница, что мы заключаемъ по врубкѣ, которая ясно видна на правомъ «выпускномъ» концѣ нижняго бруса выступа (табл. XIII); въ эту врубку входила «лапа» (см. черт. 34) поперечнаго бруса, служившаго верхней ступенью лѣстницы. Кромѣ этой врубки никакихъ слѣдовъ больше не осталось.

Но если наше предположеніе вѣрно и если такая лѣстница существовала, то она во всякомъ случаѣ была позднѣйшаго происхожденія. Немыслимо допустить, чтобы съ *наружной* стороны тыновой ограды могла быть незащищенная лѣстница, которая открывала-бы непріятелю свободный проходъ внутрь башни, а слѣдовательно и внутрь самой крѣпости!

По поводу этого предположенія невольно раждается вопросъ: кому понадобилась эта передѣлка и зачѣмъ она была сдѣлана?

Какихъ-либо прямыхъ указаній ни въ одномъ изъ приведенныхъ нами источниковъ мы не нашли, но есть нѣкоторые косвенные намёки. Такъ, напр., изъ «Росписного списка 1759 года» мы узнаемъ, что со стороны базара, т. е. съ внѣшней стороны острога, на этой башнѣ былъ образъ Нерукотвореннаго Спаса съ отдѣльными образами Богоматери и Іоанна Крестителя по бокамъ [1]) или такъ называемый «Деисусъ»; а съ внутренней стороны, обращенной къ среднему укрѣпленію,—образъ «Богоматери Живоносной Источницы». Теперь этихъ образовъ, какъ видно на снимкахъ съ натуры, на башнѣ уже нѣтъ (табл. IX).

Затѣмъ изъ свѣдѣній, сообщенныхъ Киренскимъ окружнымъ исправникомъ С. В. Поповымъ [2]), мы узнаемъ, что въ Спасской башнѣ г. Илимска находилась «дцка», на которой была прежде написана икона, очевидно, снятая снаружи и помѣщенная внутрь башни.

Все это, вмѣстѣ взятое, наводитъ на мысль, не было-ли чего-нибудь подобнаго въ Якутскѣ, т. е. не были-ли перенесены внутрь башни наружныя иконы, которыя указаны въ «Спискѣ» 1759 года, въ то время, когда башня эта утратила свое военное значеніе? Когда-же она превратилась такимъ образомъ въ часовню, то потребовался къ ней свободный доступъ, который и могъ быть устроенъ съ помощью наружной лѣстницы, расположенной съ *внѣшней* стороны острога, иными словами, *со стороны посада*, откуда больше всего шелъ народъ. При этомъ попутно могъ быть передѣланъ и самый фасадъ выступа, на которомъ старая «косая» заборка досками была замѣнена балясинами.

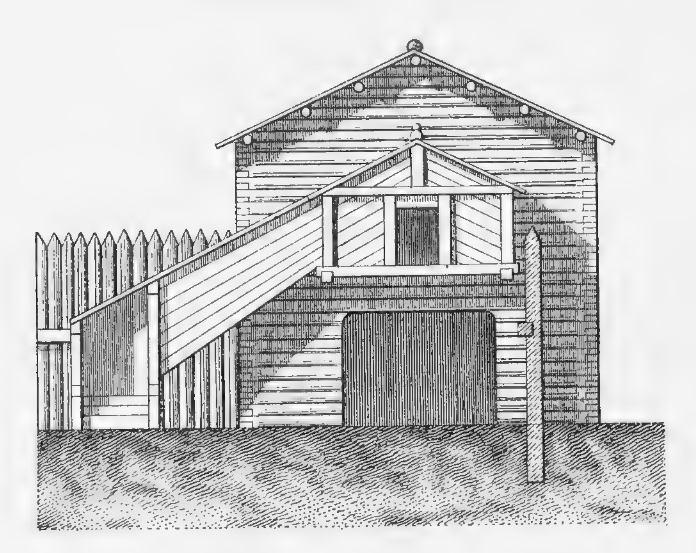
Конечно,—это одно только предположеніе, хотя и весьма правдоподобное, вѣрность котораго, разумѣется, можетъ быть провѣрена только на мѣстѣ.

Чтобы покончить съ разсмотрѣніемъ этой башни, остается рѣшить вопросъ, какъ-же была первоначально устроена лѣстница для всхода въ эти выступы? Отвѣтъ мы находимъ въ самыхъ памятникахъ и говоримъ: или съ внутренней стороны ограды, какъ, напр., въ Никольской башнѣ города Илимска (черт. 40), или внутри самой башни, какъ мы это видимъ въ Спасской башнѣ того-же города (табл. XV, черт. 1). Но который-же изъ этихъ способовъ былъ примѣненъ въ Якутскѣ? На это можетъ отвѣтить только изслѣдованіе памятника на мѣстѣ. Здѣсь мы можемъ, пока, установить лишь то

---

[1]) Это мѣсто „списка“ будетъ приведено ниже (стр. 105).

[2]) Будутъ приведены ниже.

Черт. 40. Никольская башня въ г. Илимскѣ.
(По Ласковскому).

положеніе, что съ точки зрѣнія успѣшной «обороны» первое расположеніе гораздо выгоднѣе второго.

И дѣйствительно, представимъ, что лѣстница находится внутри башни и что непріятель уже вломился въ первыя, т. е. наружныя ворота. Что тогда будетъ съ защитниками выступа? Останутся-ли они въ выступѣ, или сбѣгутъ внизъ по лѣстницѣ внутрь башни, они все равно попадаютъ въ руки превосходныхъ силъ непріятеля и слѣдовательно обречены на гибель. А что будетъ съ ними, если лѣстница выходитъ черезъ задній выступъ внутрь ограды? Тогда защитники выступа могутъ сбѣжать по лѣстницѣ и присоединиться къ гарнизону, чтобы встрѣтить врага у внутреннихъ воротъ башни со стороны «города».

Разница въ положеніяхъ громадная: въ первомъ случаѣ они неизбѣжно являются плѣнниками, а во второмъ—свободными бойцами, усиливающими ряды защитниковъ. Слѣдовательно, второе устройство лѣстницы гораздо болѣе цѣлесообразно съ точки зрѣнія обороны. Но мы уже видѣли, что Якутскъ является самой совершенной изъ старыхъ сибирскихъ крѣпостей,—значитъ, намъ слѣдуетъ предположить въ немъ наилучшіе оборонительные пріемы, т. е., иными словами, считать болѣе вѣроятнымъ устройство наружной лѣстницы башни съ внутренней стороны ограды, какъ въ Никольской башнѣ г. Илимска (черт. 40).

Но, опять таки повторяемъ, этотъ вопросъ можетъ быть рѣшенъ только на мѣстѣ.

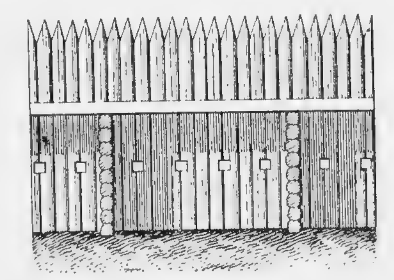
Изъ другихъ особенностей въ этой башнѣ мы должны указать на угло-

вые кронштейны облама и его среднія прямоугольныя отверстія, расположенныя со всѣхъ сторонъ (табл. XIV).

Кронштейны срублены изъ концовъ четырехъ бревенъ и потому гораздо прочнѣе башенныхъ кронштейновъ «города» (табл. VIII). Что-же касается до отверстій въ обламѣ, то они имѣютъ форму не круглую, какъ въ обламахъ «городовыхъ» башенъ, а прямоугольную, длиною около 1 арш. 4 вершк. и высотою около 1 арш. Они были окружены какой-то рамой, слѣды которой ясно видны и на снимкѣ съ натуры и на модели (табл. IX и XIII), но какая она была и для чего служила, сказать точно теперь врядъ-ли возможно, хотя, быть можетъ, она представляетъ собою слѣдъ обдѣлки такого «волокового» окна, образецъ котораго даетъ Ласковскій (черт. 35).

На этой-же башнѣ уцѣлѣла еще, какъ мы уже говорили, «дозорная вышка». Она особено любопытна по формѣ угловыхъ столбиковъ, которые вырѣзаны на подобіе вспученныхъ балясинокъ съ перехватами въ видѣ двойныхъ рѣзныхъ жгутовъ (табл. IX) и представляютъ собою форму весьма типичную для нашего деревяннаго зодчества и нерѣдко встрѣчаемую въ столбахъ нашихъ сѣверныхъ деревянныхъ церквей. Вышка заканчивалась сверху шпилѣчкомъ или «тычкой» съ перехватомъ по срединѣ въ видѣ шарика (ib.). Эти двѣ формы, т. е. балясины и тычка, являются *двумя послѣдними* формами украшенія, которыя мы можемъ прибавить къ *шести* уже указаннымъ нами въ разныхъ частяхъ Якутскаго острога.

На чертежѣ этой башни мы видимъ слѣва остатки тына или частокола (черт. 11), замѣчаемые также на снимкѣ съ натуры (табл. IX). Это—остатки бывшей стѣны острога, которая теперь, судя по чертежу, имѣетъ около 4 арш. высоты. Но какою она была первоначально, какъ располагалась ея живая оборона, былъ-ли впереди ровъ, или нѣтъ и т. д., объ этомъ теперь ничего сказать нельзя. Поэтому намъ остается лишь привести аналогичные примѣры. У Ласковскаго изображено устройство стѣнъ и расположеніе живой обороны въ Илимскомъ острогѣ (черт. 28 и 41), причемъ впереди показанъ ровъ. Но ровъ этотъ, повидимому, не всегда дѣлался, ибо на изображеніи г. Пелыма (табл. II, рис. 1) мы рва не видимъ и частоколъ забитъ прямо въ ровное мѣсто. Во всякомъ случаѣ эти остатки частокола только под-

Черт. 41. Тыновая ограда съ внутренней стороны. (По Ласковскому).

тверждаютъ приведенныя нами выше описанія устройства *внѣшней* ограды Якутской крѣпости.

Таковы особенности Якутскаго «острога», какъ военно-оборонительнаго сооруженія. Изъ сдѣланнаго нами обзора мы можемъ заключить прежде всего, что онъ представляетъ собою типъ наиболѣе совершенный изъ всего того, что раньше строилось въ этомъ родѣ въ Сибири, по крайней мѣрѣ, поскольку мы можемъ судить по многочисленнымъ изображеніямъ Ремезова. Объ изображеніяхъ Витзена мы не говоримъ, такъ какъ они, за исключеніемъ Якутска и Верхотурья, представляютъ собою, какъ мы уже указывали, лишь грамотнѣе нарисованныя повторенія чертежей Ремезова. А затѣмъ является самъ собою и другой выводъ, что Якутскій острогъ вполнѣ соотвѣтствовалъ цѣли своего сооруженія, ибо его оборонительныя свойства настолько превышали силу нападенія того непріятеля, на котораго онъ былъ разсчитанъ, что онъ ни разу не былъ имъ взятъ.

Отсюда ясно, что строители его были люди, которые стояли на высотѣ своей задачи и съ весьма скромными средствами сумѣли достигнуть намѣченной цѣли.

Бо́льшаго-же отъ сооруженія исключительно «полезнаго» назначенія, конечно, и требовать нельзя!

Разсматривая до сихъ поръ Якутскій острогъ, какъ «крѣпость», мы постоянно имѣли въ виду слабаго противника, т. е. нестройныя орды сибирскихъ дикарей. Но заканчивая теперь его разсмотрѣніе въ «крѣпостномъ» смыслѣ, мы не можемъ не указать на то обстоятельство, что подобныя деревянныя укрѣпленія или «города» были настолько сильны, что могли сопротивляться не только дикарямъ, но и наилучшимъ европейскимъ арміямъ, располагавшимъ могучей артиллеріей. Такъ, напр., мы знаемъ, что въ началѣ XVII в. шведскія войска, посланныя Делагарди, несмотря на самыя отчаянныя усилія, не могли взять Тихвинскаго монастыря, обнесеннаго деревянной стѣною. Значитъ, такія крѣпости были не шутка!

IV.

Мы уже говорили, что въ началѣ XVIII вѣка военное значеніе Якутска падаетъ, а вмѣстѣ съ этимъ падаетъ и значеніе его «острога», который является затѣмъ уже совершенно безполезнымъ въ виду твердаго водворенія въ краѣ гражданской власти.

Мы прослѣдили исторію основанія острога и постепеннаго преобразованія его въ крѣпость того вида, остатки которой дошли до насъ. Любопытно поэтому прослѣдить теперь, если можно, постепенное видоизмѣненіе какъ его самого, такъ и его обстановки вплоть до того состоянія, въ которомъ онъ находится въ настоящее время.

Исполнить эту задачу возможно до извѣстной степени съ помощью тѣхъ письменныхъ данныхъ, которыя дошли до насъ отъ самаго начала и средины XVIII столѣтія и отъ первой четверти XIX столѣтія, а также на основаніи оффиціальныхъ данныхъ о состояніи острога въ послѣдней четверти XIX вѣка, имѣющихся въ дѣлахъ Императорской Археологической Коммиссіи.

Мы уже приводили показанія «Вѣдомости 1701 года» о внѣшней формѣ и состояніи острога на рубежѣ XVII и XVIII столѣтій, изъ которыхъ ясно видно, что въ 1698-мъ году Якутскій острогъ былъ, какъ и слѣдовало ожидать, еще въ полной исправности [1]).

Та же вѣдомость дастъ намъ весьма любопытную опись орудій и оружія, хранившагося тамъ въ это время.

Вотъ эта опись:

«Да въ городѣ и острогѣ наряду: пушка мѣдная вѣсомъ 19 пуд.; пушка мѣдная вѣс. 17 пуд. 20 фунт., ядромъ въ 4 фунта; пушка мѣдная вѣсъ 11 пудъ; пушка мѣдная вѣс. 11 пудъ безъ четв.; пушка мѣдная ядромъ въ пол.-4 фунта; пушка мѣдная полковая ядромъ въ 3 фунта безъ $^1/_4$; пушка мѣдная у ушей попорчена и роздута, ядромъ фунтъ съ $^1/_4$, и та пушка, по сказкѣ приказные избы старыхъ подъячихъ и Якуцкихъ людей старожиловъ, привезена въ Якуцкой въ прошломъ во 154 г. попорчена и роздута и нынѣ стрѣлять изъ неѣ невозможно, а починить въ Якуцкомъ некому; а тѣ 7 пушекъ въ станкахъ на колесахъ, да къ тѣмъ пушкамъ 300 ядеръ желѣзныхъ и каменныхъ;—16 пищалей гладкихъ Московской присылки, въ томъ числѣ 7 пищалей попорчены; 4 пищали гладкихъ Московской же присылки, 97 мушкетовъ съ замками, въ томъ числѣ 15 мушкетовъ безъ замковъ, и у тѣхъ мушкетовъ замки попорчены и стрѣлять изъ нихъ невозможно, а починить въ Якуцкомъ некому; карабинишко выстрѣлокъ; 5 обрывковъ пищальныхъ; 3 знамени тафтяныхъ и дорогильныхъ; 3 сабли старыхъ съ ножнами плохими; 6 пансырей колесчатыхъ старыхъ плохихъ; однѣ наручишки желѣзные плохіе; 6 шишаковъ старыхъ плохихъ; 4 барабана плохихъ.

[1]) См. стр. 47.

Зелейные казны: въ 5 бочкахъ, да въ лагунѣ 33 пуд. 24 фун. съ ½ фун. пороху пушечнаго и ручного, опричь бочекъ и лагуна; 170 пуд. 4 фун. свинцу».

Шестьдесятъ два года спустя мы видимъ, что внѣшность Якутскаго острога уже значительно измѣнилась. Изъ приведеннаго нами выше свидѣтельства «Росписного списка 1759 года» явствуетъ[1]), что въ это время «рубленый городъ» сталъ ветхимъ, и кромѣ того часть его была замѣнена «рубленымъ въ лапу (?) заборомъ» и «двумя каменными стѣнами». Все это несомнѣнно показываетъ, что въ половинѣ XVIII вѣка «острогъ» утратилъ свое значеніе, но за то взяла перевѣсъ «Канцелярія», какъ гражданское учрежденіе, и работа перьевъ и бумаги смѣнила дѣло брони и пищалей.

Относящійся къ этому времени «Списокъ 1759 года» даетъ полную картину всего того, что находилось въ острогѣ, и даже того, что было внутри самыхъ зданій. Эти бытовыя подробности крайне любопытны: онѣ такъ жизненны и такъ характерны для своего времени, что мы считаемъ нужнымъ привести ихъ здѣсь полностью.

«Въ томъ же городѣ, говоритъ «Росписной списокъ 1759 года», въ городовой стѣнѣ отъ проѣзжихъ воротъ канцелярія; при ней сѣни и кладовая сборной ясашной и денежной казнѣ палата каменная, да при той же канцеляріи придѣлана судейская деревянная съ перерубомъ.

Въ судейской канцеляріи св. образовъ: Деисусъ съ окладомъ и съ гривенками сребренными въ деревянныхъ рамахъ; образъ Николая чуд. въ кіотѣ, окладъ риза небольшая сребренными (?) подъ золотомъ.

Да объявленныхъ въ прошломъ 754 г. отъ Якуцкой таможни св. иконъ: образъ Распятіе Господне въ рамахъ, вѣнецъ и гривна сребреные; обр. Пресв. Б—цы окладъ сребренной подъ золотомъ; обр. Казанскіе Б-цы вѣнецъ и гривна сребреные; обр. Спасителя Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, вѣнецъ и гривна сребреныя безъ позолоты; обр. архистр. Божія Михаила, да верх. ап. Петра и Павла, вѣнецъ и гривна сребреные; обр. Николая чуд. Мирликійскихъ, окладъ, вѣнецъ и гривна сребреные подъ золотомъ; обр. Прокопія и Іоанна Великоустюжскихъ чуд. вѣнцы на нихъ сребреные; обр. Іакова Персянина, вѣнецъ сребреной подъ золотомъ; обр. Нерукотвореннаго Спасителя Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, вѣнецъ и гривна сребреные въ кіотѣ; обр. Николая чуд. безъ окладу; у тѣхъ образовъ 2 лампады мѣдные, въ томъ

[1]) См. стр. 49.

числѣ одна жестяная на сапочкахъ (?) желѣзныхъ съ кистьми; обр. Пресв. Б-цы во имя Казанскія на холстѣ съ рамами, при немъ пелена кругомъ красной штофи, средина голубой голи, крестъ прозументу золотнаго.

2 патрета ветхихъ въ однехъ деревянныхъ рамахъ рисованіе по холсту, блаженныя и вѣчной славы достойныя памяти гос. имп. Петра I-го и гос. имп-цы Екатерины Алексѣевны.

Столъ судейской, на немъ сукна краснаго 3 аршина съ половиною; на томъ же столѣ для покрыванія зерцала китайки красной пелощеной 3 аршина 3 чети; чернилица настольная оловянная большая; колокольчикъ мѣдной позывной;—столъ съ приписью подьячаго, на немъ сукна краснаго 2 арш. 2 верш.; сукна жъ краснаго ветхаго 4 арш. 13 верш.;—ящикъ въ немъ ея и. в. сребреныхъ печатей 2: одна гор. Якуцка воевоцкой канцеляріи, другая Якуцкой таможни; въ томъ же ящикѣ содержится вышеписанной кладовой казенной полаты 3 ключа, пороховаго подвала 2 ключа; — зерцало новое на сдѣланномъ троеуголкѣ подъ олифою, по бокамъ рамы вызолоченные сдѣланные въ бытность коллежскаго ассесора и Якуцкаго воеводы Уара Еропкина въ 754 г., на немъ настольныхъ 3 указа писанные гладью: первой 722 г. апрѣля 17, 724 г. генваря 21, 22 чиселъ, на верху того зерцала на 1-й сторонѣ образы Бориса и Глѣба, на другой—Николая чуд., на 3-й—Деисусъ; оные указы въ рамахъ на верху орелъ мѣдной, и оной орелъ вызолоченъ.

Соборное уложенье ветхое Московской печати, состоявшееся 7151 г. генваря 7 д.;—копія съ таможенныхъ и кабацкихъ 207 г. ноября 12 д. статей въ переплетѣ и оклейкѣ . . . . ; Генеральный регламентъ, да военной уставъ съ процессами и съ пріуготовленіемъ къ маршу, полученные ноября 30 д. 758 г. при указѣ изъ Иркуцкой губ. канцеляріи въ одной книгѣ».

Мы сдѣлали значительное сокращеніе въ этомъ перечнѣ дѣлъ, ибо это все печатные документы XVIII вѣка, представляющіе собою весьма мало любопытнаго, въ родѣ «Печатной инструкціи Канцеляріи конфискаціи 730 года» или «Копіи съ Камеръ-Коллежскаго регламента безъ закрѣпы, въ которомъ 8 пункта не вписано» и т. п.

Но затѣмъ продолженіе описи, касающееся предметовъ домашняго обихода, опять полно интереса.

Вотъ оно:

«Ковшъ мѣдной обжигальной винной и при томъ клеймо желѣзное;—

5 подсвѣшниковъ мѣдныхъ, въ томъ числѣ 2 большихъ; двои щипцы — одни мѣдные, другіе желѣзные.

Въ оной судейской 7 окончинъ слудяныхъ, въ томъ числѣ 3 окончины обиты бѣлымъ желѣзомъ, а 4 простыхъ шитыхъ.

Въ перерубѣ подьяческой камерѣ св. образовъ: образъ Спасителевъ, вѣнецъ и гривна сребреные подъ золотомъ; обр. Николая чуд., окладъ по полямъ, вѣнецъ и гривна сребреные подъ золотомъ; обр. Богоматери, вѣнецъ и гривна подъ золотомъ; обр. Спасителевъ Нерукотворенной; обр. Ангела хранителя.

По подьяческимъ столамъ подсвѣшниковъ желѣзныхъ 12; шипцовъ желѣзныхъ 4.

Въ ономъ же перерубѣ 6 окончинъ слюденыхъ ветхихъ. Въ каменной подьяческой полатѣ: образъ Николая чуд. въ створахъ, окладъ по полямъ, вѣнецъ и гривна сребреные; обр. Николая чуд. съ житіемъ; 2 обр. въ томъ числѣ одинъ Казанскія Б-цы, другой Николая чуд. и прочихъ святыхъ; обр. Николая чуд.; обр. св. муч. Кирика и Улиты; распятіе литое изъ олова небольшое; обр. Петра ап. на полотнѣ; обр. Входа во Ерусалимъ, писанъ на полотнѣ, обои въ рамахъ. Во оной же каменной по повытьямъ желѣзныхъ подсвѣшниковъ 12, въ томъ числѣ одинъ двойной; шипцовъ желѣзныхъ трои; 8 окончинъ слюденыхъ ветхихъ.

Надъ дверьми сѣней образъ Спасителевъ Нерукотворенной за слюдою, пелена по краямъ красной камки, въ срединѣ отласъ черной, крестъ на томъ отласѣ изъ позументу золотого, подкладъ китайки лазоревой, лампада мѣди красной луженой съ кистью шелковой;—у тѣхъ сѣней однѣ двери желѣзныя, другія деревянныя».

Покончивъ съ внутреннимъ содержаніемъ «канцеляріи», «Списокъ» переходитъ къ другимъ зданіямъ острога.

У *кладовой палаты* 2 окна съ затворами желѣзными, съ воиной стороны двери желѣзныя, внутри двери рѣшетчеты деревянны; надъ дверьми той палаты образъ Богоматери Всѣхъ скорбящихъ, при немъ 3 вѣнца сребреные подъ золотомъ.

Въ томъ же городѣ казенной *воевоцкой домъ* деревянной ветхой, а въ томъ домѣ строенія 3 горницы небольшія; при нихъ 10 окончинъ слюдяныхъ; въ той же стопѣ мелкихъ избъ 4, въ томъ числѣ одна малая, въ нихъ никакихъ окончинъ не имѣется; оной домъ крытъ тесомъ, кругомъ крышка съ перилами.

Позади того двора *поварная изба*, вторая людская. Въ томъ же городѣ *Щетная изба*; въ ней образъ св. пророка Іоанна Предтечи обр. разныхъ ликъ мѣдной въ створахъ;—въ сѣняхъ чуланъ.

Караульная изба съ перерубомъ, а въ перерубѣ казенка; въ нихъ 2 печи, у нихъ задвижки желѣзныя; образъ Богоматери Знаменія поновленное, вѣнцы и гривенки сребреные въ створѣ; обр. Николая чуд. поновленной же, вѣнецъ и гривна сребряные въ створахъ.

Подлѣ караулки надъ проѣзжими воротами въ городовой крѣпости образъ Нерукотворенной, на другой сторонѣ образъ Ангела хранителя.

Кладовыхъ 4 анбара ветхіе, крышки новыя построены въ бытность полковника Жеребятникова, въ томъ числѣ 3 съ перилами».

Далѣе слѣдуетъ описаніе внѣшней ограды или собственно «острога», которое мы уже приводили [1]), а потому мы его пропускаемъ и переходимъ прямо къ описи образовъ и другихъ принадлежностей, находившихся на башняхъ

«Изъ оныхъ на передней башнѣ къ базару, говоритъ «Списокъ», Нерукотворенной Спасителевъ мѣстной образъ, убрусъ камки красной, пелена по краямъ алой, въ срединѣ желтой камки, крестъ изъ позументу золотнаго;—при томъ же образѣ на особливыхъ цкахъ образа Богоматери и Іоанна Крестителя, при нихъ 3 лампады мѣдныхъ; — а на другой городовой сторонѣ образъ мѣстной Богоматери Живоносной Источницы, пелена камки желтой ветхая, въ срединѣ крестъ позументу золотнаго, ветхая жъ лампада жестяная; — у оной же башни въ воротахъ 2 засова желѣзныхъ и для запиранія 2 замка съ ключами, а одинъ большой, а у задней проѣзжей башни одинъ засовъ желѣзной съ замкомъ и съ ключемъ».

Затѣмъ «Списокъ» снова обращается къ другимъ зданіямъ.

«Возлѣ оной башни *караулка*, въ ней чуланъ съ печью; 4 анбара кладовыхъ, 2 угольныхъ; — одна кузница, въ ней 2 горна; одна наковальня, двое мѣхи.

Да сдѣланныя въ бытность воеводы полковника Жеребятникова *тюремныхъ 2 избы* съ перерубами, въ нихъ 4 печи, кругомъ ихъ стоячій новой острогъ.

Сверхъ того, внѣ того острогу стоящая *одна изба* съ перерубомъ пустая, которая перевезена для постройки щетной внутрь города.

Въ вышеписанной *судейской каморѣ* объявленныхъ изъ Якуцкой та-

---

[1]) См. стр. 49.

можни 6 гирь мѣдныхъ вѣсомъ 2 пуда, цѣна 40 руб.;—въ судейской же каморѣ въ особливомъ ящикѣ содержатся за печатью присутствующаго нѣкоторыя секретныя дѣла.

Соленые верхніе *магазеи* при берегу Лены рѣки числомъ 7 анбаровъ, кругомъ ограда стоящая ветхая, за оградою караулки съ перерубомъ; нижніе позадь Спаскаго монастыря въ полѣ числомъ 17 анбаровъ, кругомъ ограда лежачая, за оградою одинъ анбаръ, всего 18.

Аршинъ для мѣру рекрутъ за печатью Иркуцкой канцеляріи за скрѣпою г-на генералъ-маіора Вульфа.

Цейхаузъ выкладенъ изъ кирпича, въ которомъ содержится казенной порохъ и свинецъ и прочее» [1]).

Таково было состояніе Якутскаго острога въ половинѣ XVIII вѣка. Здѣсь нельзя обойти молчаніемъ того факта, что опись зданій, которую намъ даетъ «Списокъ» 1759 года, и перечень ихъ у Витзена (табл. II, рис. 2) довольно близко сходятся между собой.

Отсюда мы заключаемъ, что у Витзена было подъ руками хорошее описаніе Якутска, но не было вѣрнаго его изображенія, или онъ почему-то не довѣрялъ Ремезову, чертежъ котораго, какъ надо думать, у него былъ. Трудно себѣ представить, чтобъ онъ не имѣлъ Ремезовскихъ чертежей Якутска и Верхотурья, когда у него были всѣ остальные. Или, быть можетъ, художникъ-голландецъ въ нихъ просто не разобрался по ихъ необычности и сложности, которая, какъ мы видѣли, можетъ быть выяснена только съ помощью историческихъ данныхъ.

Дальнѣйшія свѣдѣнія о судьбѣ Якутскаго острога идутъ, повидимому, съ большими перерывами. Послѣ «Росписного списка 1759 года» письменныя извѣстія, какъ кажется, прекращаются вплоть до первой четверти XIX-го столѣтія, когда объ немъ писалъ Словцовъ, видѣвшій его въ 1815 году [2]). Оцѣнку сообщаемыхъ имъ свѣдѣній мы уже дали. Вскорѣ послѣ Словцова описываетъ Якутскій острогъ Щукинъ, давшій намъ *впервые* вполнѣ наглядное представленіе объ «устройствѣ» его стѣнъ. Мы уже воспользовались его данными, относящимися къ этому вопросу (стр. 45). Приведемъ теперь его слова, касающіяся «состоянія» острога и его зданій въ 30-хъ годахъ XIX вѣка.

«Изъ старинныхъ строеній, говоритъ онъ, существуютъ три анбара: въ одномъ изъ нихъ, гдѣ прежде, какъ примѣтно по множеству спицъ, вбитыхъ

---

[1]) Ib., стр. 130.

[2]) См. у него прим. къ стр. 45, ч. I.

въ стѣны, хранилась мягкая рухлядь, помѣщенъ теперь Архивъ. Кромѣ этихъ анбаровъ, есть еще каменный домъ, построенный, какъ гласитъ надпись надъ дверями, въ царствованіе Петра І-го, въ 1707 году, при Стольникахъ и Воеводахъ Шишкиныхъ. Въ немъ помѣщено Уѣздное Казначейство. Отъ воеводскаго дома остались однѣ только кучи кирпича.

Любопытный, осматривая остатки стѣнъ и башни, найдетъ ихъ разстрѣлянными пулями и дробью; это поведетъ его къ догадкамъ, не выдержала ли когда-нибудь крѣпость осады; или не была ли взята Якутами и выручена Русскими. Вотъ развязка: каждый житель Якутска, купивши винтовку или дробовикъ, идетъ пробовать оружіе свое за крѣпость и стрѣляетъ въ стѣну: такимъ образомъ, въ продолженіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ стѣна унизалась пулями и дробью.

Изъ стариннаго оружія не осталось въ крѣпости ни одной вещи: мѣдныя пушки проданы въ монастырь и употреблены въ колокола; прочее отправлено въ Охотскій портъ, или распродано. Нѣкоторые изъ здѣшнихъ жителей показывали мнѣ патроны, набитые звѣриными и птичьими когтями. Вѣроятно, по недостатку въ свинцѣ, казаки стрѣляли и когтями.

Мнѣ сказывали, что на воротахъ крѣпости, и теперь еще стоящихъ, была гдѣ-то на столбѣ надпись, означающая, когда и кѣмъ построена Якутская крѣпость; но я тщетно искалъ любопытную надпись: вѣроятно бревно съ историческимъ свидѣтельствомъ нѣсколько дней согрѣвало избу здѣшняго жителя, а можетъ быть, ушло и на постройку клуба. Извѣстно только, что крѣпость заложена въ день Бориса и Глѣба, потому что въ этотъ день бывалъ прежде крестный ходъ около нея» [1]).

Послѣ извѣстій Щукина снова поступаетъ перерывъ вплоть до присылки въ 1870-мъ году чертежей по приказанію Министра В. Д. при отношеніи Якутскаго Областнаго Управленія, гдѣ, какъ мы уже говорили [1]), было сказано, что остатки острога «*находятся въ полуразрушенномъ видѣ; мѣръ же къ сохраненію* и исправному содержанію съ самаго основанія оныхъ *принимаемо не было,* а потому и особаго описанія здѣсь не прилагается» [2]).

Съ этого времени эти «остатки» начинаютъ составлять предметъ самыхъ непріятныхъ заботъ для мѣстнаго губернскаго начальства. Оно находилось въ этомъ случаѣ, буквально, въ безысходномъ положеніи: съ одной стороны

---

[1]) Н. Щукинъ. Поѣздка въ Якутскъ. 1844 г. Стр. 199, 200 и 201.

[2]) См. стр. 33.

нужно было, въ силу требованій Строительнаго Устава, поддерживать ихъ, какъ древнее зданіе, а съ другой стороны средствъ на это не было никакихъ. Поэтому нельзя и обвинять мѣстныя власти за ихъ горячее желаніе поскорѣй сломать уцѣлѣвшія башни и стѣны древняго острога, чтобы разъ навсегда вывести себя изъ затруднительнаго положенія, ибо острогъ этотъ дѣйствительно находился въ очень неприглядномъ состояніи. Вотъ что писалъ объ немъ Министру В. Д. Якутскій губернаторъ спустя семь лѣтъ послѣ представленія чертежей, т. е. въ 1877 году:

«Находящіяся въ городѣ Якутскѣ четыре старинныя деревянныя башни, оставшіяся отъ бывшаго укрѣпленія, пришли въ разрушеніе. Для поддержанія и исправленія этой древности я обращался въ Якутскую Городскую Управу, которая донесла мнѣ, что *городъ Якутскъ не имѣетъ средствъ на исправленіе и поддержаніе помянутыхъ башенъ*, а потому и на основаніи 183 ст. 1 ч. XII т. Уст. Строит. по продолженію 1863 года, проситъ потребную на это исправленіе сумму отнести на счетъ казны.

Вслѣдствіе сего, я поручилъ особой Коммиссіи освидѣтельствовать эти башни на предметъ ходатайства о поддержаніи ихъ.

Нынѣ названная Коммиссія представила ко мнѣ актъ, составленный 18 іюля сего года, изъ котораго видно, что башни эти, построенныя изъ дерева *съ досчатыми кровлями*, а *эти послѣднія* отъ времени *совершенно разрушились*, доски по большей части сгнили и спали, а потому и *стѣны* самыхъ башенъ *гніютъ и разрушаются. Галлереи* при башняхъ *находятся* совершенно *безъ крышъ; двѣ башни*, у коихъ нижніе вѣнцы сгнили, съ одной стороны *наклонились* и при большомъ вѣтрѣ угрожаютъ паденіемъ; у двухъ балконовъ, находящихся при башнѣ, не достаетъ стоекъ, а *двѣ* верхнія *терассы* двухъ *башенъ въ очень ветхомъ состояніи.* Для предупрежденія несчастныхъ случаевъ, могущихъ произойти отъ паденія бревенъ изъ галлерей, терассъ, досокъ съ крышъ, а также и отъ самихъ наклонившихся башенъ, при могущей случиться бурѣ,—слѣдуетъ кругомъ башенъ, на разстояніи 10-ти саженъ, построить барьеры, такъ, чтобы не могли приближаться къ нимъ люди и скотъ; барьеры построить въ два бруса, на протяженіи 250 саженъ, и подъ балконы башенъ подвести новыя стойки. Стоимость этихъ работъ обойдется около 600 рублей серебромъ.

А какъ нынѣ башни эти до такой степени пришли въ ветхость, что не возможно даже произвести ремонтировку ихъ, что и видно изъ прописаннаго акта, то и самую постройку барьера слѣдуетъ признать излишнимъ расходомъ казны, какъ

не достигающимъ цѣли сохраненія башенъ. Въ виду выше изложеннаго состоянія башенъ, не имѣющихъ никакого значенія въ архитектурномъ отношеніи, *имѣю честь почтительнѣйше просить разрѣшенія продать на сносъ находящіяся въ Якутскѣ и пришедшія въ разрушеніе четыре старыя деревянныя башни, и вырученныя отъ продажи деньги обратить по принадлежности въ казну* [1])».

Вслѣдствіе этого представленія Министромъ В. Д. было запрошено заключеніе Иркутскаго генералъ-губернатора съ просьбою прислать историческую справку объ Якутскомъ острогѣ.

Генералъ-губернаторъ отвѣтилъ ссылкой на статью Иркутскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей 1873 года, о которой мы уже говорили [2]), и присоединился къ мнѣнію Якутскаго губернатора, давъ слѣдующее заключеніе по этому вопросу: «Къ сему считаю долгомъ присовокупить, что такъ какъ по заявленію Якутскаго Гражданскаго Губернатора упомянутыя башни невозможно поддерживать и онѣ не имѣютъ никакого значенія въ архитектурномъ отношеніи, то, согласно съ его мнѣніемъ, я полагалъ бы продать эти башни на сносъ» [3]).

Къ счастью, эти предположенія не успѣли почему-то осуществиться и дѣло затихло еще на двѣнадцать лѣтъ.

По шесть съ половиною лѣтъ тому назадъ Якутскій губернаторъ вошелъ съ новымъ ходатайствомъ въ Императорскую Археологическую Коммиссію о сломкѣ стѣнъ и башенъ стараго острога, причемъ сообщилъ такія свѣдѣнія о немъ, на основаніи которыхъ слѣдуетъ заключить, что состояніе его въ это время значительно ухудшилось противъ прежняго. Вотъ что писалъ онъ:

«Въ городѣ Якутскѣ имѣется остатокъ древней крѣпости—четыре полуразрушенныя башни, фотографическіе снимки коихъ въ трехъ экземплярахъ и описаніе представлены при отношеніи Статистическаго Комитета отъ 22 декабря 1887 года за № 162. Пока эти башни находились за городомъ и представляли изъ себя менѣе опасности, мѣстная администрація не возбуждала ходатайства о сносѣ ихъ. Нынѣ же, когда городъ расширился и башни оказались стоящими вблизи самыхъ строеній собора, казначейства,

---

[1]) См. Архивное дѣло X-го Д-та М. В. Д. 1877—79 гг., № 607—№ 105. Представленіе Якутскаго губернатора отъ 9-го сентября 1877 года за № 2674.

[2]) См. стр. 46.

[3]) См. указ. дѣло, отношеніе Иркутскаго генералъ-губернатора отъ 14-го сентября 1878 г. за № 1528.

вновь выстроеннаго областного правленія и зданій частныхъ лицъ, эти остатки древности угрожаютъ не только своимъ паденіемъ, но и представляютъ изъ себя наибольшую опасность въ пожарномъ отношеніи, почему и представляется необходимымъ снести ихъ.

Принимая во вниманіе, что о башняхъ этихъ сообщалось Академіи Художествъ и онѣ, какъ остатокъ старины, находятся въ вѣдѣніи Археологической Коммиссіи, я не беру на себя смѣлость отдать городскому управленію распоряженіе о сносѣ ихъ, не испросивъ на это предварительнаго разрѣшенія Коммиссіи.

При этомъ докладываю, что *башни эти, не будучи ремонтируемы десятки лѣтъ, сами собою пришли въ состояніе развалинъ* и потеряли тотъ видъ древности, ради котораго стоило-бы ихъ поддерживать, *грозятъ*, помимо пожара, *опасностью для проходящихъ, большинство лѣса расхищено на топливо, а внутри ихъ накопились кучи навоза и мусора, которые служатъ источникомъ заразы и зловонія;* у города же нѣтъ средствъ ни поддерживать, ни окарауливать ихъ.

Въ сихъ соображеніяхъ и принимая во вниманіе ходатайство Преосвященнаго Никанора, Епископа Якутскаго и Вилюйскаго, отношеніями отъ 29 апрѣля и 15 іюня сего года, за №№ 2508 и 3166, о разрѣшеніи поставить каменную видоподобную башнѣ часовню тамъ, гдѣ теперь находится центральная, угрожающая паденіемъ, башня, я имѣю честь покорнѣйше просить Коммиссію, въ виду опасности, которую представляютъ всѣ четыре башни, не отказать увѣдомить меня въ самомъ непродолжительномъ времени, не встрѣчается ли препятствій къ сносу ихъ и постановкѣ, согласно ходатайству мѣстнаго Преосвященнаго, въ память этой старины часовни» [1]).

Отвѣтъ Императорской Археологической Коммиссіи будетъ виденъ изъ дальнѣйшей переписки, а потому мы на немъ пока не останавливаемся. Но въ дѣлахъ Коммиссіи есть еще переписка Якутскаго губернатора съ мѣстнымъ епископомъ по вопросу о сохраненіи остатковъ острога. Такъ какъ она имѣетъ значеніе въ дальнѣйшей судьбѣ памятника, то мы полагаемъ необходимымъ ее здѣсь привести.

Вотъ что писалъ владыкѣ въ 1904-мъ году губернаторъ:

«Ваше Преосвященство отношеніемъ отъ 11 іюля 1902 г. за № 4050 изволили сообщить, что разборка и перестройка остатковъ древняго Якутскаго

[1]) См. дѣло Императорской Археологической Коммиссіи № 246-й, 1900 года. Отношеніе Якутскаго губернатора отъ 14-го октября 1900 года за № 157.

города (башень—остатковъ крѣпости) для Васъ является совершенно невозможнымъ, при условіи соблюденія всѣхъ требованій, предъявленныхъ Императорской Археологической Коммиссіей, по недостатку средствъ. Далѣе Вами было указано, что безъ особаго разрѣшенія высшаго начальства и впредь до изысканія средствъ къ разборкѣ башень Вы приступить не можете.

Вашему Преосвященству угодно было принять упомянутые выше остатки, какъ древній памятникъ старины (покореніе Сибири) подъ свое покровительство.

Находя невозможнымъ оставить башни со стѣнами въ ихъ настоящемъ видѣ, по причинамъ, изложеннытъ Вашему Преосвященству еще бывшимъ Губернаторомъ въ 1902 г. за № 464, и предполагая возможнымъ снести ихъ, выполнивъ предъявленныя для сего условія Императорской Археологической Коммиссіей, тѣмъ не менѣе я останавливаюсь передъ этимъ въ виду нахожденій башенъ въ Вашемъ вѣдѣніи. Ввиду изложеннаго, я имѣю честь просить Ваше Преосвященство не отказать увѣдомить меня, изысканы ли къ настоящему времени средства для разборки и перестройки, указанныхъ выше, остатковъ древности Якутска, и въ отрицательномъ случаѣ, покорнѣйше прошу сообщить, не встрѣчается ли препятствій съ Вашей стороны къ сносу ихъ» [1]).

Въ отвѣтѣ своемъ преосвященный Никапоръ, хотя и отказался по неимѣнію средствъ отъ поддержанія остатковъ острога, тѣмъ не менѣе явился ревностнымъ защитникомъ старины и высказалъ такія сужденія, которыя заслуживаютъ самого горячаго сочувствія.

«По сношеніи моемъ съ мѣстнымъ Гражданскимъ Начальствомъ,—писалъ онъ въ отвѣтъ губернатору,—Городскимъ и Казачьимъ Управленіемъ, а также не безъ соглашенія съ нѣкоторыми изъ прочихъ лицъ мѣстнаго общества, упомянутые памятники Сибирской старины переданы въ вѣдѣніе Епархіальнаго Начальства. Какъ иниціаторъ этой передачи, я руководился, при этомъ, тѣми соображеніями, что: а) всякій памятникъ старины, безусловно, долженъ бережно храниться и предохраняться отъ разрушенія, въ приличномъ, при томъ, видѣ; б) упомянутые Якутскіе памятники не только не оберегались въ надлежащемъ ихъ видѣ, но, не имѣя, повидимому, никакого о нихъ попечителя и покровителя, даже расхищались (частями)».

Высказавъ эти соображенія, преосвященный въ третьемъ пунктѣ *в* сооб-

---

[1]) См. ibidem. Отношеніе Якутскаго губернатора отъ 29-го апрѣля 1904 года за № 6801.

щаетъ, что онъ не имѣетъ тѣхъ средствъ, на которыя разсчитывалъ прежде, и продолжаетъ свой отвѣтъ слѣдующимъ образомъ:

«За вычетомъ же 3-го изъ вышеуказанныхъ соображеній (а, б и в), я нахожу, что памятники могутъ состоять также и въ вѣдѣніи органовъ городскаго управленія или Казачьяго Войска или Статистическаго Комитета или Музея или, вообще, въ вѣдѣніи Гражданскаго Начальства и Археологическаго Общества. Посему я совершенно нынѣ отказываюсь отъ главнаго, единоличнаго и непосредственнаго завѣдыванія памятниками. О чемъ не премину сообщить и Археологическому Обществу.

Что касается препятствій къ разбору и сноскѣ, или перестройкѣ и переноскѣ остатковъ старой деревянной крѣпости, то лично, съ своей стороны, я таковыхъ препятствій имѣть не могу и не имѣю.

Но при этомъ прошу позволенія высказать слѣдующее;

1. Не выяснено,—предполагаемыя къ разбору и перестройкѣ башни и стѣны, состоя въ вѣдѣніи мѣстнаго Начальства, чью, по матеріалу своему, составляютъ имущественную собственность.

2. Главнымъ мотивомъ къ снесенію памятниковъ, повидимому, служитъ предполагаемая отъ нихъ опасность въ пожарномъ отношеніи. Но такъ какъ въ старомъ сооруженіи никакой нѣтъ топки, а таковая есть въ сосѣднихъ частныхъ, позднѣйшаго, чѣмъ башни, строенія, зданіяхъ и такъ какъ вблизи церковнаго и всякаго, болѣе или менѣе важнаго, казеннаго сооруженія, во избѣжаніе опасности ему въ пожарномъ и др. отношеніяхъ, едва ли законно строить частныя зданія,—то нельзя ли считать отвѣтственными въ явившейся пожарной опасности не строителей древняго государственнаго сооруженія, а строителей позднѣйшихъ, близкихъ къ нему, жилыхъ домовъ.

3. Въ случаѣ рѣшенія оставить часть памятниковъ едва-ли цѣлесообразнѣе предпочтеніе одиноко стоящей башни, такъ какъ она стоитъ очень сиротливо и посреди главной площади, не на границѣ.

Высказанное личное мнѣніе покорнѣйше прошу принять не какъ препятствіе къ предполагаемому предпріятію, поставляемое главнымъ блюстителемъ цѣлости памятниковъ, отъ чего я категорически отказался, а какъ частное мнѣніе любителя старины» [1]).

По полученіи отвѣта Коммиссіи Якутскій губернаторъ вошелъ къ ней съ новымъ представленіемъ въ томъ-же 1904-мъ году. Представленіе это весьма

[1]) См. ibid. Отношеніе епископа Якутскаго и Вилюйскаго отъ 30-го апрѣля 1904 года за № 461.

важно для исторіи памятника въ томъ отношеніи, что выясняетъ происхожденіе модели, хранящейся въ Императорской Археологической Коммиссіи, а равнымъ образомъ обсуждаетъ тѣ мѣры, которыя необходимы для того, чтобы закрѣпить всѣ его формы хотя бы на бумагѣ, въ видѣ чертежей.

«По поводу возбужденнаго вопроса, писалъ губернаторъ, о необходимости сноса остатковъ деревянной крѣпости г. Якутска, Археологическая Коммиссія сообщила, что *разрѣшаетъ разборку ихъ, если въ распоряженіи мѣстной власти не имѣется рѣшительно никакихъ способовъ къ ремонту сооруженія;* при этомъ потребовала выполненія слѣдующихъ условій:

1) Всѣмъ остаткамъ крѣпости должна быть изготовлена подъ наблюденіемъ архитектора точная деревянная модель, 3—4 аршина длины.

2) Должно быть составлено подробное техническое описаніе стѣны съ башнями и изготовленъ ея планъ со всѣми архитектурными деталями.

3) Должны быть изготовлены новые фотографическіе снимки въ большемъ масштабѣ.

Кромѣ того, Археологическая Комиссія желала удостовѣриться, нельзя ли перенести нѣкоторыя башни на другое мѣсто и дать имъ какое-нибудь практическое назначеніе, какъ напримѣръ отдѣлать подъ часовню.

Поддерживая вышеупомянутое ходатайство о необходимости сноса остатковъ крѣпости, имѣю честь сообщить, что *за отсутствіемъ какихъ-либо средствъ у мѣстной власти для охраненія ихъ отъ растаскиванія жителями, для содержанія въ порядкѣ и въ хорошихъ санитарныхъ условіяхъ, для укрѣпленія частей, грозящихъ въ настоящее время опасностью для проходящихъ въ случаяхъ ихъ обвала*, я пришелъ къ тому заключенію, что откладывать долѣе вопросъ о сломкѣ совершенно невозможно.

Въ 1901 году епископъ Якутскій и Вилюйскій возбудилъ ходатайство о передачѣ остатковъ древности въ его вѣдѣніе, для сохраненія хотя части этихъ памятниковъ. Ходатайство это было удовлетворено и башни были переданы по акту въ вѣдѣніе Его Преосвященства, при чемъ ему была препровождена и копія отношенія Археологической Комиссіи отъ 19-го декабря за № 1866 для выполненія условій, содержащихся въ этомъ отношеніи, на тотъ случай, если бы духовное вѣдомство признало нужнымъ разобрать башни. До настоящаго времени Его Преосвященство не принималъ рѣшительно никакихъ мѣръ по сохраненію, разборкѣ или переноскѣ сооруженій, и *они продолжали не только разрушаться, никѣмъ не поддерживаемыя, но растаски-*

ваться жителями на дрова. Кромѣ того, за это время скопилось внутри башенъ и стѣнъ значительное количество нечистотъ, такъ что они могутъ послужить источникомъ заразы.

30 Апрѣля 1904 года Его Преосвященство извѣстилъ меня за № 461, что онъ совершенно отказывается отъ завѣдыванія памятниками, за неимѣніемъ средствъ, и что препятствій не встрѣчаетъ къ разборкѣ и сноскѣ ихъ.

Относительно предъявленныхъ Археологической Комиссіей трехъ требованій имѣю честь сообщить:

1) Модели исполнены и будутъ одновременно высланы почтой. По заключенію и. об. областного инженера, онѣ по наружному виду вполнѣ воспроизводятъ дѣйствительность. Къ числу недостатковъ въ моделяхъ слѣдуетъ отнести слишкомъ малые размѣры ихъ, а потому и несоблюденіе нѣкоторыхъ деталей. Кромѣ того всѣ стѣны выполнены строго вертикальными, съ плотно пригнанными крышами, тогда какъ въ натурѣ они отклонились отъ вертикали. Модели эти исполнены однимъ изъ лучшихъ мастеровъ, который въ настоящее время уѣхалъ изъ Якутска. Лучшей модели, по мнѣнію областного инженера, невозможно сдѣлать руками якутскихъ мастеровъ, а потому придется или совершенно отказаться отъ мысли имѣть лучшую модель, или удовольствоваться имѣющейся.

2) Въ виду того, что модели могутъ не удовлетворить желаній Археологической Комиссіи, то:

а) будутъ исполнены детальные чертежи всѣхъ отдѣльныхъ соединеній и частей, подробные планы и разрѣзы;

б) сняты фотографіи

и с) сдѣлано подробное техническое описаніе.

По мнѣнію и. об. областного инженера, означенные чертежи, фотографіи и описаніе возможно выполнить только во время разборки сооруженій, занося на бумагу по мѣрѣ раскрытія отдѣльныхъ сопряженій: такъ, напр., врубокъ наружныхъ стѣнъ съ внутренними, наружныхъ съ наружными, врубокъ стропилъ, ригелей и т. д. Всѣ эти детали возможно уловить только по мѣрѣ постепенной разборки строеній.

Кромѣ того, значительно удешевится составленіе всѣхъ этихъ чертежей тѣмъ, что не потребуется ставить отдѣльные лѣса и подмостки, чтобы можно было забраться на верхъ подъ крышу для обмѣра и зарисовки деталей и снятія фотографій: возможно будетъ воспользоваться лѣсами, поставленными для разборки строеній.

По сдѣланному разсчету, разборка строеній, составленіе чертежей, фотографій и описаній обойдется съ постановкой лѣсовъ и разборкой строеній въ 250 руб.

Въ виду изложеннаго и принимая во вниманіе отсутствіе средствъ у мѣстной власти, имѣю честь *просить разрѣшенія* Археологической Комиссіи *на сносъ и продажу башенъ съ аукціоннаго торга съ тѣмъ, чтобы вырученная сумма пошла на возмѣщеніе расходовъ по составленію чертежей, фотографій и описанія.*

Въ виду необходимости выполнить всѣ эти работы въ текущій строительный сезонъ, покорнѣйше прошу сообщить отвѣтъ по телеграфу» [1]).

Въ дополненіе къ этому отношенію губернаторъ выслалъ 12-го мая 1904 года, какъ уже было сказано, въ Коммиссію модель. Съ отвѣтомъ губернатору Коммиссія рѣшила «обождать» до тѣхъ поръ, пока найдутся средства для поддержанія памятника.

Такъ прошелъ еще годъ,—башни и стѣны стояли попрежнему...

Въ мартѣ 1905-го года Якутскій губернаторъ снова обратился въ Коммиссію, повторяя отчасти тѣ-же пожеланія, но вмѣстѣ съ тѣмъ приводя и нѣкоторыя новыя соображенія.

Изложивъ сущность дѣла и содержаніе предыдущаго отношенія, губернаторъ продолжалъ такъ: «Отвѣта отъ Коммиссіи еще не получено, между тѣмъ, съ наступленіемъ весенняго времени, сопровождающагося здѣсь сильными вѣтрами, опасность разрушенія помянутыхъ ветхихъ построекъ увеличивается, а *по наступленію лѣта онѣ опять превратятся въ ночные притоны для разнаго городского сброда и въ мѣста въ теченіи долгихъ лѣтъ загрязнявшіяся и вновь загрязняемыя всевозможными нечистотами, а потому крайне вредныя для населенія города.*

Одна изъ этихъ башенъ находится на срединѣ Соборной площади, противъ каѳедральнаго собора и домовъ губернатора и областного управленія, и, представляя, вслѣдствіе разрушенія и ветхости, крайне дурной видъ, не даетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, возможности привести эту, единственную въ городѣ, площадь въ порядокъ и утилизировать ее подъ устройство предполагаемаго на ней сквера, въ которомъ городъ очень нуждается; остальныя три, еще болѣе обветшавшія и наклонившіяся, башни и часть разрушившейся и растасканной жителями крѣпостной стѣны находятся по другую сторону областного управленія и собора и представляютъ собою одну сторону вновь образовавшейся

[1]) Ibid. Отношеніе Якутскаго губернатора отъ 5-го мая 1904 г., № 7297.

улицы, проѣздъ по которой, въ виду ветхости башенъ, угрожающихъ паденіемъ, сдѣлался весьма опаснымъ. Причемъ нужно замѣтить, что именно эта улица и прилегающая къ ней часть города, въ силу мѣстныхъ условій, застраиваются вновь и разрастаются, и ближайшіе домохозяева усиленно ходатайствуютъ о сносѣ башенъ, угрожающихъ ихъ домамъ.

Такъ какъ ни у города, ни въ распоряженіи администраціи, какъ сообщалось уже Археологической Коммиссіи, нѣтъ средствъ ни на поддержку совершенно обветшавшихъ остатковъ Якутской крѣпости, ни на переносъ строеній на другое мѣсто, ни даже на охраненіе и содержаніе ихъ въ чистотѣ, а между тѣмъ постройки эти безусловно опасны и вредны, — то я всецѣло присоединяюсь, со своей стороны, къ заявленіямъ моего предмѣстника и считаю необходимымъ просить скорѣйшаго согласія Археологической Коммиссіи на продажу помянутыхъ построекъ на сносъ съ аукціоннаго торга, съ употребленіемъ вырученныхъ денегъ на составленіе желаемыхъ Коммиссіею фотографій, чертежей и описанія построекъ. Причемъ, въ виду наступающаго удобнаго для сноса построекъ времени, когда, вмѣстѣ съ тѣмъ, является и наибольшая отъ нихъ опасность, прошу не отказать въ отвѣтѣ на настоящее отношеніе по телеграфу»[1]).

Въ отвѣтъ на это отношеніе послѣдовала отъ Коммиссіи такая телеграмма: «Мнѣніе Археологической Коммиссіи относительно сохраненія навсегда Якутскаго острога отправлено почтой».

Самое же «отношеніе», о которомъ говорится въ телеграммѣ, было слѣдующаго содержанія: «Вслѣдствіе отношеній ..... по вопросу о сломкѣ Якутскаго острога дѣло это подвергнуто было подробному обсужденію въ особомъ реставраціонномъ засѣданіи Императорской Археологической Коммиссіи 22-го декабря 1904 г., ... причемъ указано было на необходимость изыскать средства для поддержанія острога, какъ важнаго историческаго сооруженія. Вслѣдствіе сего Коммиссія постановила повременить отвѣтомъ на отношеніе Вашего Превосходительства отъ 5-го мая, въ надеждѣ изыскать сумму на поддержаніе острога. Нынѣ, въ виду новаго отношенія Вашего отъ 28-го марта сего года, Коммиссія считаетъ долгомъ увѣдомить, что Якутскій острогъ является *единственнымъ* образчикомъ деревянныхъ крѣпостныхъ сооруженій XVI—XVII в. не только въ Россіи, но и во всей Европѣ, и что стоящая отдѣльно на площади башня не должна бы, казалось, мѣшать устройству сквера и много выиграетъ,

---

[1]) Дѣло Имп. Археолог. Коммиссіи. Отношеніе Якутскаго губернатора отъ 28-го марта 1905 г. за № 32.

будучи окружена зеленью, на подобіе башни Іоанны д'Аркъ въ гор. Руанѣ, окруженной скверомъ и т. п.

Въ виду изложеннаго и на основаніи ст. 76 и 77 Уст. Строит. изд. 1900 г. Императорская Археологическая Коммиссія имѣетъ честь покорнѣйше просить Ваше Превосходительство, не признаете ли возможнымъ сдѣлать распоряженіе о поддержаніи временными подпорками остатковъ острога до полнаго окончанія военнаго времени, послѣ чего Коммиссіи можно будетъ возбудить ходатайство объ отпускѣ суммъ для содержанія острога въ исправномъ состояніи» [1]).

Прошелъ еще годъ съ небольшимъ.

Башни и стѣны стояли попрежнему, но Якутскій губернаторъ счелъ нужнымъ напомнить Коммиссіи объ ея обѣщаніи «возбудить ходатайство объ отпускѣ суммъ для содержанія острога въ исправномъ состояніи».

Сдѣлавъ ссылку на отношеніе ея отъ 27-го іюля 1905 года, онъ такъ заканчиваетъ свое сообщеніе: «Въ виду окончанія военныхъ дѣйствій и за неимѣніемъ въ своемъ распоряженіи положительно никакихъ источниковъ на производство подобнаго рода расходовъ, вновь ходатайствую предъ Археологической Коммиссіей объ отпускѣ средствъ, хотя бы на временное поддержаніе башенъ» [2]).

13-го января текущаго года онъ напомнилъ о своемъ ходатайствѣ [3]).

Тогда Коммиссія сообщила ему, что въ настоящее время приготовляется къ печати историческое и техническое изслѣдованіе объ Якутскомъ острогѣ, которое будетъ препровождено Министру В. Д. съ просьбою объ отпускѣ средствъ на поддержаніе этого «знаменитаго» памятника, а теперь Коммиссія проситъ его «принять всѣ зависящія отъ него мѣры для поддержанія острога» [4]).

На этомъ переписка пока и оканчивается [5]).

Въ дополненіе къ ней считаемъ долгомъ отмѣтить тѣ фактическія данныя о современномъ состояніи острога, которыя даютъ намъ модель и послѣднія его изображенія.

---

[1]) Ibidem.

[2]) Ib. Отнош. Якутск. губ. отъ 3-го іюня 1906 г., № 137.

[3]) Ib. Отнош. Якутск. губ. отъ 13-го января 1907 г., № 15.

[4]) Отнош. отъ 22-го марта 1907 г. за № 371.

[5]) Будемъ надѣяться, что новый Якутскій губернаторъ И. И. Крафтъ, человѣкъ просвѣщенный и самъ дѣйствительный членъ Императорскаго С.-Петербургскаго Археологическаго Института, не дастъ погибнуть послѣднимъ остаткамъ Якутскаго острога и такъ или иначе найдетъ средства къ ихъ поддержанію.

На снимкахъ 1878 года мы видимъ полностью всѣ четыре башни (табл. V—IX), а ровно и оба прясла стѣны между башнями а, б и в (табл. IV), но на модели, исполненной въ 1904-мъ году, т. е. двадцать шесть лѣтъ спустя, одно прясло стѣны сдѣлано въ 18 тарасъ, или во столько же, сколько ихъ было всегда между башнями (табл. V); другое-же прясло сдѣлано всего въ 11 тарасъ, которыя идутъ постепенно уменьшаясь въ высотѣ, причемъ послѣдняя, одиннадцатая тараса имѣетъ всего пять вѣнцовъ. А отсюда ясно, что семь тарасъ за этотъ промежутокъ времени было «растаскано жителями», о чемъ, впрочемъ, свидѣтельствуютъ сами губернаторы.

По модели нельзя опредѣлить, какое прясло пострадало, южное или сѣверное. Но въ данномъ случаѣ ключъ къ рѣшенію загадки намъ даютъ самыя послѣднія изображенія острога, помѣщенныя у Г. П. Головачева [1]). На основаніи ихъ мы безошибочно можемъ заключить, что пострадало сѣверное прясло, расположенное между башнями а и б (табл. IV), и именно съ своего южнаго конца, такъ такъ на снимкѣ Головачева между нимъ и средней башней б (ib.) виденъ большой промежутокъ.

Вотъ и все, что пока можно было сказать объ Якутскомъ острогѣ на основаніи архивныхъ и литературныхъ данныхъ.

Но, прежде чѣмъ разстаться съ нимъ, намъ необходимо намѣтить тѣ вопросы, которые должны быть разрѣшены при изслѣдованіи памятника на мѣстѣ.

Они сводятся главнымъ образомъ къ слѣдующему:

1) Какова истинная длина всей стѣны и каковы настоящіе размѣры всѣхъ уцѣлѣвшихъ частей острога, какъ-то: воротъ, дверей, лазовъ бойницъ и пр.

2) Сколько сгнило нижнихъ вѣнцовъ и насколько наросла земля около стѣнъ и башенъ.

3) Былъ или нѣтъ полъ въ нижнемъ ярусѣ стѣны.

4) Гдѣ были прочіе полы въ стѣнахъ и башняхъ.

5) Есть-ли слѣды наружныхъ лѣстницъ для всхода на стѣны извнутри «города».

6) Какъ былъ устроенъ всходъ въ надвратные выступы его средней проѣзжей башни.

7) Какъ былъ устроенъ всходъ въ надвратные выступы проѣзжей башни «острога».

8) Когда, кѣмъ и почему былъ передѣланъ ея внѣшній, восточный выступъ.

[1]) См. ссылку на стр. 61.

9) Какъ была образована оборона примыкавшей къ ней тыновой ограды.

10) Былъ или нѣтъ передъ тыномъ ровъ.

Вотъ вопросы, разрѣшенія которыхъ, въ дополненіе нашего труда, мы ждемъ отъ мѣстныхъ силъ.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію прочихъ памятниковъ древняго деревяннаго зодчества въ Прибайкальѣ.

V.

На основаніи архивныхъ данныхъ 70-хъ годовъ XIX-го столѣтія памятники древности сохранились еще въ слѣдующихъ населенныхъ мѣстахъ Прибайкалья: въ городахъ Илимскѣ и Балаганскѣ и въ селеніяхъ Братскомъ и Бѣльскомъ (черт. 3).

Начнемъ съ перваго, какъ съ мѣста наиболѣе богатаго остатками старины. Мы уже указывали на обстоятельства его основанія (стр. 7). Въ настоящее время бывшій «градъ Илимскъ» (черт. 14) представляетъ собою «заштатный городъ» Иркутской губ., Киренскаго округа, имѣющій видъ большого села.

Онъ расположенъ на правомъ берегу р. Илима и вытянутъ по одной улицѣ. На площади стоитъ Спасская церковь XVIII вѣка (1787 г.). Въ дѣлахъ Т.-С. Комитета М. В. Д. имѣется ея видъ, но мы его здѣсь не помѣщаемъ, потому что церковь эта лишена всякаго стиля, представляя собою плохое «деревянное» повтореніе западныхъ каменныхъ формъ того времени.

Несравненно болѣе любопытны уцѣлѣвшія башни его острога (табл. XV, рис. 1 и табл. XVI рис. 1.) и три древнихъ церкви: двѣ—Казанская и Введенская—въ самомъ городѣ (табл. XVII) и одна, Іоанна Предтечи,—въ 5 верстахъ отъ него, въ вѣковомъ лѣсу, на правомъ берегу Илима (табл. XVI, рис. 2).

Въ препроводительномъ «отношеніи» Иркутскаго Общаго Губернскаго Управленія [1]), при которомъ были присланы эти чертежи, говорится, что описаніе всѣхъ этихъ древнихъ построекъ помѣщено въ «Запискахъ и Тру-

[1]) Отъ 17-го сентября 1870 года. (Дѣло № 287, томъ I, 1869 г. Техническо-Строительнаго Комитета М. В. Д.).

дахъ Иркутскаго Губернскаго Статистическаго Комитета [1]). Дѣйствительно, мы находимъ тамъ весьма толковое, хотя, конечно не «спеціальное» описаніе составленное Киренскимъ окружнымъ исправникомъ С. В. Поповымъ [2]).

Кромѣ того, священникъ М. Сизой помѣстилъ въ Прибавленіи къ Иркутскимъ Епархіальнымъ Вѣдомостямъ 1883 года, №№ 4—6-й, довольно обстоятельную статью подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Заштатный городъ Илимскъ, его древніе памятники и нѣкоторыя черты изъ его прежней церковной жизни, достойныя примѣчанія».

Въ виду оффиціальнаго характера описанія г. С. Попова приводимъ его здѣсь безъ всякихъ измѣненій, оставляя за собой возможность пополнить его далѣе нѣкоторыми спеціальными замѣчаніями, а также данными, имѣющимися въ статьѣ о. Сизого.

Мы начнемъ съ башенъ, которыхъ, какъ видно на чертежѣ Ремезова, было восемь (черт. 14), а уцѣлѣло до 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія всего три (табл. XV, рис. 1, табл. XVI, рис. 1, черт. 39 и 40).

Вотъ, что говоритъ г. С. Поповъ по поводу Илимскихъ башенъ: «Въ городѣ Илимскѣ есть три старинныя башни: Спасская, Никольская и Знаменская; всѣ онѣ деревянныя четырехъ-угольныя и устроены въ видѣ высокихъ огороженныхъ дворовъ съ воротами на обѣ стороны. По настоящее время сохранилась хорошо только одна Спасская башня; она построена въ три этажа, два широкихъ и одинъ самый верхній узкій, законченный остро-

---

1) См. Выпускъ IV, Иркутскъ 1868—69, изд. подъ редакціей члена-секретаря Комитета Д. Д. Ларіонова.

2) Описаніе это было препровождено секретарю Иркутскаго Статистическаго Комитета, Д. Д. Ларіонову при слѣдующемъ письмѣ:

М. Г. Вслѣдствіе письма Вашего отъ 24 декабря, имѣю честь препроводить при семъ составленную мною записку объ имѣющихся въ г. Илимскѣ церквахъ и башняхъ.

Записка эта, конечно, не будетъ соотвѣтствовать Вашему ожиданію, но причиною бѣдности содержанія записки служитъ положительное отсутствіе даже и малѣйшихъ фактовъ для полнаго описанія требующихся. Сдѣлать пояснительнаго нагляднаго чертежа церквей и башенъ я не взялъ на себя. Что же касается свѣдѣній о замѣчательныхъ древностяхъ или памятникахъ г. Киренска, то имѣю честь сообщить Вамъ, что *въ г. Киренскѣ, кромѣ старинной деревянной Никольской церкви при монастырѣ* существующей, ничего другаго нѣтъ.

Въ г. Илимскѣ мнѣ доставлены двѣ серебряныя монеты изъ числа находимыхъ и въ настоящее время на берегу р. Илима, о которыхъ говорятъ, что онѣ были въ обращеніи при первоначальномъ завладѣніи Илимомъ. Монеты эти я при семъ имѣю честь препроводить къ Вамъ, на случай рѣдкости ихъ.

Съ истиннымъ почтеніемъ и т. д. 8 декабря 1868 г.

Степанъ Поповъ.

образно, на верху котораго прикрѣпленъ двуглавый орелъ. Положительныхъ свѣдѣній о времени постройки башенъ не имѣется; но полагать надо, что онѣ построены раньше 1679 года [1]), т. е. времени постройки Казанской церкви. По разсказамъ мѣстныхъ жителей старожиловъ, башни эти составляли центральные пункты укрѣпленія, обнесеннаго тыномъ, слѣды котораго виднѣются въ нѣкоторыхъ мѣстахъ города и теперь; а какъ Казанская церковь построена за Спасскою башнею, то никакъ не могло случиться, чтобы покорители тунгусовъ въ свое огражденіе, устроивъ укрѣпленіе съ башнями, устроили церковь внѣ укрѣпленія на явное разореніе враговъ. Къ этому же заключенію приводитъ и то обстоятельство, что при всѣхъ сохранившихся нынѣ башняхъ устроены были, какъ должно полагать, небольшія часовни по обѣимъ сторонамъ башенныхъ стѣнъ, имѣвшія видъ балконовъ. Назначеніе двухъ башенъ, т. е. Никольской и Знаменской, не понятно, потому что внутри ихъ на возвышеніи нельзя предполагать жилыхъ помѣщеній, а можно эти двѣ башни считать воротами для входа въ укрѣпленіе и выхода изъ него. Въ башнѣ же Спасской во второмъ этажѣ нужно считать существованіе главной часовни, такъ какъ тутъ сохранилась и теперь большая доска, на которой была написана икона, но какая это была икона, за совершеннымъ поврежденіемъ ея, опредѣлить нельзя; жители же, по преданію, объясняютъ, что она укрѣплена была по срединѣ втораго этажа; самый же верхній этажъ, составляющій очень небольшое помѣщеніе, вѣроятно, служилъ сторожевымъ пунктомъ, откуда производились наблюденія за инородцами; а изъ перваго этажа производилась стрѣльба по наступавшимъ на укрѣпленіе. Только одна Спасская башня и сохранила свой первоначальный видъ, и то потому, что была поддерживаема поправками, остальныя же двѣ совершенно разрушаются».

По поводу этого описанія считаемъ долгомъ замѣтитъ, что соображенія г. Попова относительно расположенія Казанской церкви можно считать совершенно правильными, если только она находилась внѣ крѣпостной ограды; точно также слѣдуетъ признать правильнымъ его заключеніе, что Никольская и Знаменская башни были только «воротами», ибо мы знаемъ, что крѣпостныя ворота никогда не дѣлались въ стѣнахъ, а всегда защищались

[1]) „Надо отнести ихъ постройку ко времени заложенія Илимскаго острога 1629—1631 годамъ, которому положилъ основаніе атаманъ Иванъ Галкинъ, выстроивъ сначала зимовье подъ названіемъ „Ленскаго Волока" и вскорѣ укрѣпленное и переименованное въ Илимскій острогъ". (Выноска г. Д. Д. Ларіонова).

башнями. Что же касается до крытыхъ балконовъ на обѣихъ сторонахъ башенъ, то мы уже выяснили ихъ оборонительное значеніе, а потому принимать такіе балконы за часовни рѣшительно невозможно.

Точно также не можетъ быть и рѣчи о какой-либо «главной» часовнѣ во второмъ этажѣ Спасской башни. Присутствіе тамъ иконной «дцки», съ которой сошло отъ времени письмо, объясняется очень просто: надъ монастырскими и крѣпостными воротами у насъ всегда ставились иконы, чему есть тысячи примѣровъ, начиная со Спасскихъ и Никольскихъ воротъ московскаго Кремля. Была икона и надъ Спасскими воротами Илимскаго острога и при томъ, очевидно, судя по названію башни,—Нерукотвореннаго Спаса; а когда она «сошла» отъ времени, «дцку» ея, какъ предметъ священный, убрали внутрь башни. Это предположеніе подтверждается свидѣтельствомъ жителей, которые сообщили г. Попову, что «икона была укрѣплена по срединѣ второго этажа», т. е. иными словами, надъ воротами.

Назначеніе вышки, которую онъ называетъ «третьимъ этажемъ», имъ опредѣлено правильно.

Рисунки, приложенные къ указанному уже отношенію Ирк. Общ. Губ. Упр., весьма наивны; они исполнены, конечно, какимъ-нибудь самоучкой, и надо только радоваться, что хоть такой нашелся въ Илимскѣ. Подписи автора нѣтъ, а есть только обычная лаконическая помѣта: «Съ натурою вѣрно: Засѣдатель Н. Дьяконовъ». Но они подкупаютъ зрителя своимъ простодушіемъ и убѣждаютъ его въ своей правдивости. При разсматриваніи ихъ невольно растетъ убѣжденіе, что составитель ихъ рисовалъ то, что видѣлъ передъ глазами, а потому изображенія его, несмотря на неправильность рисунка, отличаются полною документальностью. Возьмемъ хоты-бы Спасскую башню (табл. XV): мы видимъ на ней всѣ тѣ-же пріемы, которые мы прослѣдили на башняхъ Якутскаго острога. Башня эта—квадратная въ планѣ, срублена въ лапу и имѣетъ вверху свѣшивающійся «обламъ». Крыша, покрывающая башню, настолько пологá, что рисовальщику, стоявшему близко около башни, ея не было видно, вслѣдствіе чего дозорная вышка кажется какъ-бы стоящей на террасѣ. Вышка эта не открытая, какъ въ якутскихъ башняхъ, а глухая и срублена въ лапу; въ ней есть только дозорныя оконца. Она покрыта шатровой крышей и увѣнчана большимъ двуглавымъ орломъ, о которомъ говоритъ еще Щукинъ. Относительно подобнаго устройства вышки слѣдуетъ замѣтить, что если она гораздо лучше защищаетъ часового отъ сибирскихъ бурь и непогодъ, за то она несравненно менѣе при-

годна для наблюденія за окрестностями, а слѣдовательно менѣе отвѣчаетъ своему прямому назначенію.

Ворота и крытый выступной балконъ — совершенно такіе-же, какъ въ Якутскихъ башняхъ, но лѣстница на крытые балконы сдѣлана внутри башни, у правой отъ зрителя боковой стѣны, что, какъ мы уже говорили, менѣе удобно для защитниковъ.

Принимая во вниманіе это обстоятельство, а равно и устройство «глухой» вышки, слѣдуетъ придти къ тому заключенію, что Якутскія башни представляютъ собою болѣе совершенный типъ въ крѣпостномъ отношеніи, нежели Илимскія.

Обращаясь затѣмъ къ Никольской башнѣ (табл. XVI), мы видимъ, что она уже совсѣмъ простая, такъ какъ вмѣсто дозорной вышки имѣетъ двускатую крышу, если только эта послѣдняя не является позднѣйшей передѣлкой. Во всякомъ случаѣ, для насъ представляется здѣсь любопытнымъ устройство наружнаго хода на крытый балконъ, слѣдовъ котораго мы не замѣчаемъ въ Якутскихъ «проѣздныхъ» башняхъ.

Что-же касается до описанія Илимскихъ башенъ у о. М. Сизого, то перенос иконъ снаружи внутрь сбиваетъ съ толку и его и заставляетъ видѣть въ этихъ чисто крѣпостныхъ сооруженіяхъ — «башни-часовни», при чемъ, по своему незнакомству со старинными оборонительными пріемами, онъ считаетъ надвратные выступы принадлежностями «часовни»: «Съ восточной и западной стороны этого помѣщенія (второго этажа), говоритъ онъ, во всю ширину башни, на особыхъ выдавшихся отъ нея наружу балкахъ, независимо отъ самой башни, сдѣланы пристройки, крытыя сверху и по сторонамъ тесомъ, а съ лицевой стороны имѣющія открытыя окна [1]). Вотъ эти-то пристройки и служили мѣстомъ удовлетворенія религіозныхъ потребностей набожнаго русскаго населенія Илимскаго острога. Въ нихъ до сихъ поръ сохраняются мѣстночтимыя иконы Спаса Нерукотвореннаго, св. Николая и др. Жители города Илимска и теперь усердно чествуютъ находящіяся въ башняхъ иконы. При осмотрѣ башенъ я имѣлъ пріятный случай убѣдиться въ этомъ: предъ иконою Николая Чудотворца, находящеюся въ Никольской башнѣ, въ простомъ, сдѣланномъ изъ дерева и не окрашенномъ даже подсвѣчникѣ стояло нѣсколько обожженныхъ свѣчекъ изъ бѣлаго воска; очевидно, что горожане

[1]) Если эти пристройки были сдѣланы для «часовень», то зачѣмъ-же было въ нихъ дѣлать, замѣтимъ между прочимъ, огромныя и открытыя «окна», когда въ церквахъ они дѣлались маленькія и закрытыя?

все еще не забываютъ подражать доброму примѣру своихъ славныхъ прадѣдовъ» [1]).

Все это—очень любопытныя подробности изъ современной жизни башенъ, но совсѣмъ не доказательство основного положенія, ибо то-же самое могло быть и при *позднѣйшемъ* превращеніи башни въ часовню, когда она уже утратила свое военное значеніе. Допустить-же первоначальное назначеніе башенъ для обѣихъ цѣлей невозможно, во 1-хъ, по безпримѣрности такого случая, а во 2-хъ по набожности старыхъ русскихъ людей, которые никогда не рѣшились-бы построить часовню съ тѣмъ, чтобы она потомъ была мѣстомъ яраго боя. Правда, мы знаемъ случаи обороны въ соборахъ и церквахъ, но это явленія исключительныя, имѣвшія мѣсто лишь тогда, когда храмъ оказывался *послѣднимъ* убѣжищемъ отъ врага!

Но затѣмъ, за исключеніемъ этого ошибочнаго предположенія, о. Сизой сообщаетъ много любопытныхъ данныхъ въ видѣ фактическаго матеріала. Отъ него мы узнаемъ, что башня имѣетъ *четыре* этажа, изъ коихъ нижній 3-хъ саженной высоты, что въ каждомъ этажѣ, кромѣ верхняго, есть внутренняя лѣстница и что навѣсныя бойницы облама приходятся въ третьемъ этажѣ. Ширина «навѣсныхъ бойницъ», или «щелей», какъ онъ ихъ называетъ, «до полуаршина», а сами онѣ находятся на высотѣ около *полутора аршинъ* отъ уровня пола третьяго этажа, въ стѣнахъ котораго были также бойницы для пораженія непріятеля изъ огнестрѣльнаго оружія.

Это *превышеніе навѣсныхъ бойницъ надъ поломъ* весьма замѣчательно, потому что онѣ вездѣ показаны на одномъ съ нимъ уровнѣ (черт. 29, 33 и табл. XI, черт. 3).

Назначеніе вышки у о. М. Сизого опредѣлено совершенно вѣрно, но новаго ничего не даетъ, а потому его дальнѣйшія сообщенія о башняхъ мы пока оставляемъ въ сторонѣ.

Изображенія этихъ обѣихъ башенъ мы видимъ у Ласковскаго (черт. 39 и 40), которыя сходны во всѣхъ своихъ частяхъ съ только что разобранными нами рисунками, чѣмъ и подтверждаютъ ихъ достовѣрность. Разнятся они лишь пропорціями, что сейчасъ-же бросается въ глаза при совмѣстномъ разсматриваніи, и тѣмъ, что на чертежѣ Ласковскаго нѣтъ почему-то орла на Спасской башнѣ. Малый подъёмъ крыши, на которой стоитъ дозорная вышка у этой башни (черт. 39), объясняетъ, почему этой крыши не видно на рисункѣ, доставленномъ изъ Иркутска (табл. XV, рис. 1).

---

[1]) См. № 5-й, стр. 74—75.

Затѣмъ въ 5-й части «Путешествія Наслѣдника Цесаревича на Востокъ»[1]) мы видимъ изображеніе деревянной крѣпостной башни и около нея—направо—древнюю деревянную церковь. Подпись подъ этимъ рисункомъ гласитъ только «Изъ остатковъ старой допетровской Сибири», но полное сходство этой башни съ Илимской Спасской башней, а церкви — съ Илимской Казанской церковью (табл. XVII, рис. 1) заставляетъ думать, что тамъ изображенъ уголокъ города Илимска.

На Иркутскихъ рисункахъ около Спасской башни начерченъ низкій одноэтажный деревянный домикъ въ два окна, съ весьма плоской крышей (табл. XV, рис. 2). Такъ какъ по необычайной толщинѣ лѣса онъ конечно очень старый, а по формѣ своихъ оконъ, несомнѣнно, петровскаго времени, то мы полагали необходимымъ воспроизвести здѣсь кстати и его изображеніе.

Затѣмъ, прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію церквей г. Илимска, считаемъ небезполезнымъ привести тѣ свѣдѣнія, которыя сообщаетъ объ этомъ городѣ Щукинъ, потому что въ его время остатки древности были тамъ гораздо многочисленнѣе, чѣмъ теперь.

«Изъ старинныхъ зданій, говоритъ онъ, сохранилась (въ Илимскѣ) только часть острога или крѣпости и гостиный дворъ. Острогъ состоялъ изъ двойного частокола, съ тремя воротами. Частоколъ давно подгнилъ и упалъ, но ворота стоятъ еще, на нихъ держится огромный двуглавый деревянный орелъ. Крѣпость стояла на узкомъ берегу Илима и заднимъ бокомъ почти касалась горы, съ которой непріятель легко могъ забросать ее камнями. Старики наши, вѣроятно, понимали это, но презирали своихъ слабыхъ непріятелей, вооруженныхъ копьями и стрѣлами. Другая важнѣйшая причина построенія крѣпости на мѣстѣ, лишенномъ стратегическихъ выгодъ, была та, что здѣсь прекращался водяный путь и начинался волокъ на рѣку Куту. Слѣдовательно тутъ было складочное мѣсто всѣхъ припасовъ, слѣдующихъ въ Якутскъ и на Амуръ. Здѣсь скоплялся весь ясакъ, получаемый съ народовъ, обитающихъ по Ленѣ.

Старый гостиный дворъ обращенъ теперь въ частномъ домѣ въ анбаръ. Раздѣляется на два этажа, верхній выдается надъ нижнимъ навѣсомъ; на лицевой сторонѣ круглыя окна съ желѣзными рѣшетками. Въ нижнемъ этажѣ трое дверей»[2]).

---

[1]) См. Путешествіе Государя Императора Николая II на Востокъ (въ 1890—1891). Авторъ-издатель кн. Э. Э. Ухтомскій. Иллюстрировалъ Н. Н. Каразинъ. Спб. 1896. ч. 5, стр. 130.

[2]) „Поѣздка въ Якутскъ“, стр. 62—63.

Перейдемъ теперь къ Илимскимъ церквамъ.

Когда былъ построенъ первый храмъ въ Илимскѣ—неизвѣстно, но, по свидѣтельству о. М. Сизого, около нынѣшней Спасской церкви, о которой мы уже говорили, есть его слѣды съ восточной стороны въ видѣ огромной земляной насыпи и деревянной часовни съ тремя деревянными-же крестами.

Кромѣ того до насъ дошли отъ него, по словамъ того-же свидѣтеля, слѣдующіе священные предметы:

1) Евангеліе 1712 года — вкладъ воеводы Лаврентія Родіонова сына Ракитина.

2) Крестъ со святыми мощами, XVIII-го (?) вѣка,—вкладъ священника Петра Максимова

и 3) старинные оловянные сосуды, изъ коихъ на дискосѣ имѣется слѣдующая характерная для своего времени подпись: «Блюдо всемилостивѣйшаго Спаса Илимскаго острогу, церковное положеніе Богдана Денисовича Оладьина, человѣка его Дементія, Ананьина сына» [1]). Такимъ образомъ никому не извѣстное имя Б. Д. Оладьина сохранилось, благодаря вкладу его «крѣпостного»!

Обратимся теперь къ древнѣйшей изъ нынѣ существующихъ въ Илимскѣ церквей—Казанской Божіей Матери (табл. XVII, рис. 1). Вотъ что сообщаетъ о ней г. С. Поповъ:

«Подробнѣйшаго описанія, а въ особенности исторіи построенія церквей, въ заштатномъ городѣ Илимскѣ доставить нѣтъ возможности въ настоящее время потому, что въ архивѣ города Илимска никакихъ документовъ, касающихся построенія ихъ, не нашлось. Изъ клировыхъ же вѣдомостей видно, что самая древнѣйшая изъ церквей, построенныхъ въ приходѣ, принадлежащемъ городу Илимску, и въ самомъ городѣ находящихся, есть церковь Казанская, построенная по показанію клировыхъ вѣдомостей въ 1679 году [2]).

Церковь эта деревянная однопрестольная, низменная, одноэтажная, съ однимъ довольно большимъ куполомъ, покрыта тесомъ на два ската гладко, куполъ же околоченъ небольшими дощечками, вырѣзанными зубцами и нало-

---

[1]) Ирк. Еп. Вѣд. 1883 г. № 4, стр. 52—53.

[2]) Хотя церковь эта по клировымъ вѣдомостямъ и значится построенною ранѣе Спасской церкви, но есть уже вторая въ г. Илимскѣ. Первая церковь именовалась, какъ именуется и нынѣ главная приходская церковь, Спасскою и существовала гораздо ранѣе этого времени, какъ видно это изъ историческаго описанія Киренскаго Свято-Троицкаго монастыря, изданнаго въ Москвѣ въ 1841 году; но эта первая (Спасская) церковь была истреблена пожаромъ. (Прим. г. Попова).

женными одна на другую. По мѣстному выраженію подобная покрыша называется «лемяхомъ». На куполѣ крестъ желѣзный золоченый; но крестъ этотъ относится постройкою къ недавнимъ временамъ.

Окна въ храмѣ квадратныя, мѣрою не больше аршина, въ нихъ вмѣсто стеколъ вдѣлана слюда; въ западной стѣнѣ по обѣимъ сторонамъ входной двери имѣются подобія оконъ, также задѣльныя слюдою, мѣрою въ вышину до полуторыхъ четвертей, а въ ширину по стѣнѣ около полуторыхъ саженъ. Особой паперти нѣтъ, а замѣняетъ ее рѣшетчатое крыльцо. Внутреннее расположеніе раздѣлено на пять отдѣленій: алтарь, мѣсто для клира (по мѣстному преданію и для воеводы), отдѣленіе для мущинъ, отдѣленіе для женщинъ и самая церковь; отдѣленія, назначенныя для мущинъ и женщинъ, отгорожены глухою переборкою, составленною изъ иконъ, писанныхъ въ ростъ человѣка, живопись иконъ на обѣихъ сторонахъ переборки. Потолокъ храма украшенъ иконами, писанными на полотнѣ, и, судя по стилю живописи, надо предполагать, что вся иконопись древняя и относится ко времени построенія самаго храма [1]). Въ правомъ отдѣленіи храма находится икона Божіей Матери, писанная на полотнѣ. Эту икону мѣстные жители именуютъ Казанскою; но по рисунку слѣдуетъ именовать ее Тихвинскою. Вся утварь въ церкви ветхая, но относится ли къ древностямъ или вызвана только крайностью по бѣдности прихода, положительно сказать нельзя, по невозможности опредѣлить это по надписямъ или какимъ-либо документамъ. Еще есть двѣ шитыя шелками и золотомъ иконы, бывшія какъ должно предполагать на хоругвяхъ; но дѣйствительно ли это были хоругви, положительно удостовѣрить нельзя, потому что нѣкоторые изъ мѣстныхъ жителей считаютъ ихъ знаменами, занесенными еще казаками при первоначальномъ появленіи ихъ на Илимѣ для покоренія и объясаченія инородцевъ».

Описаніе это даетъ очень много любопытнаго, въ особенности относительно внутренняго устройства. Скажемъ нѣсколько словъ объ архитектурныхъ особенностяхъ этой церкви по весьма понятной причинѣ пройденныхъ молчаніемъ г. Поповымъ.

Сколько можно судить по рисунку, Казанская церковь состоитъ изъ высокаго четырехугольнаго сруба, составляющаго восточную часть храма, къ которой примыкаетъ широкая и низкая западная трапеза, съ крылечкомъ на западной сторонѣ.

---

[1]) Бывшій въ Илимскѣ священникъ Корнаковъ пояснилъ, что вся иконопись, въ Казанской церкви находящаяся, есть старообрядческая. (Прим. г. Попова).

Восточный срубъ возвышается примѣрно на 1 саж. (9 вѣнцовъ) надъ крышею трапезы и покрытъ двускатою крышею; въ верхней трети это покрытіе переходитъ въ крышу «бочкой», обращенную лицомъ на западъ, а на ребрѣ бочки поставлена луковичная головка на тонкой шеѣ. Такимъ путемъ выдѣлена въ уборномъ смыслѣ главная восточная или алтарная часть храма. Луковичная главка и верхъ бочки покрыты деревянной черепицей, обрѣзанной въ нижнемъ концѣ съ обѣихъ сторонъ сходящимися «зубчатками», обыкновенно съ тремя прямоугольными уступами съ каждой стороны, которая на мѣстѣ называется «лемехомъ».

Восточныя боковыя части крыши трапезы не заканчиваются за восточной ея стѣной, но идутъ далѣе вплоть до восточной стѣны алтаря и перекрываютъ собою входящіе углы, образованные боковыми стѣнами алтарной части и трапезной. Что находится въ сѣверномъ углу, на рисункѣ не видно; но въ южномъ углу сдѣлана лѣстница, какъ это можно заключить по наклоннымъ periламъ, которая ведетъ въ восточную часть церкви, т. е. въ алтарь или къ воеводскому мѣсту, что вполнѣ возможно. Можетъ быть, даже было устроено такъ: съ одной стороны была лѣстница для воеводы и его семьи, а другая для духовенства, такъ какъ изъ описанія г. С. Попова очевидно, что воеводское мѣсто было въ этой части храма. Но, какъ это ни странно, на рисункѣ ни на восточной сторонѣ трапезы, ни на южной сторонѣ алтаря входной двери *не показано*, а нарисованы лишь *два окна*. Это можно объяснить только ошибкою въ рисункѣ, ибо зачѣмъ-же дѣлать лѣстницу, когда по ней никуда нельзя попасть? Очень страннаго вида были окна въ западной стѣнѣ, если только г. С. Поповъ не ошибся въ ихъ размѣрахъ: шесть вершковъ вышины и полторы сажени ширины, т. е. ширина въ двѣнадцать разъ болѣе высоты? Да вѣдь это какія то горизонтальныя щели, какихъ мы въ прочихъ памятникахъ или вовсе не встрѣчаемъ, или встрѣчаемъ въ иной пропорціи, какъ напр. на башнѣ-часовнѣ въ г. Балаганскѣ (табл. XVIII, рис. 2) [1])! Впрочемъ и самъ г. С. Поповъ называетъ ихъ не «окнами», а «подобіемъ оконъ». Во всякомъ случаѣ, мы оставляемъ на его отвѣтственности точность этихъ размѣровъ.

Очень любопытно внутреннее устройство трапезы: подобно древнехристіанскимъ базиликамъ она была разбита на три нефа, отдѣленныхъ другъ

---

[1]) Нѣчто подобное мы видимъ также въ рисункахъ нашихъ сѣверныхъ деревянныхъ церквей, представленныхъ за самое послѣднее время въ Академію Художествъ.

отъ друга не колоннами, а «глухими» переборками, украшенными съ обѣихъ сторонъ «иконами, писанными въ ростъ человѣка» (?) [1]), причемъ правый нефъ предназначался для мужчинъ, а лѣвый для женщинъ.

Раздѣленіе половъ въ церкви и до сихъ поръ еще встрѣчается во многихъ глухихъ мѣстностяхъ Россіи: не только по селамъ, но даже и по городамъ въ церкви мужчины становятся на право, а женщины на лѣво. Но особенно строго это соблюдается у старообрядцевъ. Поэтому раздѣленіе трапезы на три части глухими переборками въ связи съ указаніями священника Карпакова на «старообрядческую» иконопись заставляетъ предполагать, что церковь эта была сооружена старообрядцами, которыхъ въ Сибири всегда было достаточно.

Относительно внутренняго убранства церкви много любопытныхъ подробностей сообщаетъ о. М. Сизой.

Вотъ распредѣленіе росписи въ трапезѣ, согласно его описанію:

Наружная стѣна.	*Женское отдѣленіе.*	Перегородка.		*Мужское отдѣленіе.*	Перегородка.	Наружная стѣна.
	Лѣвая сторона перегородки:	Правая сторона перегородки:	*Плафонъ:*	Лѣвая сторона перегородки:	Правая сторона перегородки:	
	Свв. Варвара и Параскева.	Свв. Іоаннъ Златоустъ, Григорій Богословъ,	Господь Саваоѳъ.	Свв. Филиппъ, Петръ,	Свв. Борисъ, Глѣбъ и	
		Василій Великій и Николай Чудотворецъ.	Спаситель.	Іона и Алексѣй.	Александръ Невскій.	
			Входъ.			

Въ основу этой росписи, какъ видно изъ ея схемы, положена извѣстная руководящая идея: въ плафонѣ, соотвѣтствующемъ небу, помѣщены Господь Саваоѳъ и Іисусъ Христосъ. Далѣе, на перегородкахъ, въ среднемъ нефѣ, мы

[1]) Трудно понять, что этимъ хочетъ сказать описаніе: то-ли, что это иконы *не* „поясныя", или то, что фигуры написаны въ *натуральный* ростъ человѣка?

видимъ справа — святителей Русской церкви до никоновскаго времени, Петра, Алексія, Іону и Филиппа, а слѣва — отцовъ Вселенской церкви, Іоанна Златоустаго, Григорія Богослова, Василія Великаго и Николая Чудотворца, изъ коихъ первый и третій — творцы обѣихъ нашихъ восточныхъ литургій.

Въ правомъ, мужскомъ отдѣленіи святые князья русскіе, и притомъ князья воины, которые, очевидно, особенно чтились нашими казаками завоевателями: Борисъ, Глѣбъ и Александръ Невскій. Въ лѣвомъ женскомъ отдѣленіи свв. великомученицы Варвара и Параскева, имена коихъ весьма часто встрѣчаются въ нашемъ народѣ.

Какъ изображенъ Господь Саваоѳъ, о. М. Сизой не упоминаетъ, но если на персяхъ у Бога-Отца изображенъ Св. Духъ, то здѣсь на лицо имѣются всѣ три ипостаси Св. Троицы, и тогда роспись потолка будетъ вполнѣ понятна. Совмѣстное-же изображеніе только Бога-Отца и Бога-Сына, безъ Святого Духа, является совсѣмъ не обычнымъ.

Затѣмъ, конечно, рождается вопросъ, къ какому времени относится эта роспись? Вопросъ рѣшался бы очень просто, если бы можно было имѣть подъ руками хотя-бы фотографіи. Къ крайнему нашему сожалѣнію, таковыхъ въ Археологической Коммисіи не имѣется и въ нашемъ распоряженіи находятся лишь данныя, сообщенныя г. С. Поповымъ и о. М. Сизымъ.

По ихъ свидѣтельствамъ, образа писаны «на полотнѣ» и, кромѣ того, въ плафонѣ изображенъ Господь «Саваоѳъ».

Эти два признака указываютъ, повидимому, на ихъ сравнительно позднее происхожденіе, ибо наши древнія иконы писались обыкновенно на доскахъ, а отдѣльные священные лики, фигуры и событія — прямо на стѣнахъ, а не на полотнѣ, *набитомъ на рамахъ*; Бога-же Саваоѳа стали писать у насъ лишь во второй половинѣ XVII-го столѣтія. Но г. С. Поповъ, очевидно на основаніи указаній мѣстнаго духовенства, утверждаетъ, что, «судя по стилю *живописи*», надо предполагать, что «вся *иконопись* древняя» и относится ко времени построенія самаго храма. Кромѣ того, священникъ Корнаковъ пояснилъ ему, что вся эта иконопись «есть старообрядческая» [1]). Свящ. М. Сизой о времени происхожденія всѣхъ этихъ образовъ ничего не говоритъ, по несомнѣнно, быть можетъ даже противъ своей воли, подтверждаетъ ихъ «старообрядческое» происхожденіе, хотя, конечно, по цензурнымъ и административно-полицейскимъ условіямъ своего времени онъ не рѣшается этого сказать прямо. За то въ одномъ мѣстѣ онъ сообщаетъ, что на перегородкахъ укрѣплены писа-

[1]) См. прим. къ стр. 127-ой.

ныя на полотнѣ иконы *до-никоновской живописи* (!?) [1]); а въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ слѣдующее: «И замѣчательно еще то, что митр. Филиппъ и св. Алексѣй написаны съ поднятою правою рукою и такимъ сложеніемъ пальцевъ на ней: большой, мизинецъ и безъимянный, вмѣстѣ стоя, соединены оконечностями; указательный и средній, стоя вмѣстѣ, расположены отдѣльно отъ первыхъ. Хотя такое сложеніе и напоминаетъ благословляющую руку священно-пастыря, но далеко не тождественно съ нею» [2]).

Эти крайне осторожныя слова о. М. Сизого показываютъ только, что онъ *не могъ* сказать того, что видѣлъ передъ глазами. Вѣдь описанное имъ сложеніе десницы есть ничто иное, какъ «двуперстіе», столь горячо отстаиваемое старообрядцами; поэтому «старообрядческое» происхожденіе образовъ несомнѣнно. Но это ни на волосъ не подвигаетъ вопроса о времени ихъ написанія. Мы даже не можемъ сказать, какіе они,—«иконописные» или «живописные»,—ибо и г. С. Поповъ и о. М. Сизой, какъ неспеціалисты, очевидно, эти понятія путаютъ: первый пишетъ, что «судя по стилю *живописи*, вся *иконопись* древняя», а второй толкуетъ о какой-то «до-никоновской» *живописи*! Одно изъ двухъ: или «иконопись», или «живопись», и эти термины для спеціалиста сразу рѣшаютъ вопросъ. Тутъ же все сбито въ одну кучу, а потому данныхъ для рѣшенія вопроса нѣтъ.

Что же касается до домысла о. М. Сизого, что образа эти писаны не въ Илимскѣ, а присланы издалека, ибо самое изображеніе на полотнѣ обличаетъ ихъ доставку, съ этимъ можно только согласиться. Въ самомъ дѣлѣ переслать писанную на полотнѣ икону весьма легко: для этого стоитъ только проложить её съ лица масляной бумагой, накатать обратной стороной на скалку и зашить сперва для чистоты въ полотно, а потомъ въ кожу для защиты отъ сырости, и тогда она никакой пересылки не боится; можно везти хоть на вьюкахъ, причемъ и самая цилиндрическая форма упаковки совсѣмъ не громоздка и очень удобна для укладки. Тогда какъ икона на «дцкѣ», въ особенности большая, требуетъ громоздкаго ящика и самаго тщательнаго укрѣпленія въ немъ доски, чтобы не получилось въ дорогѣ царапинъ и потёртыхъ мѣстъ. Кромѣ того ящикъ иначе какъ «гужомъ» везти нельзя, причемъ на дурномъ проселкѣ, да еще въ распутицу, его всегда можно случайно разбить. Но если этотъ домыселъ о. М. Сизого вѣренъ, то съ другимъ его предположеніемъ никакъ согласиться нельзя: онъ полагаетъ, что всѣ эти иконы «по заказу

[1]) См. у него стр. 54.
[2]) Ib. стр. 55.

писались въ Тобольскѣ, гдѣ въ то время существовала иконописная школа при митрополичьемъ дворѣ». Самъ же онъ описываетъ *двуперстое* сложеніе десницъ у этихъ иконъ; какъ же можно допустить, чтобы при *митрополичьемъ дворѣ* было допущено «двуперстіе»! Да вѣдь это дѣло совершенно невозможное. Поэтому вѣрнѣе предположить, что эти образа были написаны въ XVIII вѣкѣ въ Москвѣ, гдѣ было всегда много богатѣйшихъ старообрядцевъ, которые, конечно, были готовы придти на помощь «своему» храму, хотя бы и въ отдаленномъ Прибайкальѣ. На XVIII-же вѣкъ указываютъ, во 1-хъ, образа на полотнѣ и на «подрамкахъ», во 2-хъ, изображеніе Саваоѳа въ плафонѣ и, въ 3-хъ, одно выраженіе о. М. Сизого, которое опредѣляетъ скорѣе «живопись», чѣмъ «иконопись». «Къ тому же, говоритъ онъ, самая живопись иконъ *принадлежитъ довольно искусной кисти*» [1]). Врядъ ли онъ выразился бы такъ объ «иконномъ» письмѣ. Впрочемъ, все это только одни предположенія, и окончательнаго рѣшенія вопроса мы ждемъ отъ мѣстныхъ археологическихъ силъ, ибо, въ свою очередь «живопись» никакъ не вяжется со «старообрядчествомъ».

Кромѣ этихъ свѣдѣній объ украшеніи трапезы, о. М. Сизой сообщаетъ, въ качествѣ очевидца, и другія подробности о внутреннемъ устройствѣ храма, которыя мы считаемъ нужнымъ привести здѣсь для полноты картины.

«Въ отдѣлѣ старцевъ [2]), говоритъ онъ, поражаетъ размѣрами икона Божіей Матери Троеручицы, писанная на холстѣ, безъ всякихъ украшеній, въ рамѣ простой работы; выш. икона 2³/₄ арш., шир. около 3 арш.; устоемъ подъ нею служитъ простая деревянная лавка; предъ иконой стоитъ нехитрой работы деревянный некрашеный подсвѣчникъ. Трапеза отдѣляется отъ церкви собственно деревянною рѣшеткой, въ срединѣ которой устроена дверь для входа и выхода. Эта часть весьма незначительна по своимъ размѣрамъ. Она, если не брать во вниманіе едва замѣтнаго возвышенія, замѣняющаго солею и амвонъ, шир. 5 арш., длин. около 2 арш., съ особо устроенными по ту и другую сторону дверей небольшими скамеечками. Эта часть назначалась въ свое время для воеводы, его семьи и близкихъ къ нему людей чиновныхъ. Этимъ объясняются сравнительно ничтожные размѣры ея; это же даетъ поводъ предполагать, что описываемая церковь построена была однимъ изъ воеводъ, которому, въ виду его особой попечительности о распространеніи храмовъ Божіихъ, и дана была привилегія пользоваться особымъ помѣщеніемъ въ храмѣ. Иконостасъ самой

---

[1]) Ib. стр. 57.

[2]) Такъ онъ называетъ „правое" отдѣленіе.

простой работы: онъ составленъ изъ двухъ досчатыхъ некрашеныхъ рамъ и двухъ иконъ, находящихся въ нихъ: св. Іоанна Устюжскаго[1]) въ ростъ человѣка и образа Нерукотвореннаго Спаса, очень искусно вышитаго на шелковомъ платѣ шелкомъ, золотою и серебряною мишурою, въ квадратѣ $1^1/_2$ арш. По сторонамъ плата также искусно вышитъ текстъ тропаря образу. На верхней части плата находятся девять шелковыхъ петель, сдѣланныхъ, очевидно, съ тою цѣлью, чтобы удобно было посредствомъ шнура, или тонкой палки, вѣшать его. Въ такомъ именно видѣ находится онъ прикрѣпленнымъ и теперь по правую сторону царскихъ вратъ. Нижняя часть плата украшена нѣсколькими, сдѣланными изъ шелка же, кистями. Царскія врата имѣютъ въ ширину около аршина (?), въ высоту $2^1/_2$ арш., створки сдѣланы изъ простыхъ досокъ, закругленныхъ сверху: внизу онѣ не доходятъ до пола около 2 четв. Въ алтарѣ, такъ же какъ и въ трапезѣ, весь потолокъ укрытъ изображеніями на холстѣ, надъ св. крестомъ находится изображеніе Господа Саваоѳа. Св. престолъ въ $^3/_4$ арш. въ квадратѣ и жертвенникъ того же размѣра. На юго-восточной стѣнѣ алтаря, около горняго мѣста, находится другая вышитая золотомъ икона — Знаменія Божіей Матери; она почти во всемъ похожа на икону Нерукотвореннаго Спаса, только немного меньше ея, безъ петель и кистей» [1]).

Въ этомъ описаніи прежде всего бросается въ глаза разногласіе его со свѣдѣніями, сообщаемыми г. С. Поповымъ относительно образа Богоматери въ правомъ отдѣленіи храма.

Г. С. Поповъ говоритъ, что мѣстные жители именуютъ ее «Казанской», а *по рисунку* ее слѣдуетъ именовать «Тихвинской»; а о. М. Сизой называетъ ее «Троеручицей», хотя и оговаривается, что «нѣкоторыми» она принимается за «Казанскую».

Это разногласіе тѣмъ страннѣе, что если возможно еще спутать по нѣкоторому сходству изображенія иконъ Казанской и Тихвинской Божіей Матери [2]),

[1]) Это какъ бы наводитъ на мысль о „казакахъ- устюжанахъ"; не забудемъ, что самъ знаменитый Дежневъ былъ родомъ изъ Устюга. На то же предположеніе наводитъ и слѣдующее сообщеніе г. Ровинскаго: „Рѣзьба въ иконостасѣ, говоритъ онъ, и разныя живописныя украшенія указываютъ, что тутъ работали хорошіе мастера; извѣстно, что тамъ (въ Илимскѣ) жили отличные серебряки, *вышедшіе изъ Устюга*, издари славившіеся своею работою подъ чернью". (См. его статью „Между Леной и Ангарой", въ *Извѣст. Вост.-сиб. Отд. Географ. О-ва.* Ноябрь 1871 г., стр. 11—12). Прим. автора.

[2]) Хотя сходство это очень незначительно и между обѣими иконами есть большая разница: на Тихвинской иконѣ изображеніе *ниже пояса;* Іисусъ Христосъ *сидитъ* на лѣвой рукѣ Богоматери; у Нея написаны *обѣ ручки*, а у Предвѣчнаго Младенца *обѣ ножки*; тогда какъ на Казанской иконѣ—изображеніе *полокотное;* Іисусъ Христосъ *стоитъ* около лѣваго плеча Приснодѣвы; ни *ручекъ* Ея, ни

то это уже совершенно невозможно относительно Троеручицы, такъ какъ, во 1-хъ, лико Ея обращено въ противную сторону (влѣво), а во 2-хъ, она имѣетъ такой рѣзко характерный признакъ, какъ *три* ручки: одну лѣвую и двѣ правыхъ.

Подробности, сообщаемые въ описаніи о. М. Сизого о шитомъ образѣ Нерукотвореннаго Спаса, повидимому, подтверждаютъ преданіе, что онъ былъ прежде казацкимъ знаменемъ: подвѣсныхъ образовъ въ иконостасахъ мы не знаемъ, да и, кромѣ того, на иное назначеніе этого образа указываютъ нижнія кисти. Что же касается до подобнаго же образа Знаменія, у котораго нѣтъ ни петель, ни кистей, то вѣдь онѣ могли быть и отпороты при его новомъ назначеніи.

Описаніе царскихъ вратъ важно въ томъ отношеніи, что указываетъ способъ навѣски нашихъ древнихъ царскихъ дверей, створы которыхъ нерѣдко бывали ниже роста человѣка: эти створы просто приподнимались на пол-аршина отъ полу.

Наконецъ обращаютъ на себя вниманіе малые размѣры престола и жертвенника — 3/4 аршина въ квадратѣ, тогда какъ теперь престолъ дѣлается обыкновенно 1¼ или 1½ арш. въ сторонѣ, что объясняется, конечно, сравнительной роскошью и большими размѣрами современной церковной утвари, а въ особенности огромными размѣрами Евангелій, пошедшими у насъ въ ходъ главнымъ образомъ съ половины XVIII столѣтія.

Что касается до общихъ размѣровъ этого храма, то, по свидѣтельству того же г. Ровинскаго, онъ такъ невеликъ, что снаружи можно руками достать до крыши, а внутри высокій человѣкъ можетъ коснуться головою потолка. Очевидно, впрочемъ, что это относится только къ западной, низкой трапезѣ.

Время его основанія онъ относитъ, вопреки приводимому г. Поповымъ показанію клировыхъ вѣдомостей, почему то къ 1676-му году, а не къ 1679-му, что впрочемъ, не существенно.

Этими замѣчаніями мы полагаемъ возможнымъ закончить разборъ тѣхъ свѣдѣній, которыя мы имѣемъ о Казанской Илимской церкви.

Введенская церковь Илимска (табл. XVII, рис. 2) нѣсколько напоминаетъ Казанскую по внѣшнему виду, но существенно отличается отъ нея внутреннимъ устройствомъ.

ножекъ Спаса—Младенца *не видно.* Такимъ образомъ все сходство обоихъ изображеній сводится къ одному только общему повороту лика Богоматери въ одну и ту же сторону,—въ правую.

[1]) № 4, стр. 55–56.

Вотъ что сообщаетъ объ ней г. С. Поповъ:

«Кромѣ Казанской церкви къ Илимскому приходу принадлежатъ: церковь, находящаяся въ двухъ верстахъ отъ города Илимска, также деревянная, построенная, какъ свидѣтельствуютъ клировыя вѣдомости, въ 1693 году. Она имѣетъ два купола и два престола, одинъ во имя Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы, а другой во имя Святителя и Чудотворца Николая, алтари совершенно равные и раздѣлены бревенчатою стѣною. Наружныя стѣны церкви сложены изъ толстаго и длиннаго лѣса, и самое зданіе довольно высоко. Внутри церковь раздѣлена на два отдѣленія капитальною стѣною, но не глухою, потому что сдѣланы въ ней отверстія на подобіе большихъ оконъ. Потолокъ въ церкви уже передѣланъ, полъ же перестланъ только въ передней половинѣ. Около клиросовъ поставлены два большихъ деревянныхъ креста, замѣчательныхъ своею массивностью; мѣрою они до двухъ саженъ въ вышину. На крестѣ, поставленномъ около праваго клироса, съ лицевой стороны изображено красками Распятіе, а на оборотной Архангелъ Гавріилъ [1]); затѣмъ передъ этимъ крестомъ находится деревянный раскрашенный на подобіе парчи подсвѣчникъ съ надписью «7193 [2]) года Февраля въ 20-й день»; на крестѣ же, утвержденномъ у лѣваго клироса, съ лицевой стороны изображено Распятіе, а на сторонѣ оборотной вырѣзана славянскими буквами надпись слѣдующаго содержанія: «лѣта 7193, Апрѣля въ день [3]) поставилъ сей Святый и животворящій крестъ Господень стольникъ и воевода Илья Андреевичъ Змѣовъ».

По внѣшности своей Введенская церковь еще проще Казанской: поставлены рядомъ два сруба одинаковой ширины, изъ которыхъ западный—низкій и короткій, а восточный — высокій и длинный, и покрыты каждый отдѣльной двускатой крышей; на крышѣ восточнаго сруба поставленъ небольшой квадратный срубикъ, покрытый «бочкой», повернутой поперёкъ главной оси зданія, а на бочкѣ двѣ одинаковыхъ луковичныхъ главки, которыя символизуютъ, какъ мы увидимъ далѣе, сущность внутренняго устройства этого храма.

Размѣры церкви не велики: въ длину она имѣетъ около 5 саж., а въ ширину 4 саж. Болѣе, по рисунку, никакихъ особенностей не замѣтно, но о. М. Сизой описываетъ еще западную паперть.

---

[1]) И „Божія Матерь“ съ надписью: „святый ангелъ, хранитель человѣковъ“, по свидѣтельству о. М. Сизого. *Прим. автора.*

[2]) 1685 годъ.

[3]) Числа нельзя прочесть—стерто. *(Прим. г. Попова).*

«Съ западной стороны храма, говоритъ онъ [1]), во всю ширину его, устроена досчатая крытая галерея, замѣняющая собою нынѣшнюю паперть. Входъ въ галерею открываетъ довольно длинная узкая лѣстница, одинъ конецъ которой утвержденъ на землѣ, а другой, на высотѣ нѣсколькихъ аршинъ отъ нея, соединяется съ самою галереею. Съ обѣихъ сторонъ лѣстницы укрѣплены деревянныя перила. Надъ лѣстницею, на подобіе балдахина, возвышается тесовая крыша, имѣющая, въ соотвѣтствіе лѣстницѣ, наклонное положеніе».

Эта лѣстница подобна совершенно той, которую мы видимъ у храма Рождества Іоанна Предтечи (табл. XVI, рис. 2). Такъ какъ помѣщенный у насъ рисунокъ ц. Введенія — 1870 года, а статья о. М. Сизого — 1883-го, то можно предполагать, что эта паперть позднѣйшаго происхожденія.

Кромѣ того, относительно наружности вида церкви онъ замѣчаетъ, что она имѣетъ «лишь немного» обыкновенныхъ, т. е. позднѣе устроенныхъ оконъ, а всѣ остальныя—маленькія, «волоковыя». Наконецъ, первоначальные кресты храма были деревянные, обитые жестью, которые хранились въ немъ еще въ 1883-мъ году.

Внутри церковь раздѣляется на три части: трапезу, собственно церковь и алтарь. Первая помѣщается въ болѣе низкой западной пристройкѣ. Въ капитальной стѣнѣ, отдѣляющей ее отъ высокой, собственно церковной части, прорѣзано дверное отверстіе и два другихъ по бокамъ на подобіе оконъ, для болѣе удобнаго слушанія богослуженія. Въ высокой части храма, съ западной стороны, помѣщается самая церковь, а восточная ея половина раздѣлена на двѣ равныя части бревенчатой стѣной, вслѣдствіе чего образуются два совершенно равныхъ алтаря.

Это дѣленіе восточной части на *два* алтаря и заставило помѣстить «бочку» поперёкъ конька, ибо только при этомъ условіи каждый алтарь будетъ имѣть свою главу. Такимъ образомъ верхняя надстройка не только дѣлаетъ свое дѣло въ уборномъ отношеніи, но и строго логична въ символическомъ смыслѣ; эти двѣ главки *рядомъ* «во очію» знаменуютъ два рядомъ стоящихъ подъ ними алтаря.

Иконостасъ, по свидѣтельству о. М. Сизого, новый, крашеный и потому, конечно, ничего особеннаго не представляетъ. Гораздо любопытнѣе Распятіе, поставленное воеводою Змѣевымъ, и подсвѣчникъ передъ другимъ крестомъ, потому что оба они имѣютъ дату и относятся къ 1685-му году, а потому наводятъ на размышленіе относительно времени сооруженія храма. Что же

---

[1]) Стр. 66.

касается до «деревяннаго подсвѣчника, раскрашеннаго на подобіе парчи», то это, очевидно, такъ называемая «поклонная», «тощая» или «поставная» свѣща, которая попадается еще въ нашихъ старыхъ церквахъ. Она обыкновенно представляетъ собою большой цилиндрическій подсвѣчникъ, примѣрно вершковъ 5 въ діаметрѣ, высотою около $1^1/_4$ аршина, расписанный пестрымъ орнаментомъ; внизу онъ оканчивается металлической подставкой, а наверху увѣнчивается металлическимъ же фигурнымъ колпакомъ со вставными гнѣздами для свѣчей [1]). Такія свѣчи ставились, по большей части по обѣту, передъ мѣстными иконами, въ качествѣ неугасимой лампады.

Чтобы покончить съ внутреннимъ устройствомъ церкви, воспользуемся деталями, сообщаемыми о. М. Сизовымъ о прежнемъ ея отопленіи. Онѣ тѣмъ цѣннѣе для насъ, что въ настоящее время отопленіе передѣлано, а потому слѣды прежняго уже исчезли: но устройство его крайне любопытно, ибо оно показываетъ, *съ чѣмъ могли мириться* первые русскіе обитатели Сибири!

Въ старой московской Руси, въ зависимости отъ способа отопленія, избы раздѣлялись на «черныя» и «бѣлыя». Это дѣленіе и до сихъ поръ удержалось въ Россіи, потому что и теперь еще во многихъ захолустьяхъ существуютъ такъ называемыя «курныя» избы. Разница между ними заключается въ томъ, что въ «бѣлой» избѣ дѣлается печь съ трубою, а въ «черной» или «курной» избѣ устраивается очагъ прямо на полу или печь безъ трубы и дымъ выходитъ въ открытую дверь или въ отверстіе въ потолкѣ, какъ въ самоѣдскомъ чумѣ [2]). Затѣмъ, по свидѣтельству поляка Маскевича [3]), бывшаго въ Кремлѣ во времена «московской розрухи», большія палаты отапливались тамъ особыми печами, помѣщавшимися въ подвалахъ и подававшими вверхъ тепло каналами и отдушинами. Слѣдовательно въ XVII вѣкѣ русскіе были знакомы также съ «духовымъ» отопленіемъ. Отопленіе трапезы Введенской церкви представляло собою странную смѣсь «духового» отопленія съ «курнымъ». Вотъ что пишетъ по этому поводу о. М. Сизой:

---

[1]) Рис. см. у Солнцева, «Древн. Росс. Гос.», т. I, табл. 72, у Н. Симакова, «Русск. орнаментъ», табл. 21, и у Шохина, «Сборн. очерк. и детал рис. русск. стар. построекъ», табл. 28.

[2]) Для читателей, не видавшихъ курной избы, позволяемъ себѣ указать на сочиненіе г. А. О. Heikel'я—„Rakennukset Teremisseilla, Mordvalaisilla, Virolaisilla ja Juomalaisillja". Helsingissa, 1887 („Постройки черемисовъ, мордвы, эстовъ и финновъ"). Хотя эта книга на финскомъ, конечно, малодоступномъ языкѣ, но рис стр. 11, 12, 13, 14 и др. даютъ полное представленіе о „курной" избѣ.

[3]) См. въ сборникѣ Устрялова — «Сказанія современниковъ о Дмитріи Самозванцѣ», т. V, стр. 69.

«Въ настоящее время *трапеза имѣетъ совсѣмъ другой видъ, чѣмъ прежде. Находящаяся въ ней печь устроена была иначе*, нежели какъ теперь: *она помѣщалась подъ поломъ и совсѣмъ не имѣла трубы.* Во время топки весь дымъ шелъ въ трапезу, и только потомъ, въ прорубленное въ верхней части стѣны окно, мало-по-малу выходилъ наружу. Такой способъ топки, отъ осаждавшейся на стѣны и потолокъ трапезы сажи дѣлалъ ихъ совершенно черными — лоснящимися. Во избѣжаніе прохода дыма во внутреннія отдѣленія храма, имѣвшіяся въ поперечной стѣнѣ двери и окна во время топки наглухо закрывались. Когда, по окончаніи топки, дыма не оставалось въ трапезѣ, — «куталась [1]) печка», открывались двери и окна, такимъ образомъ, нагрѣвались и остальныя части храма» [2]).

Итакъ, по идеѣ (обогрѣваніе *снизу*) это отопленіе «духовое», а по исполненію (*безъ трубы*) — «курное». Трудно себѣ представить болѣе варварскій способъ обогрѣванія храма Божьяго, но онъ весьма любопытенъ въ смыслѣ опредѣленія степени «нетребовательности» покорителей и первыхъ просвѣтителей сибирскихъ инородцевъ, а потому мы должны быть благодарны о. М. Сизому за то, что онъ сохранилъ для насъ эти характерныя подробности.

Въ заключеніе намъ остается сказать лишь нѣсколько словъ о годѣ основанія описываемой церкви.

Г. С. Поповъ приводитъ запись клировыхъ вѣдомостей, по которой она основана въ 1693-мъ году. Но годъ этотъ кажется весьма страннымъ въ виду того, что крестъ воеводы Змѣева поставленъ въ 1685 году. Поэтому надо думать, что запись клировыхъ вѣдомостей невѣрна и годъ въ ней поставленъ наобумъ. Повидимому, гораздо болѣе правъ г. Ровинскій, который относитъ основаніе церкви, хотя и безъ указанія источника, къ 1673 году [3]) и считаетъ *её самой древней въ городѣ* и стоящей въ предѣлахъ *перваго* острога. «Первоначально, говоритъ онъ, Илимскъ былъ построенъ выше по Илиму на одну версту, гдѣ теперь нѣсколько дворовъ и никакихъ признаковъ стараго острога, называемаго по преданію «верхнимъ», *но есть церковь самая старая изъ существующихъ тамъ*: именно отъ 1673 года, во имя Введенія во храмъ».

Не считаемъ возможнымъ обойти молчаніемъ того значенія для края Введенской и Казанской Илимскихъ церквей, которое такъ опредѣляетъ г. Ровин-

---

[1]) Очевидно—«закрывалась».

[2]) № 5, стр. 65.

[3]) См. его статью „Между Леной и Ангарой“ въ „*Извѣстіяхъ Восточно-сибирскаго отдѣла Географическаго О-ва*“ (Ноябрь, 1871, стр. 10).

скій: «Замѣчательно, что эти церкви послужили прототипомъ для нѣкоторыхъ церквей по Ленѣ, гораздо позднѣйшаго времени—даже въ деталяхъ внутренней орнаментировки».

Обратимся теперь къ третьей и послѣдней церкви города Илимска, о которой говоритъ г. С. Поповъ (табл. XVI, рис. 2).

Вотъ что онъ объ ней сообщаетъ: «Другая церковь, также принадлежащая къ Илимскому приходу, находится на такъ называемой заимкѣ въ 6-ти верстахъ отъ города, въ лѣсу; церковь эта также одноэтажная; построена, какъ значится по клировымъ вѣдомостямъ, въ 1707 году, во имя Рождества Предтечи и Крестителя Господня Іоанна. Архитектурой она сходна съ церковью, находящеюся въ слободѣ, исключая только того, что однопрестольная, а вслѣдствіе этого и съ однимъ куполомъ».

Въ отношеніи своего зодчества церковь эта представляетъ собою верхъ безыскуственности и простоты: это въ сущности обыкновенная изба, съ западной стороны которой пристроена паперть въ видѣ крытаго крыльца, а на крышѣ устроена не менѣе первобытная главка; нижняя часть ея, или постаментъ, по своей общей формѣ,—такая же изба, только маленькая, поставленная поперекъ нижней или главной избы. Этотъ постаментъ по коньку своей крыши увѣнчанъ крохотною луковкою на очень тонкой шеѣ.

Оба сруба, и нижній большой, и верхній маленькій, срублены «безъ остатка»,—«въ лапу», что ясно видно на рисункѣ.

Церковь имѣетъ два окна съ южной стороны и двѣ двери съ паперти: одну съ запада, а другую съ сѣвера. Паперть охватываетъ церковь съ боковъ и заканчивается у алтарей. Полъ ея приподнятъ надъ уровнемъ земли на два аршина, что объясняется, конечно, толстымъ зимнимъ слоемъ снѣга. Относительно внутренности церкви заимствуемъ у о. М. Сизого нѣкоторыя подробности, о которыхъ умалчиваетъ г. С. Поповъ.

«Клиросъ въ церкви, пишетъ о. Сизой, одинъ правый. У клироса на пьедесталѣ утверждено рѣзное изображеніе на крестѣ Христа Спасителя, съ таковыми же изображеніями по сторонамъ Божіей Матери и Евангелиста Іоанна. Иконостасъ самой простой работы, незатѣйливо сколоченный изъ досокъ и балокъ, на которыхъ также просто укрѣплены мѣстныя иконы, писанныя на холстѣ. Изъ иконъ останавливаютъ на себѣ вниманіе икона Спасителя по правую сторону царскихъ вратъ и икона Божіей Матери по лѣвую. Та и другая *древней живописи, весьма схожей съ нынѣшней, такъ называемой суздальскою.* На св. престолѣ до сихъ поръ сохраняется деревянная дарохранительница съ

нѣсколькими помѣщеніями, крашеная. Какъ въ алтарѣ предъ св. престоломъ, такъ и въ самой церкви предъ мѣстными иконами всѣ подсвѣчники деревянные, сохранившіеся, навѣрно, съ самаго построенія храма. Храмъ освѣщается семью небольшими окнами, въ которыя, вмѣсто стеколъ, вдѣлана слюда. Вѣнчающій церковь куполъ, съ утвержденнымъ на немъ крестомъ, устроенъ совершенно такъ же, какъ и у предыдущихъ храмовъ. Для совершенія божественной литургіи при храмѣ имѣется св. антиминсъ, священнодѣйствованный митрополитомъ тобольскимъ Филоѳеемъ въ 1704 году» [1]).

По поводу этого описанія считаемъ долгомъ замѣтить, что если въ очеркѣ Введенской церкви о. М. Сизой какъ будто даетъ поводъ предполагать, что подъ словомъ «живопись» онъ подразумѣваетъ письмо западнаго характера, то здѣсь оказывается, что «живописью» онъ называетъ также и «иконопись», что явствуетъ изъ слѣдующаго его опредѣленія письма мѣстныхъ иконъ: «та и другая древней живописи, весьма схожей съ нынѣшней, такъ называемой суздальской». Это выраженіе, несомнѣнно, показываетъ, что мы здѣсь имѣемъ дѣло съ «иконописью». Вмѣстѣ съ тѣмъ это выраженіе наводитъ на сомнѣніе относительно Введенской церкви: не иконопись-ли и тамъ? А потому, повторяемъ, вопросъ этотъ можетъ быть рѣшенъ только или на мѣстѣ, или присылкой фотографій въ Археологическую Комиссію, что, конечно, крайне желательно. Если же тамъ «иконопись», то въ связи съ «двуперстіемъ» это обстоятельство только подтверждаетъ нашу догадку о происхожденіи иконъ изъ Москвы, какъ изъ главнаго центра старообрядчества. Желательно бы также имѣть и фотографіи древней утвари этихъ церквей. Особенно должны быть любопытны шитые образа и большая свѣча Введенской церкви и деревянные подсвѣчники съ такой же крашеной дарохранительницей. Первые, какъ произведенія развитого русскаго искусства XVII столѣтія, а вторыя—по первобытности своей формы. Можетъ быть, ихъ изображенія и станутъ когда-нибудь достояніемъ русской науки.

Мы уже упоминали вскользь о главной Спасской церкви г. Илимска, рисунковъ которой не помѣстили въ виду того, что сравнительно болѣе позднія формы ея XVIII вѣка лишены народнаго характера и потому мало любопытны. Тѣмъ не менѣе, мы считаемъ небезполезнымъ привести здѣсь свѣдѣнія, сообщаемыя о ней г. С. Поповымъ.

«Наконецъ, 4-я церковь, пишетъ онъ, находящаяся въ самомъ городѣ

[1]) См. № 5, стр. 68—69.

Илимскѣ невдалекѣ отъ церкви Казанской, именуется Спасскою, и есть главная церковь прихода; построена она въ 1783 году. Наружный видъ Спасской церкви представляетъ уже новѣйшій стиль. Она имѣетъ четыре купола, обитые жестью; на куполахъ желѣзные вызолоченные кресты; покрыта и обита тесомъ, двухэтажная; въ нижнемъ этажѣ два престола, а въ верхнемъ одинъ. Внутреннее расположеніе церкви въ первомъ этажѣ раздѣлено на два отдѣленія; въ верхнемъ же раздѣленія нѣтъ. Въ первомъ отдѣленіи, со входа въ нижній этажъ, около стѣнъ и на правой сторонѣ при колоннахъ, подкрѣпляющихъ потолокъ, устроены скамьи; а со входа на паперть верхней церкви по сѣверной и южной сторонамъ устроены перила, поддерживаемыя какъ съ той, такъ и съ другой стороны четырьмя деревянными колоннами. Окна въ нижнемъ этажѣ изъ слюды съ желѣзными рѣшетками, а въ верхнемъ стеклянныя. Живопись въ нижней церкви древняя, а въ верхнемъ этажѣ позднѣйшихъ временъ. Верхняя церковь расписана историческими картинами ветхаго и новаго завѣта, которыя писаны, какъ видно изъ находящейся въ алтарѣ на правой стѣнѣ надписи, въ 1815 году — «усердіемъ купца Авива Козлова, писалъ А. С.».

Кромѣ того онъ сообщаетъ также нѣкоторыя свѣдѣнія объ утвари Илимскихъ церквей. Хотя мы о нихъ уже говорили, но для полноты приводимъ также и его слова. Вотъ они: «Изъ числа церковной утвари въ городѣ Илимскѣ обращаютъ на себя вниманіе: оловянные подъ чернью «потиръ и дискосъ» съ остальными принадлежностями, до жертвенника относящимися; въ особенности замѣчательна по своей формѣ «лжица», но къ которому времени слѣдуетъ отнести построеніе этихъ сосудовъ, по неимѣнію на нихъ надписей, съ точностью опредѣлить нельзя. Евангеліе въ листъ величиною, крупной славянской печати 1703 года съ серебряною отдѣлкою и такою же надписью 1721 года; надпись на немъ слѣдующая: «Сіе Святое Евангеліе строено въ Илимску раденіемъ воеводы Лаврентія Родіонова сына Ракитина, вѣсу сребра два фунта и десять золотниковъ. Работалъ Никита Яковлевъ, лѣта отъ Адама»....

«Есть серебряный напрестольный крестъ со вложенными въ оный мощами Святыхъ угодниковъ, построенный, какъ значится въ надписи на крестѣ, священникомъ Петромъ Максимовымъ [1]) году Апрѣля. На всѣхъ существующихъ въ г. Илимскѣ церквахъ прежде кресты были деревянные, обитые жестью.

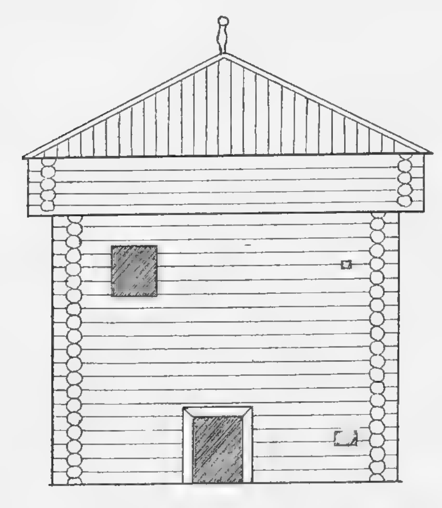
[1]) Годовъ по нечеткости вырѣзки ихъ на крестѣ и Евангеліи нельзя разобрать. *(Прим. г. С. Попова).*

Кресты эти сохраняются по настоящее время и замѣчательны своею массивностью, но не имѣютъ на себѣ никакихъ украшеній».

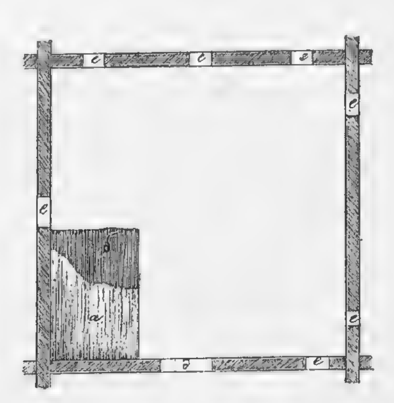
Таковы свѣдѣнія, сообщенныя г. С. Поповымъ объ Илимской старинѣ. Какъ ни скромно оцѣниваетъ онъ въ письмѣ къ г. Ларіонову [1]) составленное имъ описаніе, но мы должны подчеркнуть его значеніе, какъ свидѣтельство очевидца, и во всякомъ случаѣ помянуть этотъ трудъ добрымъ словомъ: онъ далъ намъ любопытный матеріалъ объ Илимскихъ храмахъ за тринадцать лѣтъ до появленія почтенной статьи о. М. Сизого.

VI.

Кромѣ Илимска, остатки древности находятся въ «Братскомъ острогѣ», который представляетъ собою теперь Братское село Нижнеудинскаго округа Иркутской губерніи. Объ основаніи его мы уже говорили [2]). Онъ былъ не сразу поставленъ на нынѣшнемъ своемъ мѣстѣ, а передвигался нѣсколько разъ. Сначала острогъ этотъ былъ заложенъ въ 8-ми верстахъ отъ устья Оки; затѣмъ его перенесли на полдня пути вверхъ по Ангарѣ и построили при большомъ порогѣ Падунѣ. Въ 1648 году онъ былъ снова перенесенъ на

Чертежъ 42. Фасадъ башни въ Братскомъ острогѣ. (По документамъ дѣла Т.-С. К-та М. В. Д. 1869 года, № 287, т. I).

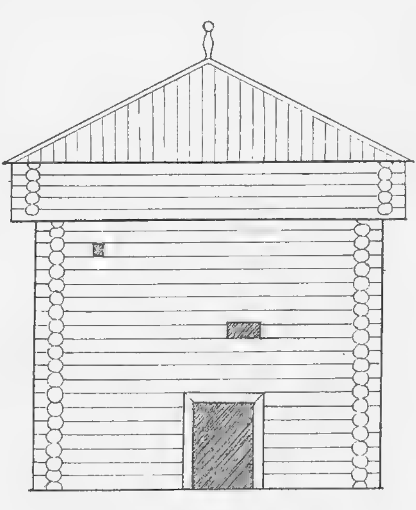

Чертежъ 43. Планъ къ чертежу 42-му. *а*—печь.

[1]) См. стр. 120.

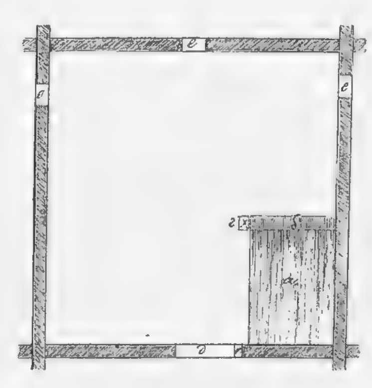
[2]) Стр. 7. При указаніи мѣста острога мы опустили подробности, полагая ихъ ввести здѣсь, что и исполняемъ теперь.

старое мѣсто и поставленъ хоть и не при самомъ устьѣ Оки, но противъ него, на правомъ берегу Ангары, въ видахъ большей безопасности отъ нападеній бурятъ. Затѣмъ, когда буряты нѣсколько поуспокоились, по распоряженію Енисейскаго воеводы Аѳанасія Пашкова, Братскій острогъ былъ перенесенъ въ 1654 году на нижній протокъ устья Оки, гдѣ онъ находится и въ настоящее время (черт. 3) [1]. Слѣдовательно, уцѣлѣвшія въ немъ двѣ древнія башни (черт. 42, 43, 44, 45 и табл. XVIII, рис. 1) относятся къ этому году, а не ко времени его первоначальнаго основанія въ 1631 году. Наименованіе свое онъ, какъ извѣстно, получилъ отъ нахожденія своего въ землѣ бурятъ, родовое названіе которыхъ казаки передѣлали на русскій ладъ и прозвали ихъ «братскими».

Чертежъ 44.
Фасадъ башни Братскаго острога.
(По документамъ дѣла Т.-С. К-та М. В. Д. 1869 г., № 287, т. I).

Кромѣ общихъ указаній о Братскомъ острогѣ, имѣющихся у разныхъ историковъ Сибири, имена которыхъ мы уже приводили [2], мы находимъ свѣдѣнія объ его старыхъ башняхъ какъ въ офиціальныхъ документахъ, такъ въ литературныхъ источникахъ, именно въ двухъ отношеніяхъ Иркутскихъ губернаторовъ и въ статьяхъ мѣстнаго изслѣдователя старины г. И. Воротникова, о которыхъ мы скажемъ ниже; а равнымъ образомъ и въ его сообщеніи приставу 3-го стана Нижнеудинскаго уѣзда, копія съ котораго имѣется въ дѣлахъ Археологической Коммиссіи.

Чертежъ 45.
Планъ къ чертежу 44-му.
а—печь.

Древнѣйшее изображеніе Братскаго острога мы видимъ точно также у Ремезова (черт. 46). Первоначально острогъ представлялъ собою прямоугольникъ съ четырьмя башнями по угламъ. Такъ какъ чертежъ Ремезова былъ сдѣ-

---

[1]) См. у Андріевича ч. I, стр. 62.
[2]) Стр. 17.

ланъ въ самомъ концѣ XVII столѣтія, а нынѣ существующія башни относятся къ 1654 году, то онѣ именно и изображены въ атласѣ къ «Чертежной книгѣ Сибири». Въ настоящее время башни эти находятся на углахъ церковнаго погоста, расположеннаго на холмѣ, среди села, что вполнѣ понятно: острогъ, какъ и всякое другое укрѣпленіе, долженъ былъ стоять на высокомъ мѣстѣ, или, въ данномъ случаѣ, на холмѣ. Когда жители собрались построить храмъ, то они очевидно поставили его, какъ свою единственную святыню и драгоцѣнность, подъ защиту стѣнъ острога, т. е. внутри его; когда же населеніе возросло, оно окружило своимъ жильёмъ острогъ, ставшій такимъ образомъ центромъ поселка.

Чертежъ 46.
Братскій острогъ.
(По Ремезову).

Затѣмъ наступили мирныя времена, острогъ остался безъ поддержки и нѣкоторыя части его исчезли; мѣсто его естественно обратилось въ «церковный погостъ», а обѣ уцѣлѣвшія башни очутились по угламъ (табл. XVIII, рис. 1). Что же касается до оріентировки башенъ, то она опредѣляется слѣдующимъ сообщеніемъ г. Воротникова [1]).

«Въ углахъ церковнаго погоста, говоритъ онъ; съ южной и съ западной стороны находятся башни; къ нимъ примыкаетъ церковная рѣшетчатая деревянная ограда, башня на *западномъ* углу отъ церковнаго крыльца отстоитъ на $17\frac{2}{3}$ саж., а отъ южнаго 11 саж. Мимо этихъ башенъ пролегаетъ улица по направленію отъ Ю.-В. къ С.-З., называемая въ Братскѣ Заднею улицею».

Отсюда ясно, что древній Братскій острогъ былъ оріентированъ не по странамъ свѣта, а произвольно, что, впрочемъ, вполнѣ понятно.

Первые чертежи Братскихъ башенъ (черт. 42—45) были доставлены въ М—во Вн. Д. въ 1870 г., вмѣстѣ съ чертежами Якутскаго острога, при отношеніи Иркутскаго губернатора, въ которомъ о нихъ было сказано слѣдующее: «Башни, существующія въ Братскомъ селеніи, Нижнеудинскаго округа, построены изъ лиственичнаго лѣса средняго размѣра, четырехугольныя, имѣютъ 8 арш. въ ширину и 10 въ вышину. Время постройки этихъ башенъ, по всей вѣроятности, совпадаетъ съ основаніемъ въ 1646 г. Братскаго острога

---

[1]) См. его статью: „О древнихъ башняхъ въ с. Братскомъ“ (Памятная книжка Иркутской губ. 1881 г., стр. 152—156).

(нынѣ селеніе) казакомъ Перфильевымъ по распоряженію Енисейскаго воеводы» [1]).

Эти краткія строки даютъ намъ весьма существенныя указанія: съ одной стороны относительно матеріала, изъ котораго сооружены башни, съ другой стороны относительно ихъ размѣровъ. Что же касается до сообщаемыхъ историческихъ свѣдѣній, то они невѣрны, ибо, какъ мы уже указывали, башни относятся ко временамъ *послѣдняго* переноса острога, т. е. къ 1654 году, а не къ 1646.

Затѣмъ имѣются весьма недавнія свѣдѣнія о Братскомъ острогѣ, относящіяся къ 1904 году. Сообщены они были Иркутскимъ губернаторомъ, который въ отвѣтъ на запросъ Археологической Коммиссіи прислалъ фотографію западной башни (табл. XVIII, рис. 1), присовокупляя, что подробное описаніе Братскаго острога было помѣщено въ №№ 225, 232, 242 и 248 [1]) «Иркутскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» за 1902 годъ г. Воротниковымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ губернаторъ прислалъ и дополнительныя свѣдѣнія, полученныя отъ автора этого описанія [2]).

Свѣдѣнія, сообщаемыя г. Воротниковымъ въ № 225 «Иркутскихъ Вѣдомостей», относятся непосредственно къ Братскому острогу, а потому мы ими воспользуемся ниже. Что же касается «дополнительныхъ» его свѣдѣній [3]), то они къ острогу никакого отношенія не имѣютъ, слѣдовательно, несмотря на то значеніе, которое они имѣютъ для исторіи православія въ этомъ краѣ, намъ не нужно ихъ касаться. Въ этомъ «дополненіи» любопытно только указаніе на тотъ способъ, которымъ г. Воротниковъ собиралъ свои свѣдѣнія.

«Описаніе Братскаго Острога, говоритъ онъ, напечатанное въ №№ 225, 233, 242 и 248 «Иркутскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» за 1902 годъ, составлялось мною съ 1862 года, по свѣдѣніямъ, добытымъ разными путями: чрезъ разспросы стариковъ, большею частью грамотныхъ; нѣкоторые грамотѣи записывали разныя событія на своихъ книгахъ — псалтиряхъ, часословахъ и др., я пользовался этими матеріалами; независимо этого я пользовался разными отрывочными свѣдѣніями изъ книгъ и газетъ по исторіи Сибири, пользовался выписками изъ «Иркутскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей», касающимися, иногда,

---

[1]) См. Дѣло Т.-С. К—та, № 287-й, т. I, 1869 г., отношеніе п. д. Иркутскаго губернатора отъ 17-го сент. 1870 г. за № 4216 и при немъ „Описаніе памятниковъ древности, наход. въ Иркутской губ.“

[2]) См. Дѣло Имп. Археолог. Коммиссіи 1904 года за № 92, отношеніе Иркутскаго г—ра отъ 17 сентября 1904 года за № 17011.

[3]) Ib. Сообщеніе г. Иннокентія Воротникова приставу 3-го стана Нижнеудинскаго уѣзда.

здѣшней мѣстности; такимъ образомъ, къ напечатанному въ «Иркутскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» описанію, пока, я ничего болѣе сообщить не могу; могу добавить къ описанію моему развѣ еще замѣтку о Братской Пустыни, за время управленія Иркутскою епархіей святителя Иннокентія (1728 г.), по оплошности моей не вошедшую въ вышесказанное описаніе» [1]).

Изъ свѣдѣній, сообщаемыхъ г. Воротниковымъ о самомъ острогѣ, мы воспользуемся лишь тѣми, которыхъ не приводили еще изъ другихъ источниковъ. Вотъ, что онъ сообщаетъ объ остаткахъ острога:

«На двухъ углахъ церковной ограды на Ю. и З. стоятъ старинныя деревянныя башни, въ стѣнахъ которыхъ устроены дыры и окна; въ нихъ есть и печи, битыя изъ глины, прочности которыхъ, какъ и самыхъ башенъ, нельзя не удивляться, принимая во вниманіе почти трехсотлѣтнее ихъ существованіе; на третьей башнѣ колокольня. Старые жители Братска сказывали, что между башнями былъ устроенъ тынъ и пали, а потомъ уничтожены и замѣнены деревянною рѣшетчатою оградой. Кромѣ того, старожилы указывали вѣковую лиственницу, стоявшую недалеко отъ острога, у которой сходились шаманы для совѣщаній и жертвоприношеній, и мѣсто это для бурятъ было священное. Подробныхъ свѣдѣній объ основаніи острога не сохранилось. Извѣстно только, что онъ построенъ Енисейскимъ воеводствомъ двадцатью годами раньше Иркутска, слѣдовательно въ 1630 году (?). Съ начала построенія своего онъ находился верстахъ въ двухъ отъ того мѣста, гдѣ въ настоящее время существуетъ; перенесенъ же на нынѣшнее послѣ перваго сраженія съ бурятами около 1680 г. Первоначальными жителями острога были одни казаки. На мѣстѣ стараго острога, какъ его зовутъ обыкновенно, и понынѣ видны слѣды огородныхъ грядъ, погребовъ, домовыхъ основаній и т. п., поросшихъ уже кустарникомъ и лѣсомъ. Мѣстность эта ожидаетъ изслѣдованій и правильныхъ раскопокъ».

Сообщивъ затѣмъ о нападеніи бурятъ на одинъ изъ первыхъ остроговъ, легенду о придуманной ими хитрости и наконецъ о тѣхъ страшныхъ усиліяхъ, которыя русскіе должны были сдѣлать, чтобы отбить врага, г. Воротниковъ продолжаетъ такъ: «Послѣ того русскіе переселились на нынѣшнее мѣсто и, опасаясь вторичнаго нападенія, построили небольшое укрѣпленіе, состоящее изъ *трехъ* деревянныхъ башенъ, которыя и понынѣ существуютъ; двѣ четырехугольныя по 8 арш. въ ширину и длину и 10 арш. въ вышину; третья 10 арш. въ

---

[1]) Всѣ дополнительныя свѣдѣнія посвящены этой пустынѣ.

діаметрѣ и 24 арш. вышины; эта послѣдняя была у нихъ сторожевою. Впослѣдствіи на ней сдѣлана надстройка, въ которой устроена колокольня приходской церкви. Башни были окружены рогатками и тыновымъ заборомъ въ 2 с. вышиной. Въ *срединѣ своего укрѣпленія* русскіе построили деревянную церковь, которая въ 1840 году за ветхостью была сломана и вмѣсто ея построена новая, деревянная же, очень красивой наружности. Въ тепломъ придѣлѣ мѣстныя иконы въ иконостасѣ *старинной живописи*, освящены, какъ утверждали старожилы, св. Иннокентіемъ I, епископомъ Иркутскимъ, а самый иконостасъ перевезенъ сюда изъ Иркутскаго каѳедральнаго собора. Въ лѣтнемъ придѣлѣ храма *есть икона Спаса Нерукотвореннаго образа, оставшаяся отъ казаковъ, завоевателей Братска;* а въ ризницѣ хранится старинное Евангеліе временъ царя Алексѣя Михаиловича».

Къ этому можно еще добавить тѣ свѣдѣнія, которыя г. Воротниковъ сообщаетъ въ упомянутой уже выше его статьѣ [1]) о внѣшности башенъ: «Цвѣтъ ихъ почти черный отъ времени и дѣйствія солнечныхъ лучей; въ бревнахъ башенныхъ стѣнъ во многихъ мѣстахъ видны слѣды топора, что, какъ свидѣтельствуетъ преданіе, означаетъ то, что молодежь здѣшняя вырубала находившіяся въ стѣнахъ свинцовыя пули».

Затѣмъ нужно отмѣтить также данныя, сообщаемыя имъ о полахъ: «Внутренность башни раздѣляется на два этажа одинаковымъ (однорядным ъ) деревяннымъ поломъ; снизу вверхъ внутри башни хода нѣтъ, а чтобы попасть вверхъ, то нужно поставить лѣстницу, по которой и влѣзать въ верхній этажъ башни черезъ большое окно, находящееся съ боку въ стѣнѣ. Въ нижнемъ этажѣ башенъ нѣтъ пола, а въ верхнемъ потолка».

Разстояніе между башнями на чертежѣ, присланномъ въ М—во В. Д., показано въ 24 сажени.

Вотъ свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ о Братскомъ острогѣ. Намъ остается теперь только въ нихъ разобраться немного съ помощью рисунковъ и чертежей.

На основаніи чертежа Ремезова, въ достовѣрности котораго нѣтъ никакого основанія сомнѣваться, мы знаемъ, что Братскій острогъ состоялъ изъ четырехугольной тыновой ограды съ четырьмя башнями по угламъ. Что же касается до утвержденія г. Воротникова, что онъ имѣлъ *три* башни, то это объясняется, конечно, очень давнимъ уничтоженіемъ четвертой, чего поэтому и не помнятъ старожилы. Очень жаль, что въ документахъ Археологической Коммиссіи нѣтъ генеральнаго плана погоста, потому что съ его

[1]) См. стр. 145.

помощью можно бы рѣшить первый вопросъ, насколько вѣрно преданіе объ обращеніи одной изъ башенъ въ колокольню, а попутно съ нимъ и второй— оставлена ли она была на своемъ мѣстѣ, или перенесена на новое?

Извѣстіе о томъ, что башни были окружены «рогатками и тыновымъ заборомъ», весьма вѣроятно, ибо это одинъ изъ способовъ затруднять подступъ къ башнямъ, который между прочимъ былъ примѣненъ, какъ мы уже видѣли, къ башнямъ второго Якутскаго острога воеводою Бибиковымъ [1]). Равнымъ образомъ справедливы указанія на тынъ между башнями, потому что они сходятся съ изображеніемъ Ремезова.

Преданіе о лиственницѣ и святости мѣста для бурятъ весьма любопытно; оно какъ бы указываетъ на то обстоятельство, что русскіе съ умысломъ выбрали это мѣсто: они хотѣли подчеркнуть бурятамъ свою рѣшимость стоять твердою ногою въ краѣ.

Размѣры, показанные въ «отношеніи» губернатора, у г. Воротникова и на чертежахъ, сходятся между собою, слѣдовательно могутъ быть приняты за вѣрные. Къ этому считаемъ долгомъ присовокупить, что высота въ 10 арш. показана отъ земли до вершины пирамидальной крыши; что высота башни до облама—2 саж. 6 вершк., а высота облама—1 арш. 6 вершк.; свѣсъ его— 10 вершк., а кронштейны, какъ видно на снимкѣ съ натуры (табл. XVIII, рис. 1), образованы выступомъ только одного бревна. Крыши башенъ сдѣланы въ видѣ низкаго шатра, высота котораго равняется одной четверти ширины основанія. Такія крыши назывались встарину «колпакомъ». Онѣ крыты тесомъ; концы его, черезъ тесину, обрѣзаны въ видѣ копій. Стѣны рублены «съ остаткомъ». Толщина бревенъ 5 вершк., ибо высота стѣны до облама 2 саж. 6 вершк., а вѣнцовъ на снимкѣ съ натуры и на чертежахъ 20 штукъ, откуда толщина бревна опредѣлится такъ:

$$\frac{2\text{ саж. }6\text{ вершк.}}{20}=\frac{102}{20}=5^{1}/_{10}\text{ вершка.}$$

Печи въ башняхъ, которыя показаны на планахъ (черт. 43 и 45) и упоминаются г. Воротниковымъ, очевидно, позднѣйшаго происхожденія. Вѣроятно, послѣ уничтоженія острога башни были обращены въ жильё, напр. въ церковную сторожку или въ помѣщеніе для какого-нибудь одинокаго пономаря, и тогда потребовались печи.

Хронологическія данныя, сообщаемыя г. Воротниковымъ, нѣсколько расходятся съ данными, которыя мы находимъ у историковъ Сибири, по свѣ-

[1]) См. стр. 24.

дѣнія о слѣдахъ перваго острога и о нѣкоторыхъ памятникахъ старины въ нынѣшней позднѣйшей церкви Братскаго острога могутъ служить путеводной нитью для будущаго изслѣдователя и съ этой точки зрѣнія имѣютъ свое значеніе.

Намъ остается теперь упомянуть еще объ остаткахъ старины въ городѣ Балаганскѣ и Бѣльскомъ селеніи.

Мы уже сообщали свѣдѣнія о построеніи Балаганскаго острога (черт. 3 и 13) [1]. Онъ былъ основанъ въ 1654 году и, находясь на Ангарѣ, на половинѣ разстоянія между Братскимъ острогомъ и озеромъ Байкаломъ, имѣлъ большое значеніе въ смыслѣ удержанія края въ русскихъ рукахъ. Балаганскимъ онъ былъ названъ, какъ полагаетъ В. К. Андріевичъ [2], по имени сосѣдняго бурятскаго племени «балаготовъ». Древнѣйшее его изображеніе мы находимъ у Семена Ремезова (черт. 13).

Въ его же округѣ, въ Черемховской волости, на р. Бѣлой лежитъ Бѣльская слобода (черт. 3), острогъ которой былъ основанъ, по нѣкоторымъ источникамъ, въ 1691 году; но, судя по тому, что у того же Ремезова она показана безъ острога (черт. 47), надо думать, что онъ былъ основанъ нѣсколько позже.

Черт. 47.
Бѣльская слобода.
(По Семену Ремезову).

Свѣдѣнія объ остаткахъ древности въ г. Балаганскѣ и въ Бѣльской слободѣ мы находимъ въ томъ же отношеніи Иркутскаго губернатора, гдѣ сообщается и о Братскомъ острогѣ [3].

«Въ Балаганскомъ округѣ, говорится тамъ, находятся три памятника древности, а именно:

1) въ Балаганскѣ: а) деревянная башня, подъ которой въ настоящее время устроены ворота церковной ограды. (Табл. XVIII, черт. 2). По народному преданію башня эта построена въ 1634 г., т. е. во время водворенія въ Балаганскѣ боярскаго сына Дмитрія Фирсова съ казаками, воевавшими съ бурятами и возвращавшимися вверхъ по рѣкѣ Ангарѣ по покореніи Братскаго острога; но преданіе это едва ли справедливо, такъ какъ означенная башня по своему устройству не могла служить никакою защитою во время военныхъ дѣйствій; правильнѣе же другое преданіе, что башня эта построена на мѣстѣ сгорѣвшей деревянной церкви, ибо оно подкрѣпляется тѣмъ, что въ ней донынѣ находится икона Спасителя, поставленная потомками казаковъ, водворившихся въ

---

[1] См. стр. 16 и 37.
[2] См. стр. 74.
[3] См. ссылку на стр. 145.

Балаганскѣ, и б) каменный церковный памятникъ на площади у лавокъ; онъ построенъ въ 1728 г., съ разрѣшенія Преосвященнаго Иркутскаго Иннокентія, на мѣстѣ упраздненной церкви (по народному преданію сгорѣвшей).

2) Черемховской волости въ Бѣльскомъ селеніи находится деревянная башня, построенная, какъ говоритъ преданіе, лѣтъ за 150 въ память будто бы нашествія монголовъ на Бѣльскій острогъ. Башня эта имѣетъ два этажа съ перилами наверху для хода; во второмъ этажѣ ея со всѣхъ сторонъ по два окна величиною каждое не болѣе двухъ четвертей аршина». (Черт. 48, 49 и 50)[1].

Изображеніе Ремезова (черт. 13) ясно показываетъ намъ, что Балаганскій острогъ представлялъ собою простѣйшій типъ сибирскаго укрѣпленія въ видѣ прямоугольника, обнесеннаго частоколомъ, въ которомъ никакихъ башенъ не было. Слѣдовательно это изображеніе опровергаетъ выше приведенное преданіе, въ которомъ, впрочемъ, сомнѣвается и самый оффиціальный источникъ. Поэтому правильнѣе допустить второе предположеніе о происхожденіи башни. Рисунокъ, приложенный къ «отношенію», исполненъ отъ руки, въ большомъ масштабѣ, свинцовымъ карандашемъ и сдѣланъ настолько наивно, что намъ пришлось его нѣсколько поисправить для помѣщенія въ этомъ трудѣ, а именно оказалось необходимымъ добавить лѣвую боковую стѣнку паперти, противъ которой приходится лѣстница. (Табл. XVIII, рис. 2). Часовня эта дѣйствительно очень похожа на нижнюю часть острожной башни, но во всякомъ случаѣ крайне пострадала отъ перестройки. Шпиль, съ шаромъ наверху, на крышѣ и николаевскій орелъ съ Императорской короной и горизонтально распростертыми крыльями, разумѣется, позднѣйшаго происхожденія.

Что же касается до «церковнаго памятника 1728 года», то хотя его рисунокъ, замѣтимъ попутно,—очень плохой, и имѣется въ дѣлѣ Т.-С. Комитета № 287, но онъ не представляетъ собою ничего достойнаго вниманія, а потому мы оставляемъ его въ сторонѣ.

Единственный памятникъ старины въ Бѣльской слободѣ (черт. 48), благодаря своей вышкѣ, относится къ типу такъ называемыхъ «дозорныхъ» или «сторожевыхъ» башенъ. По чертежу эта башня имѣетъ слѣдующіе размѣры: 2 саж. въ квадратѣ въ планѣ, 2 саж. высоты до облама; обламъ высотою 1 саж.; первая крыша 2 арш., круговой балконъ вышки 1 саж. и шатеръ вышки 1 саж. 1 арш.; общая высота отъ земли до верху шарика 6 саж. 1 арш. Слѣдовательно эта башня значительно меньше Якутскихъ башенъ и больше Братскихъ.

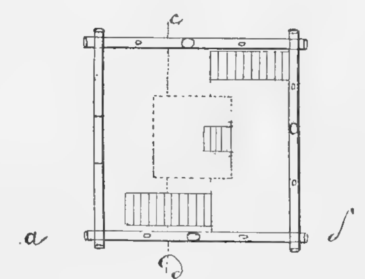
[1]) Іb. См. Описаніе памятниковъ древности, находящихся въ Иркутской губерніи, показанныхъ на прилагаемыхъ чертежахъ.

Устройство ея совершенно подобно дозорнымъ башнямъ Якутскаго острога. Отличіе заключается лишь въ томъ, что вышка сдѣлана рубленой, а сторожевой балконъ устроенъ вокругъ нея снаружи (черт. 48), подобно тому, какъ мы это видимъ на башняхъ Красноярска (черт. 29 и 30). Такое устройство

Черт. 48.
Башня въ Бѣльскомъ селеніи Иркутской губ.
(По документамъ дѣла Т.-С. К-та М. В. Д. 1869 года, № 287, т. I).

Черт. 49.
Разрѣзъ къ чертежу 48-му.

Черт. 50.
Планъ къ чертежу 48-му.

лучше открытой вышки, ибо часовой можетъ отъ времени до времени прятаться въ нее отъ непогоды, а равнымъ образомъ скрыться отъ непріятельскихъ стрѣлъ.

Въ чертежахъ Бѣльской башни особенный интересъ представляетъ собою разрѣзъ (черт. 49). На немъ не только видно три «моста» или пола башни,—первый «наземный», второй у облама и третій у вышки,—но даже показано устройство фундамента. По чертежу мы можемъ заключить, что въ землю были врыты «лежни», въ которые врѣзаны «стулья» [1]), а на нихъ уже основаны

[1]) Короткія вертикальныя бревна по бокамъ.

стѣны башни. Если при этомъ лежни опущены ниже уровня грунтовыхъ водъ, чѣмъ они обезпечены отъ гніенія, а относительно «стульевъ» тоже приняты мѣры предосторожности противъ гніенія, то такой фундаментъ очень проченъ и хорошъ для легкой деревянной постройки и несомнѣнно предохраняетъ ее отъ осѣданія и того наклоненія въ сторону, которое мы видимъ въ Якутскихъ башняхъ (табл. VI и VIII) и на которое указываютъ въ своихъ отношеніяхъ губернаторы, какъ на признакъ близкаго ихъ разрушенія.

Въ планѣ башни (черт. 50) показаны три лѣстницы, но въ виду ихъ отсутствія на разрѣзѣ способъ пользованія ими выяснить нельзя: вѣроятно двѣ, короткая и длинная, вели на «мостъ» облама, какъ болѣе приподнятый, а одна большая—на вышку. Но расположеніе ихъ въ планѣ такъ странно, что, повторяемъ, способъ ихъ пользованія точно опредѣлить нельзя.

Что касается до времени основанія башни, то преданіе, приводимое въ отношеніи губернатора, весьма вѣроятно: 150 лѣтъ до 1870 года есть не что иное, какъ 1720 годъ. Изъ чертежа Ремезова мы знаемъ, что въ 1701 году въ Бѣльской слободѣ башенъ не было, слѣдовательно она могла быть основана только *послѣ* этого времени. Затѣмъ набѣгъ монголовъ въ началѣ XVIII вѣка также весьма вѣроятенъ: западный конецъ Монголіи и теперь приходится въ какихъ-нибудь 250 верстахъ на югъ отъ Бѣльской слободы, а двѣсти лѣтъ тому назадъ былъ, разумѣется, еще ближе; Кяхтинскій-же договоръ, опредѣлившій нашу границу съ Монголіей и заключавшій въ себѣ статьи касательно пограничныхъ споровъ и грабежей, былъ заключенъ лишь въ 1728 году. Слѣдовательно ничто не противорѣчитъ приведенному выше преданію объ основаніи Бѣльской башни.

Въ заключеніе не можемъ не указать, что въ дѣлѣ бывшаго Хозяйственнаго Д—та М. В. Д. за № 607 и № 605 есть еще слѣдующія свѣдѣнія, относящіяся къ памятникамъ древности Якутской области и заключающіяся въ отвѣтахъ на неоднократно уже указанный нами запросъ Академіи Художествъ.

Свѣдѣнія эти относятся къ Колымскому и Вилюйскому округамъ, т. е. къ сѣверной и западной части Якутской области (табл. I).

По словамъ и. д. Колымскаго окружнаго исправника, г. В. Карзина, въ Вилюйскомъ округѣ «имѣется одна полуразвалившаяся деревянная башня, какъ остатокъ древняго Средне-Колымскаго острога, находящаяся нынѣ въ чертѣ ограды мѣстнаго Покровскаго собора. Башня эта срублена простою

рубкою въ четыре стѣны изъ мѣстнаго тонкаго лиственичнаго лѣса въ два яруса, съ миніатюрными прорубками для ружейныхъ стволовъ. Имя зодчаго этой башни неизвѣстно. Пространство, занимаемое башнею, равно 6 кв. арш. (?) Высота же башни отъ ея основанія до верхней оконечности крыши 10 арш. 2½ вершка».

«Постройку этой башни, по мѣстному преданію, относятъ къ первому появленію въ Колымскомъ округѣ первыхъ казаковъ завоевателей Сибири, т. е. къ 1640 годамъ» [1]).

Свѣдѣнія, сообщаемыя Вилюйскимъ окружнымъ исправникомъ, г. В. Шухардинымъ, нѣсколько болѣе подробны и касаются одной башни, старой церкви и туземныхъ народныхъ украшеній. Вотъ его подлинный отвѣтъ:

«Въ округѣ есть небольшого размѣра курганы, но таковые по наружному своему виду ничего особеннаго не представляютъ и подъ ними, по мнѣнію обывателей, находится ледъ».

«Въ Сунтарскомъ улусѣ, не въ далекомъ разстояніи отъ мѣстечка «Крестяхъ», сохранилась деревянная башня, построенная казаками. Преданіе говоритъ, что въ этой мѣстности явилось первое поселеніе русскихъ завоевателей, вступившихъ въ тотъ край, который составляетъ въ настоящее время Вилюйскій округъ, и самое названіе «Крестяхъ» производятъ отъ слова крестъ, такъ какъ русскіе, избравъ эту мѣстность, поставили здѣсь крестъ. Башня эта по своему виду и устройству, будто бы, не отличается ничѣмъ отъ тѣхъ, которыя находятся въ г. Якутскѣ, но несравненно меньше размѣромъ. Изъ старыхъ деревянныхъ построекъ въ округѣ сохранилась только церковь, построенная, какъ говорятъ, лѣтъ двѣсти тому назадъ протоіереемъ Поповымъ, посвященнымъ въ протоіерея святителемъ Иннокентіемъ Иркутскимъ. Церковь эта находится въ Сунтарскомъ улусѣ. По времени постройки это была первая церковь въ округѣ. Въ настоящее время въ ней не происходитъ службы вслѣдствіе ея ветхости; колокольня ея уже обрушилась до половины. Въ этой церкви находились иконы, представляющія интересъ по древности письма. Часть этихъ иконъ и по настоящее время остается въ ней, а часть перенесена въ новую церковь.

У инородцевъ находили берестяныя женскія украшенія, которыя надѣвались на шею или грудь (въ родѣ малороссійскихъ монистъ или тѣхъ украшеній изъ серебряныхъ и золотыхъ монетъ, которыя носятъ татарскія женщины). Нарядъ этотъ представляетъ иногда довольно тонко и искусно вырѣзанныя

[1]) Отвѣтъ отъ 29 іюля 1887 года.

изъ бересты фигуры—круглыя, овальныя, четвероугольныя, нанизанныя на нитку. Эти берестяныя украшенія въ настоящее время замѣняются металлическими» [1]).

Приводя всѣ эти свѣдѣнія, мы, конечно, разсматриваемъ ихъ не какъ «археологическій матеріалъ», а лишь какъ «свидѣтельскія показанія» для будущихъ изслѣдователей. При этомъ считаемъ нужнымъ оговориться, что приведенныя нами свѣдѣнія сообщены двадцать лѣтъ тому назадъ, но что вѣрно для 1887 года, то можетъ быть совершенно невѣрно для 1907 года, а потому вполнѣ возможно, что отъ этихъ памятниковъ уже нѣтъ болѣе и слѣда; но теперь онъ останется по крайней мѣрѣ въ нашей археологической литературѣ.

Таковы свѣдѣнія, которыми можно располагать, на основаніи «архивныхъ» данныхъ, относительно древнихъ памятниковъ Восточной Сибири. Мы, конечно, далеки отъ мысли, что ими исчерпывается «все», и намъ остается только пожелать, чтобы мѣстныя силы поскорѣе взялись за дѣло и ознакомили русскую науку съ уцѣлѣвшими тамъ остатками древнерусской жизни.

Н. Султановъ.

С.-Петербургъ,
16-го мая 1907 года.

---

1) Отвѣтъ отъ 15-го сентября 1887 г.

КАРТА
СѢВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗІИ.
Второй половины XVII вѣка.

Составлена по документальнымъ даннымъ,
съ показаніемъ рѣкъ и остроговъ,
упоминаемыхъ въ „Описаніи остатковъ Якутскаго острога".

1. Видъ города Пелыма.
(По академической гравюрѣ второй половины XVIII вѣка).

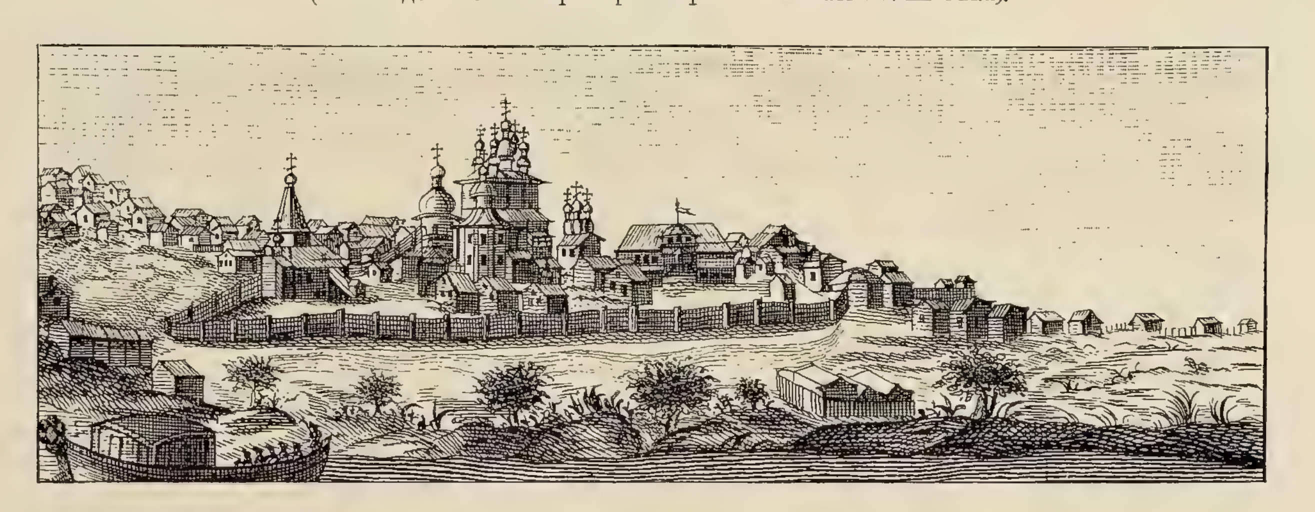

2. Видъ Якутска.
(По Витзену).

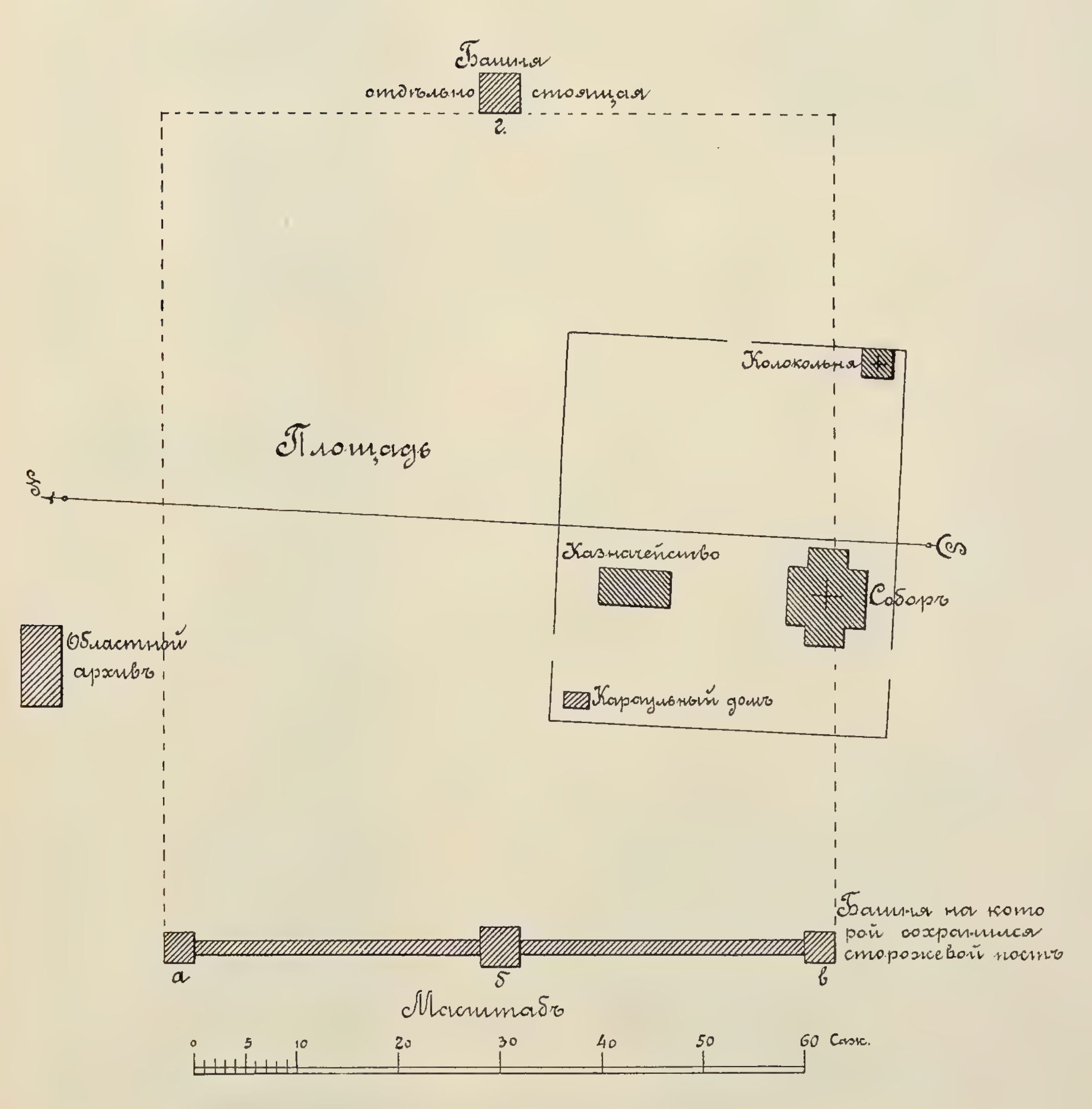
1. Соборъ.
2. Монастырь.
3. Зданіе суда.
4. Домъ комендaнта.
5. Крѣпостныя ворота и башенка съ часами и боемъ.
6. Арестантскій домъ.
7. Амбары.
8. Колодецъ въ крѣпости.
9. Цейхгаузъ.
10. Дома для канцелярскихъ служителей.
11. Проѣздныя ворота и башня.
12. Гостинница съ лавками.
13. Церковь въ городѣ.

1. Видъ Якутска съ юго-западной стороны.
(По академической гравюрѣ второй половины XVIII вѣка).

2. Продолженіе того-же вида.
(Восточный конецъ города).

(По документамъ архивнаго дѣла Хозяйственнаго Д-та М. В. Д.,
№ 607 — № 105, 1877—79 г.г.).

1. Остатки Якутскаго „города“ съ *внѣшней* стороны.
(По документамъ архивнаго дѣла Хозяйственнаго Д-та М. В. Д., № 607—№ 105, 1877—79 г.г.).

2. Перспективный видъ остатковъ Якутскаго „города“ съ *внѣшней* стороны.
(По документамъ архивнаго дѣла Хозяйственнаго Д-та М. В. Д., № 607—№ 105, 1877—79 г.г.).

Сѣверная угловая башня остатковъ Якутскаго острога.

(По документамъ архивнаго дѣла Хозяйственнаго Д-та М. В. Д., № 607—№ 105, 1877—79 г.г.).

Средняя башня остатковъ Якутскаго острога съ наружной стороны.

(По документамъ архивнаго дѣла Хозяйственнаго Д-та М. В. Д., № 607—№ 105, 1877—79 г.г.).

Южная угловая башня остатковъ Якутскаго острога.

(По документамъ архивнаго дѣла Хозяйственнаго Д-та М. В. Д., № 607—№ 105, 1877—79 г.г.).

Отдѣльная, восточная башня остатковъ Якутскаго острога.
(По документамъ архивнаго дѣла Хозяйственнаго Д-та М. В. Д.,
№ 607—№ 105, 1877—79 г.г.).

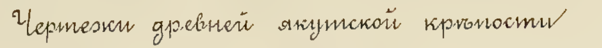
1. Наружный фасадъ Якутскаго острога.

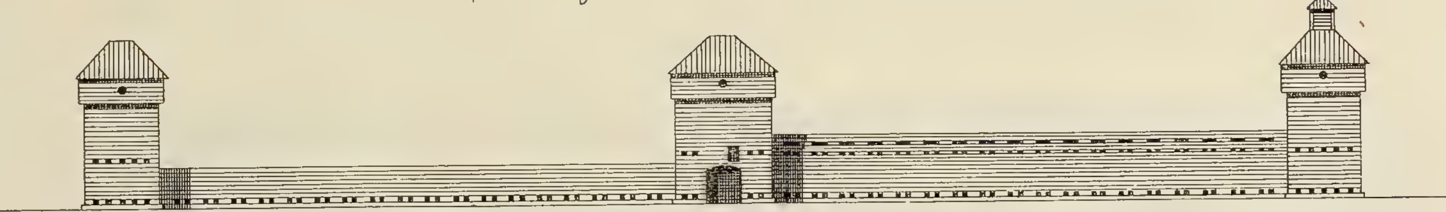
(По Кипріанову).

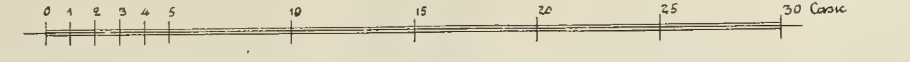

2. Внутренній фасадъ Якутскаго острога.

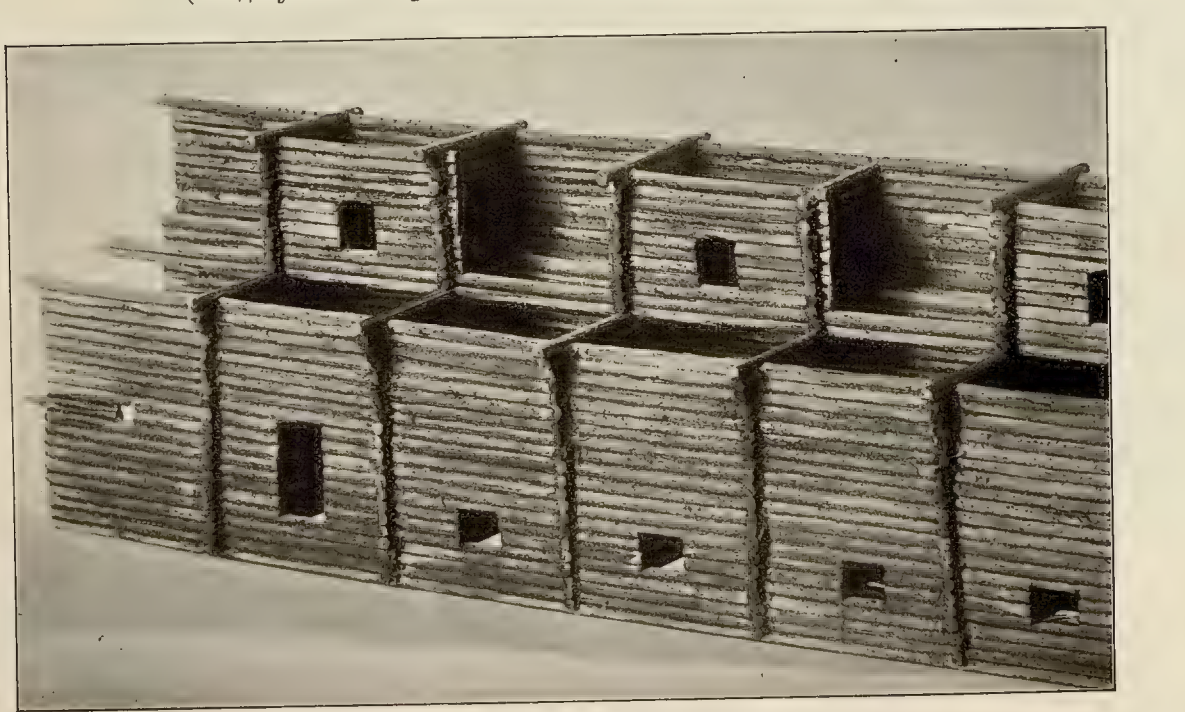
(По Кипріанову).

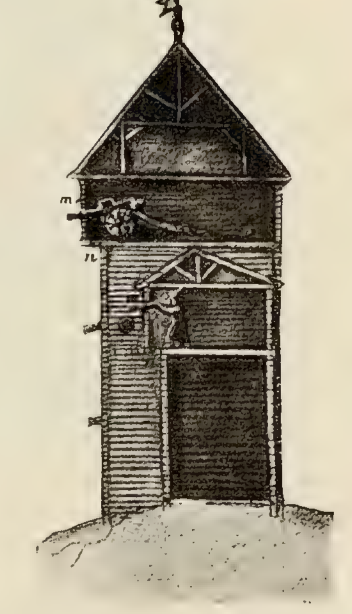

1. Внѣшній фасадъ остатковъ Якутскаго острога.
(По документамъ архивнаго дѣла Хозяйственнаго Д-та М. В. Д., № 507—№ 105, 1877—1879 гг.).

2. Стѣна Якутскаго „города" съ внутренней стороны.
(По модели Императорской Археологической Коммиссіи).

3. Разрѣзъ башни и стѣны г. Торжка.
(По Пальмквисту).

Южная, угловая башня Якутскаго острога.

(По модели Императорской Археологической Коммиссіи).

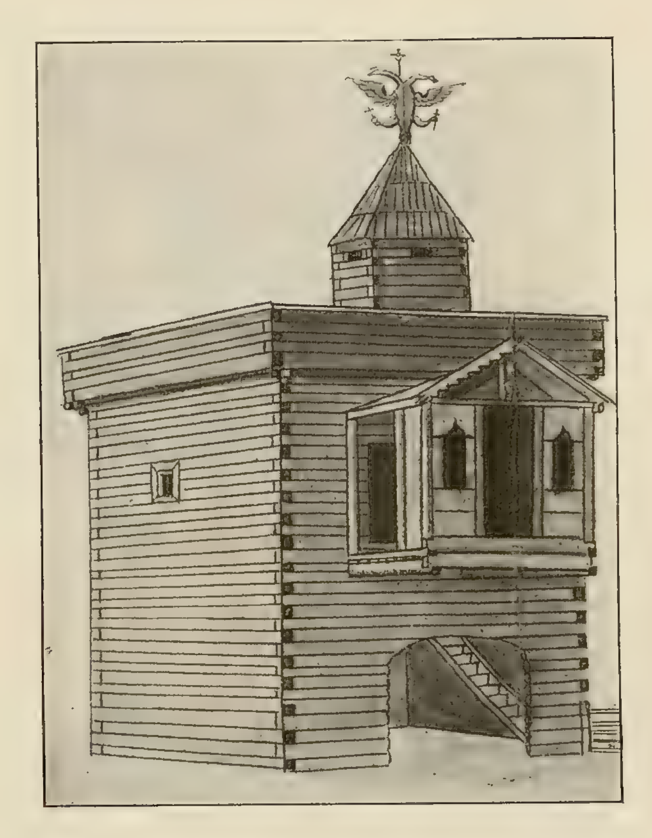
Отдѣльная, восточная башня Якутскаго острога. Фасадъ внутренней, западной стороны.

(По модели Императорской Археологической Коммиссіи).

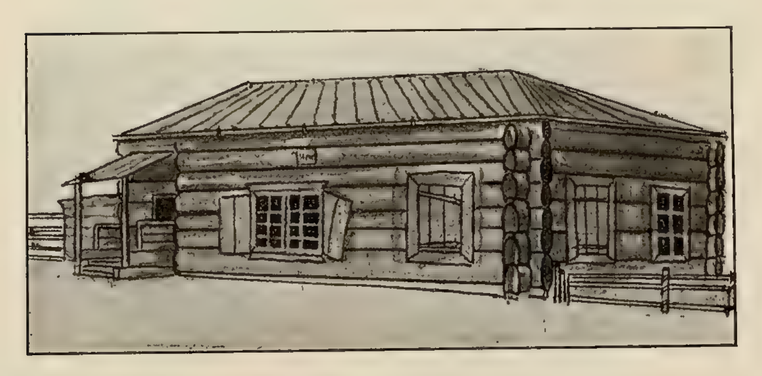
Отдѣльная, восточная башня Якутскаго острога. Видъ съ внѣшней, юго-восточной стороны.

(По модели Императорской Археологической Коммиссіи).

1. Спасская башня заштатнаго города Илимска.

(По документамъ дѣла Техническо-Строительнаго Комитета М. В. Д., № 287, т. I, 1869 года).

2. Старинный домъ у Спасской башни въ заштатномъ городѣ Илимскѣ.

(По документамъ дѣла Техническо-Строительнаго Комитета М. В. Д., № 287, т. I, 1869 года).

1. Никольская башня заштатнаго города Илимска.

(По документамъ дѣла Техническо-Строительнаго Комитета М. В. Д., № 287, т. I, 1869 года.).

2. Церковь Іоанна Предтечи заштатнаго города Илимска.

(По документамъ дѣла Техническо-Строительнаго Комитета М. В. Д., № 287, т. I, 1869 года).

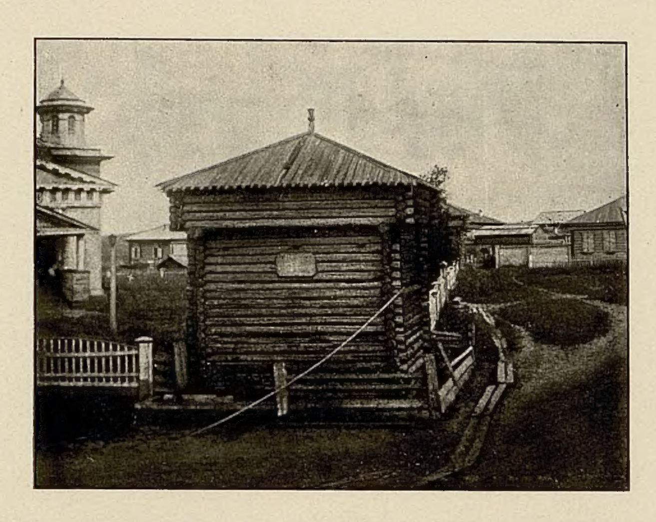
1. Казанская церковь заштатнаго города Плимска.

(По документамъ дѣла Техническо-Строительнаго Комитета М. В. Д., № 287, т. I, 1869 года)

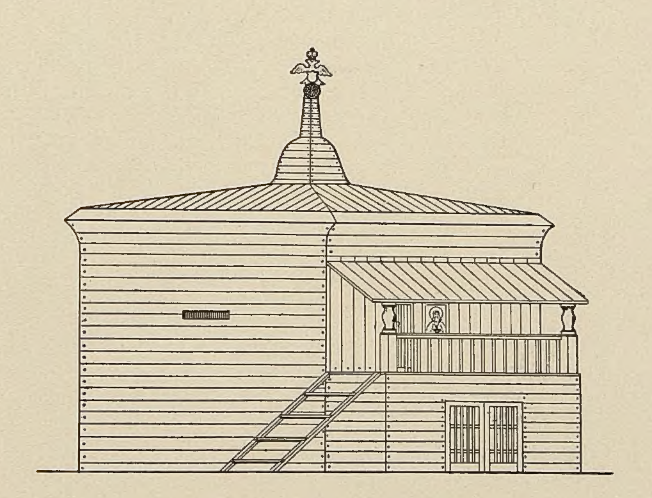
2. Введенская церковь заштатнаго города Илимска.

(По документамъ дѣла Техническо-Строительнаго Комитета М. В. Д., № 287, т. I, 1869 года).

1. Западная башня Братскаго острога.

(По документамъ Императорской Археологической Коммиссіи).

2. Часовня въ г. Балаганскѣ.

(По документамъ дѣла Техническо-Строительнаго Комитета М. В. Д., № 287, т. I, 1869 года).

